

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМНАНІЯ

РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

ПО РОССИИ,

ВЪ 1845 ГОДУ.

Миссина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1848.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

250

91
450

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 26 Января 1848 года.
Цензоръ А. Крыловъ.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

к

ВСЕМНОСТИВЪЙШИЙ ГОСУДАРЬ.

Извѣстно всѣмъ, что Русскому ЦАРЮ дорого все Русское. Безъ этого убѣжденія я бы не осмѣлилась посвятить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ слабые мои очерки Смоленска, Кіева, Тавриды и друиыхъ мѣстъ, которыя объѣхала я въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Смѣю похвалиться истиною моихъ разсказовъ, но они могутъ только дать понятіе объ уцѣльшихъ у насъ древнихъ памятникахъ, объ остромахъ

умъ и природныхъ добродѣтеляхъ нашего народа,
о твердыхъ у насъ основаніяхъ могущества и благо-
денствія.—Я только льщу надеждою, что кто
нибудь, съ бѣлыми свѣдѣніями и дарованіями,
вздумаесть ѣхать по слѣдамъ моимъ, и что тогда
разовьется у насъ охота изучать свое отечество,
для собственнаго наслажденія и на пользу общую.
ГОСУДАРЬ, кнѣга моя принадлежитъ ВАМЪ, и
по ВАШЕЙ заботливости о блажь БОГОМЪ

въвереннаго ВАМЪ обширнаго Царства, и по чув-
ствамъ глубокой ВАМЪ благодарности моей и
преданности.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ,
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподающая
Олимпиада Шишкина.

ВВЕДЕНІЕ.

Около трех лѣтъ тому назадъ, рѣшаясь путешествовать по Россіи, я однако боялась, чтобы не пришлось мнѣ каяться, что увлеклась моими чувствами, вопреки всему, что говорили мнѣ о трудностяхъ такого путешествія и невозможности чрезъ это поправить разстроенное здоровье, и что сама я испытала, ѣздивъ въ деревню, чрезъ Ладогу и Сомину, по большой Ярославской дорогѣ. Но я не перемѣнила моего намѣренія, и исполнивъ его, благодарю Бога, что не бывавъ въ чужихъ краяхъ, предпочла узнать мое отечество!—Путешествіе мое было не скучными, однообразными переѣздами изъ города въ деревню, и изъ деревни въ городъ; часто, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно слѣ-

шатъ перемѣнить лошадей, не воображая, чтобы можно было въ нихъ чѣмъ нибудь заняться, я проводила нѣсколько часовъ, даже цѣлые дни, осматривая, съ величайшимъ удовольствіемъ, уцѣлѣвшія въ древнихъ монастыряхъ и соборахъ, гдѣ наиболѣе заботились о ихъ сохраненіи, зданія и вещи, которыя привлекли бы за границую толпы любопытныхъ посѣтителей, самихъ Русскихъ, стремящихся тамъ, наравнѣ съ туземцами, видѣть и изучать все, что можетъ пояснить исторію, показавъ притомъ, въ какомъ состояніи въ разные вѣка находились науки и искусства.

Разбирая путевыя записки мои, я чрезвычайно жалѣла, что нигдѣ не могла долѣе пробыть, чтобы все осмотрѣть и узнать основательнѣе. У насъ, почти вообще, можно путешествовать пріятно и безопасно только съ Мая мѣсяца до половины Сентября, и я принуждена была всюду спѣшить: бывъ въ Кіевѣ, не видала его окрестностей, не рѣшилась въ Крыму заѣхать въ Козловъ, Судакъ и Керчь, страшась, чтобы на возвратномъ пути не захватила меня зима.—И не одного только времени не доставало мнѣ; со мною не было, да лучше сказать, у насъ почти и нѣтъ

книгъ, по которымъ можно было бы тотчасъ отыскать все достойное вниманія. За границею это такъ все подробно описано, что даже, какъ извѣстно, самаго Александра Дюма подозревали, что онъ составлялъ изъ чужихъ наблюденій и разказовъ изданныя имъ путешествія. Слабость здоровья моего также часто, особенно сначала, принуждала меня отдыхать въ горницѣ, когда бы, гуляя, я могла узнать отъ обывателей много любопытнаго.—Но, при всѣхъ недостаткахъ моихъ очерковъ, для меня самой слишкомъ неудовлетворительныхъ, и то, что я могу разсказать, не всѣмъ извѣстно.—У насъ всего болѣе описывали Крымъ, но немногіе читали сочиненія Палласа, Сестренцевича, Муравьева-Апостола и другихъ путешественниковъ, или считая ихъ слишкомъ учеными, или совсѣмъ забывъ о нихъ. Вообще о Россіи, въ нынѣшнее время, болѣе писали иностранцы, которые о всѣмъ у насъ судятъ съ завистливымъ пристрастіемъ, часто слышно вѣря шуточнымъ разказамъ, или увлекаюсь своимъ воображеніемъ; напрямѣръ, въ книгѣ его, впрочемъ хорошо написанной: «*Степи Каспійскаго моря, и пр.*» (a), сочи-

(a) *Les steppes de la mer Caspienne etc. par Xavier Hommaire de Hell.*

нитель, Исавье Гоммеръ де Гель, утверждая иногда совершенныя нелѣпности, съ восторгомъ говорить, что между Бакчисараемъ и Севастополемъ рѣки, деревни, луга, холмы и города быстро смѣняются, между тѣмъ, какъ тутъ нѣтъ ни одного города.

Много лѣтъ провела я за старинными лѣтописями, стремясь изданіемъ историческихъ романовъ «Князь Скопичъ-Шуйскій» и «Проконій Ляпуновъ» напомнить Русскимъ, какъ страдала Россія, когда въ ней, переставъ цѣнить все родное, вѣрились лукавымъ чужеземцамъ, и теперь, не безъ трудовъ и пожертвованій, въ преклонныя мои лѣта, проѣхавъ нѣсколько тысячъ верстъ, считаю долгомъ передать моимъ согражданамъ все, что видѣла, прибавивъ къ этому и разныя воспоминанія о людяхъ, по чему нибудь замѣчательныхъ, съ которыми прежде встрѣчалась, о происшествіяхъ, изображающихъ нравы и обычаи Русскіе, которыхъ бывала свидѣтельницею.— Души высокія не подвигаются любви моей къ роднѣ и моему желанію убѣдить Русскихъ, что въ Россіи также можно наслаждаться жизнью, какъ и въ странахъ болѣе богатыхъ произведеніями художествъ, гдѣ теплѣе воздухъ и земля лучше

обработана. Всего этого можемъ и мы достигнуть. Промышленность и желаніе обогатиться превратили лѣса и пустыни Американскіе въ прекраснѣйшіе города и села, и когда къ своекорыстнымъ этимъ побужденіямъ присоединяется горячая любовь къ родной землѣ и ревностная преданность вѣрѣ Православной, и умы наши, и чувства, все около насъ возвысится и процвѣтетъ!

И, если мои рассказы хотя двухъ, трехъ челоѣкъ заставятъ пожелать короче узнать отечество, распространяя къ нему уваженіе, я буду вполнѣ награждена за труды мои, буду наслаждаться мыслью, что я жила не напрасно, что и мое зерно принесло плодъ, и моя лента принята въ сокровищницѣ великихъ подвиговъ на пользу общую, нераздѣльную съ пользами частными!

Я не располагалась, отправляясь путешествовать, издать книгу мою съ видами, и всѣ, которые сами занимались этимъ, знаютъ, какъ у насъ еще трудно такое предпріятіе, на которое я вдругъ рѣшилась, по общему увѣренію, что это доставитъ удовольствіе читателямъ.—Приложенные планы и большую часть видовъ работала художникъ

Ивановъ, а въ два тона виды, Дараганъ, и какъ ни была поспѣшна эта работа, нельзя по ней сомнѣваться, что у насъ можно отыскать людей искусныхъ, которые рады трудиться.—Планъ Ираклійскаго полуострова съ видами и планомъ развалинъ Новаго Херсонеса, какъ нынѣ зовутъ въ Крыму Греческій Херсонъ, чтобы отличить его отъ губернскаго города Херсона, присланы мнѣ изъ Севастополя капитаномъ перваго ранга Э. А. Аркасомъ, вполне изучившимъ древности этого края. Гробницу Маріи, въ бытность мою въ Бакчисараѣ, срисовалъ мнѣ М. И. Бларамбергъ. Прочіе виды заимствовала я изъ разныхъ мѣстъ, и наиболѣе изъ очерковъ Россіи покойнаго В. В. Пассека, роднаго брата героя Кавказскаго.

I.

С. Петербургъ, апрѣль 20, 1845 г.

Время летитъ, и кажется тѣмъ скорѣе, чѣмъ мы долѣе живемъ, чѣмъ болѣе приближаемся къ цѣли, для которой созданы. Я помню, когда была ребенкомъ, недѣли казались мнѣ долгимъ срокомъ, а теперь не вижу какъ проходятъ мѣсяцы и цѣлые годы. Давно ли, кажется, насту-

нила зима, должно было заботиться о шубахъ, о свѣчахъ и дровахъ? Всѣ толковали тогда объ Итальянской оперѣ, и о концертахъ, совершенство которыхъ заставляло забывать морозы, равно восхищая стариковъ и молодыхъ. — Давно ли все это было, и уже почти нѣтъ тому слѣдовъ. Надоѣвшія шубы брошены, печи и камни перестали топить; не объ оперѣ и концертахъ, а объ отъѣздѣ въ Германию, Италию, или Францію разсуждаютъ въ домахъ и на улицахъ.

Охота путешествовать всюду распространяется. Какое-то беспокойное чувство, неизвѣстное въ прошлыхъ вѣкахъ, тревожитъ сердца; покой и довольство уже недостаточны для счастья людей. Прежде любили жить на одномъ мѣстѣ, не перемѣняя ни общества своего, ни своихъ занятій; нынче всѣмъ кажется, что у нихъ густѣетъ кровь, притупляются всѣ чувства, если они видятъ одни и тѣ же предметы, дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ: съ распространяющимся просвѣщеніемъ развивается мечтательность, всѣ жаждутъ новаго, лучшаго.

Но, стремясь путешествовать, Русскіе стремятся узнавать чужія земли, мало заботясь посмотреть Россію. Какъ, нѣкогда, во Франціи,

система Лава, вскруживъ всѣ головы, заставляла промѣнивать золото на лоскутки бумаги, въ надеждѣ, удесатеривъ чрезъ это свое богатство, удовлетворить всѣ свои прихоти, такъ у насъ годъ отъ году охотѣе закладываютъ родовыя имѣнія, чтобы ѣхать въ разные края Европы, вѣрно надѣясь насладиться тамъ всѣми земными радостями.

Путешествіе за границу нужно и полезно у насъ тѣмъ, чье здоровье разстроено суровымъ климатомъ, или печалью сердечною, и тѣмъ, которые желаютъ сами испытать справедливость молвы о изобиліи, благополучіи и могуществѣ чужихъ земель. Такіе путешественники, безпристрастно изучивъ положеніе и нравы жителей различныхъ странъ, убѣждаются, что нравы, законы и обычаи Русскіе во многомъ превосходятъ (а). Я истинно наслаждалась, читая объ этомъ, или слушая тѣхъ, которые, перѣносясь печатать своихъ наблюденій, рассказывали мнѣ, что имъ было очень пріятно посмотреть чужія земли, но что они съ сердечнымъ утѣшеніемъ воротились въ Россію, и теперь бо-

(а) Римскія письма. — Замѣтки за границею Ф. Л.— Путевыя письма изъ Англій, Германіи и Франціи, и пр.

лѣ прежняго цѣнять счастье быть Русскими. Нельзя сомнѣваться въ справедливости словъ этихъ, которыми у насъ еще не щеголяютъ.

Съ малолѣтства наслушавшись моихъ родителей, отъ С. Петербурга и Москвы до Кіева и Пензы, хорошо знавшихъ Россію, я никогда не сомнѣвалась, что обширное отечество наше достойно вниманія, и любимою мечтою моею всегда было путешествіе по Россіи.—Особенно горячо желала я поклониться святынямъ Кіевскимъ, но обстоятельства не допускали меня исполнить это желаніе, и, съ году на годъ отлагая его, я вовсе уже не надѣялась въ этомъ успѣть. Между тѣмъ, многолѣтняя тяжба, отъ которой зависѣло все спокойствіе моихъ ближнихъ, совершенно разстроила мое здоровье. Истощивъ все свое искусство, добрый докторъ мой совѣтовалъ мнѣ путешествовать. Онъ не находилъ, что мнѣ нужны теплыя воды, но сказалъ, что мнѣ необходимо подышать южнымъ воздухомъ и беззаботно отдохнуть, чтобы избавиться недуга, отъ котораго не всегда скоро умирають, но, что ужаснѣе смерти, страдаютъ во всю жизнь.

Куда же вы поѣдете? спрашиваютъ меня всѣ, кому, получивъ средства предпринять

цѣлительное путешествіе, съ восторгомъ рассказываю я о новой милости моихъ всегдашнихъ, Августѣйшихъ благодѣтелей, и удивляясь, что я хочу путешествовать по Россіи, стращаютъ меня дурными дорогами, дурными постоями, невозможностью за дорогія деньги найдти порядочную пищу. Нельзя не вѣрить этому, но извѣстно, что и въ государствахъ болѣе населенныхъ, и по желѣзнымъ дорогамъ случаются бѣдственныя происшествія, ужаснѣе всего, что можетъ случиться у насъ, и я, призвавъ Бога въ помощь, рѣшаюсь, во что бы ни стало, побывать въ Кіевѣ, а если туда благополучно доѣду, отправиться въ Одессу и Крымъ.

Узнавъ объ этомъ, одна изъ прежнихъ Смольновскихъ подругъ моихъ, нѣкогда блиставшая красотой, ловкостью и веселою любезностью, теперь забытая міромъ, недоступнымъ ея бѣдности, ея хворому здоровью, съ жаромъ сказала мнѣ, что она считаетъ завиднымъ счастьемъ помолиться тамъ, гдѣ молились равноапостольный Князь Владиміръ, и его святая бабка Княгиня Ольга, и всѣ угодники Печерскіе, молитвы и примѣры которыхъ равно для насъ спасительны.—Опишите намъ, прибавила она, все, что

увидите въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ: подѣлитесь съ нами вашими наслажденіями!

Да, я счастлива!—Я вполне довольна!—Но едва ли могу я исполнить трогательную просьбу страдальцы; чувствую, что у меня не достанетъ на это ни свѣдѣній, ни дарованій, особенно не надѣюсь я достойно изобразить Кіевъ, гдѣ жили и царствовали люди, равно славные между владыками земными и святыми угодниками, гдѣ разрушенные свирѣпыми врагами храмы Православные снова возстали въ прежнемъ блескѣ, гдѣ каждый шагъ ознаменованъ великими или плачевными событіями!—Довольно потрудились надъ этимъ людей вдохновенныхъ! Мнѣ ли за это приниматься?

Но—простяки и юродивые славятъ Бога! грѣшно таить истину потому, что не умѣешь красно рассказывать!—Долго думала я объ этомъ, и наконецъ отправилась въ бумажную лавку купца Сѣмина, дешево купила у него, въ красныхъ цвѣтныхъ оберткахъ, маленькихъ тетрадокъ, которыя всегда можно имѣть съ собою въ карманѣ, и еще запасшись острымъ ножичкомъ и карандашами, приготовилась все, что увижу, или услышу отъ людей достовѣрныхъ, записывать немедленно, безъ чего легко можно

надѣлать много важныхъ ошибокъ, какъ это случилось и съ путешественниками несравненно болѣе меня опытными и учеными.

II.

ГАТЧИНА, ЛУГА, ГОРОДЕЦЬ.

Мая 28.

Слухи, что отъ разлившихся во многихъ мѣстахъ большихъ рѣкъ нѣтъ свободнаго проѣзда, и разныя мелочныя препятствія замедлили выѣздъ мой изъ Петербурга. Спутница моя Н. П. Олонкина также объ этомъ жалѣла, какъ и я сама, хотя увѣряли насъ, что это не помѣшаетъ

намъ въ половинѣ Іюня быть въ Одессѣ, пробывъ недѣлю въ Кіевѣ, по дороге куда нѣтъ ничего любопытнаго; что губернскіе города можно осмотрѣть въ два, три часа, а мимо уѣздныхъ лучше всего проѣхать ночью.

Особенно тяжело было ждать то платья, то шляпы давно заказанныхъ.— Это и всегда неприятно, но искусный врачъ обнадежилъ меня, что на югѣ поправится мое здоровье, и я нетерпѣливо желала туда ѣхать: каждый день, каждый часъ казались мнѣ очень долги. Я не могла ничѣмъ уже заниматься, и въ скукѣ и праздности овладѣвали мною самыя грустныя мысли.

Наконецъ мало по малу все устроилось, и мы, простившись съ родными и друзьями, отслужили молебень о благополучномъ путешествіи, и двадцать седьмое Мая отправились въ дальній, незнакомый путь.

Мы остановились въ Гатчинѣ у пріѣхавшей туда на лѣто почтеннѣйшей графини Варвары Николаевны Спренгпортенъ, вдовы известнаго графа Спренгпортена, по кончинѣ котораго посвятила она жизнь свою осиротѣлымъ родственникамъ.— Графъ Спренгпортенъ, бывший тогда барономъ, вступилъ въ Россійскую службу въ 1786 году, и пользовавшійся особеннымъ

довѣриемъ Императрицы Екатерины, былъ отпращенъ Императоромъ Павломъ къ Наполеону. Последний, въ знакъ своего къ нему уваженія, подарилъ ему осыпанный крупными бриллиантами портретъ свой, собственные свои портреты, и вновь вышедшую тогда книгу о Французской революціи съ 1789 до 1799 года (а). При ней сто тридцать шесть картинъ, превосходно нарисованныхъ и выгравированныхъ: тѣмъ тяжелѣе смотрѣть эти изображенія буйства черни, стремившейся ниспровергнуть правительство и законы, издревле охраняшіе безопасность Франціи, по внушеніямъ безбожныхъ властолюбцевъ, которые, суля всѣмъ свободу и счастье, облили кровію разграбленное ими отечество.

Императоръ Александръ Павловичъ также милостиво расположенъ былъ къ графу Спренгпортену, и послѣдній, по волѣ Его, объѣхавъ почти всю Россію, до границы ея съ Китаемъ, писалъ къ Государю изъ разныхъ городовъ, прилагая рисунки описываемыхъ имъ мѣстъ. Въ сохранившихся письмахъ его и краткихъ сужденіяхъ о разныхъ предметахъ, подѣ названіемъ:

(a) Collection complète des tableaux historiques de la révolution française, 3 volumes, in-folio.

«мечты моего отдыха въ углу моей горницы» (а) видна глубокая преданность Государю и горячая любовь къ Россіи. Можно судить иначе, но нельзя не сознаться, что сужденія Графа Спренгпортена исполнены правоты и искренности, и хотя онъ, почитая союзъ съ Франціей особенно полезнымъ Россіи, ошибся воображая, что побѣды первой, по пространству, разделяющему оба государства, не могутъ быть извѣстны въ Камчаткѣ, но онъ справедливо сравнилъ Наполеона съ Густавомъ Адольфомъ и Карломъ XII, прибавивъ: «такова будетъ судьба всякаго завоевателя, неумѣющаго ограбить себя.—Бонапарте можетъ многое завоевать, но Франція этого не сохранитъ (б).»

Я была въ Гатчинѣ первое лѣто послѣ выпуска моего изъ Смольнаго, когда въ Бозѣ почивающей Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ угодно было, по Ея ко мнѣ милости, помѣстить меня ко Двору Великой Княгини Екатерины Павловны, въ самый день Ея бракосочетанія съ Принцемъ Георгіемъ Ольденбург-

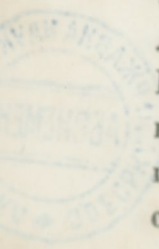
(a) Les rêveries de mon repos, du coin de ma chambre, en 1806.
 (б) Tel sera le sort de tout conquérant qui ne sait se borner. — Bonaпарте pourra donc faire des conquêtes que la France ne pourra garder.

скимъ 18 Апрѣля 1809 года. И тому уже тридцать шесть лѣтъ! И я пережила и Царицу, которой миллионы Русскихъ съ радостью пожертвовали бы нѣсколькими годами жизни своей, чтобы продлить Ея благодѣтельную жизнь, и Великую Княгиню, о которой съ почтеніемъ и любовью вспоминаютъ въ Твери и въ Стутгардѣ. Тридцать шесть лѣтъ какъ я провела нѣсколько часовъ въ Гатчинѣ съ прїѣзжавшимъ изъ Павловска Дворомъ. Не помню, въ какой это было день, помню только, что тогда цвѣли сирени и Императрица приказала всѣмъ раздать огромные пучки прекрасныхъ цвѣтовъ этихъ. Еще я помнила изумившее меня тогда эхо, и, отыскавъ къ нему дорогу, побѣжала по ней, почти воображая, что тамъ ждутъ меня прежнія подруги, но только одно эхо, по прежнему, меня привѣтствовало, повторяя слова мои: все кругомъ было мнѣ незнакомо. Я какъ-будто вѣкъ не бывала и во дворцѣ, но мнѣ казалось, что въ пустыхъ комнатахъ слышу я незабвенные голоса, и я долго стояла передъ портретомъ Екатерины Павловны, слишкомъ рано оставившей мїръ. Она написана въ шляпкѣ, и какъ-будто живая на меня глядѣла. Я много видала неудачныхъ списковъ съ этого портрета, и всегда

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

АВТОГРАФЪ ЦАРИЦЫ
И СТОЛБЦА

скимъ 18 Апрѣля 1809 года. И тому уже тридцать шесть лѣтъ! И я пережила и Царину, которой миллюны Русскихъ съ радостью пожертвовали бы нѣсколькими годами жизни своей, чтобы продлить Ея благодѣтельную жизнь, и Великую Княгиню, о которой съ почтеніемъ и любовью вспоминаютъ въ Твери и въ Стутгартѣ. Тридцать шесть лѣтъ какъ я провела нѣсколько часовъ въ Гатчинѣ съ прѣзжавшимъ изъ Павловска Дворомъ. Не помню, въ какой это было день, помню только, что тогда цвѣли сирени и Императрица приказала всѣмъ раздать огромные пучки прекрасныхъ цвѣтовъ этихъ. Еще я помнила изумившее меня тогда эхо, и, отыскавъ къ нему дорогу, побѣжала по ней, почти воображая, что тамъ ждутъ меня прекія подруги, но только одно эхо, по прежнему, меня привѣтствовало, повторяя слова мои: все кругомъ было мнѣ незнакомо. Я какъ-будто вѣкъ не бывала и во дворцѣ, но мнѣ казалось, что въ пустыхъ комнатахъ слышу я неизвѣстные голоса, и я долго стояла передъ портретомъ Екатерины Павловны, слишкомъ рано вступившей въ міръ. Она написана въ шляпкѣ, и такъ живая на меня глядѣла. Я много видѣла дѣльныхъ списковъ съ этого портрета.

ДВОРЦЪ ВЪ ГАТЧИНѢ
СО СТОРЖИ ОДН.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

досадовала на живописцевъ, не умѣвшихъ передать прелестныя, выразительныя черты.

Какъ извѣстно, Гатчина была любимымъ мѣстопробываніемъ Императора Павла. Я благоговѣю къ Его памяти за мудрый, благодѣтельный законъ Его о должникахъ. До Него, они невозвратно теряли свои залоги, если не могли въ срокъ заплатить долгъ свой, хотя бы промедливъ однимъ часомъ, и нерѣдко корыстолюбцы приобрѣтали недвижимыя имѣнія за четвертую, даже за десятую долю настоящей цѣны ихъ, до конца обнадеживая должниковъ, что отсрочатъ имъ платежъ. Отъ этого разорился и отецъ мой, исполненный высокихъ чувствъ, и потому самому слишкомъ довѣрчивый. Обративъ вниманіе на усиливающіяся злоупотребленія, Императоръ Павелъ издалъ существующій нынѣ законъ, по которому заблаговременно печатаютъ въ вѣдомостяхъ о продажѣ просроченныхъ по закладнымъ имѣніяхъ, предоставляя въ пользу должниковъ излишекъ суммы, которую занимали они.

Изучая въ Петербургѣ дорожную карту, я разочла, что ѣдучи въ Кіевъ мы будемъ недалеко отъ Смоленска, и мнѣ захотѣлось посмотреть древній городъ, неоднократно бывший оплотомъ отечества въ бѣдственныя времена, неоднократно своимъ разореніемъ и рабствомъ искупавшій Россію отъ рабства и разоренія. Милая моя спутница, взявъ на себя половину издержекъ, предоставила мнѣ распоряжать куда и какою дорогою мы поѣдемъ, и тотчасъ согласилась, вмѣсто Витебска, ѣхать на Смоленскъ. Это составляло лишнихъ сто верстъ, но мы надѣялись въ Смоленскѣ увидѣть гораздо болѣе памятниковъ историческихъ, и притомъ очень желали поклониться древней иконѣ Божіей Матери, по всей Россіи прославившейся своими чудесами.

Мечтая о Смоленскѣ, Кіевѣ, и Крымѣ пріѣхали мы въ Лугу, откуда самое живое воображеніе не вывезетъ ни одной мечты. Странно, что почти всѣ ближайшіе у насъ къ обѣимъ столицамъ города въ самомъ жалкомъ состояніи, какъ будто бы это препятствуетъ жителямъ ихъ заниматься промыслами. Луга вовсе не похожа на городъ. Это просто небогатое село, въ которомъ кромѣ собора нѣтъ другой церкви и ни

одного красиваго дома. Однако мы пріятно провели здѣсь часа два у Глафиры Григорьевны Брозиной, которую я знала въ Смольномъ, гдѣ она до замужства своего была классною дамою и потомъ инспектрисою. Она была въ Смольномъ воспитана, вмѣстѣ съ родною теткою моею спутницы, Марьей Козминичной Хрипуновой. Последняя, какъ большая часть старинныхъ монастырокъ, была при постороннихъ молчалива и даже дика, но коротко ее знавшимъ извѣстны были обширный умъ ея и высокія чувства. Она также была классною дамою, и, совершенно воспользовавшись превосходнымъ воспитаніемъ, не клася обо мнѣ какъ мать. Ея уже нѣтъ на свѣтѣ, но мнѣ сладостно выразить мою глубокую ей признательность. По любви ея ко мнѣ, любимая ея племянница сдѣлалась моею неразлучной подругой, когда я имѣла несчастіе лишиться единственной сестры моей. Такія связи бываютъ только въ казенныхъ заведеніяхъ, особенно же въ Смольномъ, гдѣ воспитанницы остаются гораздо долѣе. Глафира Григорьевна была пріятельницею Марьи Козминичны и хорошо знала младшую сестру ея, также воспитанную въ Смольномъ, милую и добрую Александру Козминичну Олонкину, и

мы, вспоминая объ нихъ, о незабвенной Начальницѣ Смольновской Юліи Ѳедоровнѣ Адлербергъ, и о другихъ особахъ, которыхъ знали въ разныхъ возрастахъ нашей жизни, не видали какъ протекло время, которое могли пробыть въ Лугѣ.

Намъ сказали, что на первой станціи, въ селѣ Городцѣ, церковь гораздо лучше Лугскаго собора, въ которомъ мы слушали конецъ обѣдни. Похвала эта немного обѣщала, и невозможно было во всѣхъ селахъ осматривать церкви; но положеніе двухъ церквей Городецкихъ, деревянной и каменной, на высокомъ, отдѣльномъ холмѣ, такъ необыкновенно, что мы рѣшились взойти на него по крутой лѣстницѣ, и въ награду за трудъ полюбовались живописными, окрестными видами, хотя сильный вѣтеръ, грозя сорвать насъ съ этой высоты, засыпалъ намъ глаза пескомъ. Холмъ этотъ напоминаетъ Бронницкій близъ Новгорода, на которомъ также стоитъ церковь, но та выстроена въ нынѣшнемъ столѣтіи, а деревянная церковь Городецкая древняя.

Увидя насъ, поднимающихся на холмъ, высокая, видная старуха явилась предложить намъ свои услуги. Я подумала, что это попадья.

— «Нѣтъ, отвѣчала она смиренно, я бѣдный человекъ, и прибавила, что она Нѣмка и, по убѣжденію сердечному помазавшись муромъ, выдала дочь свою за церковнаго сторожа. Она была одѣта очень чисто, и ея наружность вообще была привлекательна. Казалось, она жила въ довольствѣ, и всего лишася совершенно предалась волѣ Божіей. Дочь ея принесла церковные ключи, и онѣ объ увѣряли насъ, что тутъ былъ мужескій монастырь, и что въ деревянной церкви, подъ спудомъ, мощи его основателя, преподобнаго Трифона. Онѣ провели насъ въ глухой подвалъ, и тамъ указали бѣдную гробницу, повидимому совершенно забытую. Я читала въ Россійской Іерархіи, что тутъ дѣйствительно былъ мужескій Георгіевской монастырь, отъ котораго осталась одна деревянная церковь; при этомъ не упоминается ни о какомъ угодникѣ, и по другимъ книгамъ у насъ, во святыхъ, только два Трифона, одинъ, обратившій въ христіанство Лонарей, основатель монастыря близъ Колы, на рѣкѣ Печенгѣ, гдѣ и преставился, а мощи другаго подъ спудомъ почиваютъ въ Успенскомъ Вятскомъ Трифонови монастырѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что добрыя женщины повторяли затверженную молву безъ

всякаго доказательства ея справедливости. Это меня утѣшило. Слишкомъ было бы больно, что въ Россіи, у Русскихъ православныхъ мужиковъ, въ такомъ небреженіи святыя останки праведника.

Въ бывшей монастырской церкви образа очень древніе, на одномъ Адамъ и Ева, во время сошествія Христа Спасителя, послѣ воскресенія его, въ адъ, представлены въ лодкѣ, у которой огромные глаза и кругомъ зубы. Должна быть аллегорія, превратившаяся, по крайней мѣрѣ для меня, въ іероглифъ. Еще замѣчательнѣе образъ, хорошаго Греческаго письма: Успеніе Божіей Матери. Въ каменной церкви живопись новая, слишкомъ манерна, и Успеніе Божіей Матери не по преданіямъ нашей церкви, но просто изображена умершая, пожилая женщина, около которой молятся и плачутъ. Для входа трое дверей. Двѣнадцать столбовъ, по три вмѣстѣ соединенные, поддерживаютъ куполъ. Дѣйствительно, эта церковь гораздо лучше Лугскаго собора, и очень пріятно видѣть въ селѣ такое доказательство ревности прихожанъ.

Мы ночевали въ Катехной. Содержатель гостиницы Нѣмецъ; мы видѣли только дочь его, пригожую молодую дѣвушку. Входя въ комнаты, встрѣтили мы пробахихъ, оставившихъ ее въ большомъ безпорядкѣ: вездѣ было насорено и пролито. Скромно на это жалуясь, хозяйская дочь тотчасъ все убрала, и потомъ потрясла вѣтки разставленныхъ на окнахъ гераній, отъ чего разлился сильный, пріятный запахъ. Комната была очень хороша, но двери неплотно затворились, и можно было опасаться, чтобы кто-нибудь не вошелъ ночью. Сторожъ, отставной солдатъ, обѣщалъ, что онъ ляжетъ въ сѣняхъ и никого не допуститъ насъ потревожить. При томъ у насъ былъ еще ближе надежный оберегатель, малютка Кашташа, коричневая болонка необыкновеннаго ума и красоты, которая, издали услышавъ чужаго человѣка, своимъ звонкимъ лаемъ разбудила бы полумертваго.

Мы проспали очень спокойно, и на другое утро, напившись чаю, который также пили оставшись вечеромъ, за оба раза заплатили восемнадцать копѣекъ серебромъ, а за постой не взяли ничего. Мы не однажды испытали, что гдѣ луч-

ше приютъ, тамъ дешевле и плата, а гдѣ все дурно, тамъ и дорого. Лѣнныя и безтолковыя хозяева, у которыхъ рѣдко что покупаютъ, стараются за это вознаграждать себя на счетъ еще небывалыхъ у нихъ проѣзжихъ. На одной станціи мы попросили обѣдать у смотрителя, сказавшаго намъ, что онъ женатъ на Нѣмкѣ, что, по общему мнѣнію, заставило надѣяться, что мы будемъ хорошо угощены. Но едва ли, какъ часто случается, не называлась Нѣмкою простая Чухонка. Взявъ съ насъ очень дорого, подали намъ супъ и яичницу, на которые противно было взглянуть. Небогатымъ людямъ совсѣмъ не годится вмѣсто щей варить супъ: если мясо и не самое лучшее, капуста исправляетъ у него вкусъ, и вовсе безъ мяса щи питательны, но супъ долженъ быть очень хорошъ, или нигде не годится.

Бѣловолосая, молодая служанка, со щеками полными и красными, какъ сдобная булка, удивлялась, что мы пренебрегаемъ Нѣмецкою стряпнею. Она была вся въ грязи, неумытая и босая; сзади волосы у нея были зачеплены въ нѣсколько косъ, а спереди висѣли по плечамъ. По лицу ея и по выговору, ясно было, что она Чухонка; но какъ ни старались мы убѣдить ее, что

вовсе не должно стыдиться Чухонскаго происхожденія, и, что если бы только она была опрятнѣе, ее бы звали миленькой Чухончкой, она, присѣдая, повторяла, что она Нѣмка. Это развеселило насъ, и мы, послѣ неудачной попытки отобѣдать, утолили голодъ нашъ пирогами и апельсинами, которыми, по старому Русскому обычаю, щедро надѣлили насъ Петербургскіе друзья при отъѣздѣ въ дальній путь.

Въ Катейной съ величайшимъ сожалѣніемъ простившись мы съ шоссе, какъ съ добрымъ и почитательнымъ другомъ, который берегъ покой нашъ и здоровье, избавляя притомъ отъ лишнихъ издержекъ. Пошлину за проѣздъ по шоссе желали бы мы, и конечно не мы одни, но всѣ проѣзжіе безъ исключенія, платить во всю дорогу, какъ бы ни была она продолжительна. Мы ѣхали до Катейнаго на четырехъ лошадяхъ, по десяти и по двѣнадцати верстѣ въ часъ, безъ малѣйшаго съ нашей стороны понужденія: въ Катейной запрягли намъ восемь лошадей, и мы до Переросля, четырнадцать верстѣ, тащились цѣлые три часа. Въ корню запрягли шестерку, которая только что путалась, и мы, испугавшись, чтобы насъ не опрокинули, пошли пѣшкомъ, но сами взяли въ нескѣ, а платья наши безпре-

станно цѣплялись за канабру, и по неволѣ должно было воротиться въ карету.

Я грустно смотрѣла по сторонамъ: всюду дико, бѣдно, пусто. — И такъ, думала я, вспоминая все, что говорили объ этомъ въ Петербургѣ, должно ѣхать до самаго Кіева, изрѣдка встрѣчая города, немного лучше или еще хуже Луги. Однако я не раскаявалась въ моей рѣшимости. Кіевъ съ его завѣтными святынями, какъ солнечный лучъ между темныхъ облаковъ, сіялъ въ моемъ воображеніи, и я старалась мечтами о будущемъ развлечь тоску о настоящемъ. Много въ Россіи пустырей, лѣсовъ и болотъ, мало въ ней спокойныхъ пріютовъ для путешественниковъ, за то не должны мы страшиться будущего: не скоро настанетъ время, когда у насъ мало будетъ земли для прокормленія народа, какъ бы ни быстро возрастало число жителей. Эти самыя пески, по которымъ такъ скучно тащиться шагомъ, не Аравійскія степи, обреченныя на вѣчное безплодіе. На нихъ растетъ лѣсъ, а гдѣ растетъ онъ, будетъ расти и хлѣбъ, если на первый разъ удобрить землю пепломъ.

Лѣса всего скорѣе истребляются отъ дровъ на заводахъ и фабрикахъ; не обращая на это вниманія, многіе, кто не живалъ въ деревняхъ и не

занимался сельскимъ хозяйствомъ, считаютъ грубою законсѣлостью, почти преступленіемъ, обычай, въ сѣверныхъ краяхъ, жечь мелкій лѣсъ для посѣва хлѣба. Это работа очень тяжелая; никто на нее не рѣшится безъ крайней необходимости; но во многихъ мѣстахъ не одни крестьяне, сами помещики не имѣютъ средствъ содержать много скота, что бываетъ очень трудно не только зимою, но и лѣтомъ. Напримѣръ, въ хорошо извѣстныхъ мнѣ уѣздахъ Новгородской губернии, Устюжскомъ и Бѣлозерскомъ, въ лучшее время года коровы и лошади стоятъ на дворахъ, отъ множества слѣпней, такъ жестоко ихъ кусающихъ, что они сами бѣгутъ домой. Ихъ пасутъ только по ночамъ и по большой части въ лѣсахъ. Тамъ ихъ опять мучать мошки, и онѣ жмутся, голодныя, къ разведеннымъ огнямъ, откуда дымъ отгоняетъ мошекъ, или разбредутся по лѣсу, гдѣ нерѣдко бываютъ добычею медвѣдей и волковъ, или заблудятся такъ, что ихъ ищутъ по цѣлымъ суткамъ. Жалкое состояніе! Конечно, можно пособить этому обширными лугами; но, чтобы развести ихъ и на ихъ содержаніе, чтобы не заросли они снова лѣсомъ, который въ мѣстахъ мною описываемыхъ чрезвычайно скоро растетъ, нужны деньги и руки,

а тамъ вообще богаты только землею. У многихъ помѣщиковъ, на каждую ревизскую душу по сту, по двѣсти, и даже гораздо болѣе десятинъ земли съ лѣсомъ. Это стоило бы золотыхъ рудниковъ, если бы было водяное сообщеніе съ Петербургомъ или Москвою. Со временемъ, я не сомнѣваюсь, и у насъ всюду будутъ каналы и шоссе, но теперь, въ мѣстахъ малолетнихъ, гдѣ нельзя продавать строевой лѣсъ, а дровъ и даромъ не берутъ, произведеніе это, въ другихъ мѣстахъ драгоцѣнное, обращается въ пагубу. Среди лѣсовъ, и на самой хорошей землѣ, хлѣбъ часто гибнетъ отъ морозовъ, созрѣвая по близости, гдѣ мѣста открытыя. Совершенное истребленіе лѣсовъ на сѣверѣ было бы конечно бѣдственно, но дремучіе лѣса, гдѣ плодятся дикіе звѣри и зараждаются болѣзни, препятствуютъ успѣхамъ хлѣбопашества и народонаселенія, и только, сожигая молодые лѣса, можно удобрить и осушить землю, и уменьшить сырля, вредныя испаренія.

Римскіе историки Германию, Англию и Францію, нынѣ такъ хорошо обработанныя и плодотворныя, когда онѣ были покрыты лѣсами, описываютъ почти такъ, какъ мы теперь видимъ сѣверную Россію. И, что гораздо къ намъ ближе,

за полтора ста лѣтъ жители Невскихъ береговъ конечно не воображали, что на топкахъ ихъ болотахъ выстроится великолѣпный городъ, гдѣ будутъ въ садахъ цвѣсти розы и георгины, и созрѣвать яблоки и вишни.

Можетъ быть, я слишкомъ объ этомъ на досугѣ распространяюсь, не видѣвъ ничего по дороге, что бы стоило описать. Но я увлеклась моимъ горячимъ желаніемъ знакомить Русскихъ со всѣмъ происходящимъ въ разныхъ частяхъ Россіи. У насъ много людей умныхъ и просвѣщенныхъ, которые, видѣвъ за границею обычаи и постановленія чужихъ земель, воротаясь въ отечество, гдѣ имъ извѣстна только столичная жизнь, осуждаютъ всѣ Русскіе обычаи, судя по одной теоріи, не примѣняясь къ истинному положенію дѣлъ. Что полезно во Франціи или Англіи, можетъ быть пагубно въ Россіи; что необходимо въ Новгородѣ, будетъ вредно въ Астрахани, и наоборотъ.

Если бы у насъ, какъ въ большей части Европы, легко можно было составить общество богатыхъ промышленниковъ, для соединенія, въ Новгородской губерніи, рѣки Суды съ Аятю, прилежащей къ нимъ обширный край тотчасъ преобразился бы, закипѣла бы всюду дѣятельность

на пустынныхъ теперь берегахъ; жители обогатились бы, и Петербургу было бы очень выгодно получать бревна и дрова изъ богатыхъ лѣсовъ Устюжскихъ и Бѣозерскихъ. По увѣренію людей знающихъ, такое предпріятіе трудно начать, но не трудно было бы исполнить: нужно только на Судѣ сдѣлать нѣскольکو шлюзъ, и на ровномъ мѣстѣ прокопать на восемнадцать верстъ каналъ; все прочее разстояніе соединится озерами и рѣкою Ваджезою, впадающею въ судоходную Аять. Издержки на это тотчасъ были бы вознаграждены большимъ сокращеніемъ пути изъ Рыбинска, откуда суда, съ двойнымъ противъ нынѣшняго грузомъ, стали бы приходить съ небольшимъ въ двѣ недѣли, и, незатрудняемыя тутъ порогами, могли бы возвращаться назадъ, что одно было бы уже важною выгодною.

III.
**ПОРХОВЪ, ВЕЛИКІЕ ЛУКИ, УСВАТЬ, ВЕЛИЖЪ,
ПОРЪЧЬЕ.**

Юля 1.

Луга такъ бѣдна и ничтожна, что послѣ нея Порховъ показался намъ почти столицею. Дѣйствительно это хорошій городокъ. Приѣхавъ довольно рано, мы не хотѣли останавливаться, но пока мѣняли лошадей, пошли посмотреть древнюю крѣпость. Ее построили Новгородцы въ

XIV-мъ вѣкѣ, и потомъ, ровно чрезъ двѣсти лѣтъ, была она обновлена при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ. Изъ четырехъ ея башенъ отъ одной осталась только одна стѣна, а на другой надстроена колокольня. Я взшла на нее по деревянной лѣстницѣ. Странно было мнѣ видѣть эту новую, кирпичную колокольню, на ветхой башнѣ, сложенной изъ плитъ. Казалось она должна была ее раздавить; но древнія стѣны, свидѣтельница осады Витовта, переживъ славу и могущество владѣвшаго ими великаго Новгорода, и самое имя бывшихъ Князей своихъ, Смоленскихъ и Бѣльскихъ, кажется, обречены пережить еще много зданій моложе ихъ.

На рѣкѣ Шелони, по обѣимъ сторонамъ которой красиво лежитъ городъ, очень много мельницъ, почему въ ней вовсе нѣтъ рыбы, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ сказалъ встрѣтившійся мѣщанинъ въ нарядномъ кафтанѣ.

Когда мы воротились къ каретѣ еще не были готовы лошади и мы зашли въ лавки. Въ каждой дверь и окно, между которыми высокій прилавокъ: совсѣмъ не то, что привыкли мы видѣть въ Петербургѣ. Товары всякаго рода продаются вмѣстѣ: фарфоръ и сапоги, бронза и чай, помада и черносливъ, козе и крестьян-

скіе кушаки, и прочее. Странно видѣть эту смѣсь, но по моему это очень хорошо въ небольшомъ городѣ, гдѣ не наберется ни столько кунцовъ, ни столько покупателей, чтобы каждымъ товаромъ торговать отдѣльно.

Псковская губернія, въ прошломъ 1844 году, пострадала отъ наводненій, истребившихъ посѣянный хлѣбъ. Нынче, около Порхова, видъ полей обѣщаетъ хорошую жатву, и вообще окрестности этого города очень пріятны; много прекрасныхъ усадебъ. По дорогѣ были посажены березы, но нѣкоторыя выпали, другія можетъ быть срублены. Должно признаться, что у насъ худо сберегаютъ полезное. Какъ было бы хорошо, если бы всѣ эти аллеи разрослись, особенно если бы между березами были посажены ели. Онѣ несравненно долговѣчнѣе и зимою, красуясь на снѣгу, указывали бы путь.

Между станціями Ашевою и Бѣжаницами соевоный лѣсъ темный, зеленый, какого не видали мы еще выѣхавъ изъ Петербурга. Мнѣ казалось отъ него вѣтъ роднымъ моимъ воздухомъ. Я вспоминала, какъ я въ лѣсахъ Новгородскихъ ребенкомъ смѣло пробиралась между сплетшимися вѣтвями, какъ потомъ, слишкомъ десять лѣтъ не бывавъ на родинѣ, пріѣхала туда изъ

Твери. Когда мнѣ сказали, что началась земля моихъ родителей, мнѣ показалось, что на ней и свѣжѣ трава, и пріятнѣе запахъ полевыхъ цвѣтовъ; напротивъ того, тамъ только былъ темнѣ боръ, и верхушки сосенъ заслоняли солнце. Нѣтъ, нѣтъ, не вздорныя мечты воспоминаія дѣтства и любовь роднаго края; кому дорогъ онъ, у того сердце способно наслаждаться чужимъ счастьемъ, дѣлать чужое горе!

Юли 4.

Отъ Бѣжаницъ до Михайловскаго погоста, двадцать двѣ съ половиною версты, ѣхали мы очень тихо; самая скучная дорога, совершенно какъ большая Ярославская до Тихвина, горы, песокъ, глина. Мы надѣялись днемъ пріѣхать въ Великіе Луки, гдѣ мнѣ знакома игуменья, но вмѣсто того съ трудомъ притащились туда около полуночи. По счастью скоро нашли гостиницу, въ которой намъ отвели спокойныя комнаты и тотчасъ подали чай со свѣжимъ, вкуснымъ хлѣбомъ. Это было намъ обѣдъ и ужинъ, мы болѣе ничего и не спрашивали. Дорога меня измучила, и я, искренно пожелавъ

содержателю гостиницы, Русскому купцу, счастливаго успѣха за хорошиі у него во всемъ порядокъ, позволила отдохнуть на чистомъ, широкомъ диванѣ.

По утру рано пришла ко мнѣ монахиня съ просвирою, и скоро пріѣхала сама игуменья. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было съ нею видѣться, что ея усердіе свидѣтельствовало всегдашнюю ея преданность покойной сестрѣ моей, игуменѣ Новгородскаго Свято-Духова монастыря, въ которомъ была она пострижена. Сестрица ее любила за кротость и послушаніе, но она совсѣмъ неожиданно сама сдѣлалась игуменей. Псковской архіепископъ Меѳодій, нѣкогда бывшій викаріемъ Новгородскимъ, просилъ сестру мою выбрать изъ ея монахинь игуменью въ Великолуцкій Вознесенскій монастырь, несомнѣваясь, что подъ ея руководствомъ многія къ этому способны, чего онъ не находилъ въ своей новой Епархіи. Тронутая такимъ довѣріемъ, но почти испугавшись сопряженной съ этимъ ответственности передъ Богомъ и передъ людьми, сестра моя, долго размышлявъ объ этомъ, предлагала Великолуцкое Игуменство по очереди двумъ монахинямъ, одной очень умной и хорошо знающей уставы монастырскіе, льстясь, что исполне-

ніе ея тайнаго властолюбія, смягчивъ гордый ея нравъ, обратитъ на пользу ея дарованія, и потомъ другой, отличавшейся только своимъ трудолюбіемъ и смиреніемъ. Обѣ рѣшительно отказались; первая, какъ узнали послѣ, сочла это предложеніе слишкомъ для нея ничтожнымъ, вторая побоялась принять на себя обязанности, казавшіяся ей выше ея понятія и силъ. Сестра моя послала за монахиней Калисеоніей, и напомнивъ ей, что она, будучи ея духовною дочерью, то есть порученная ей при постриженіи, у Евангелія, какъ матери и наставницѣ въ духовной жизни, должна ей во всемъ повиноваться, прибавила, чтобы она готовилась отправиться въ Великія Луки, гдѣ будетъ игуменьей. Кроткая старица залилась слезами. Сестра моя продолжала, чтобы она считала это волей Божіей, и никогда не забывала, что не на собственную мудрость, а единственно на помощь Божію должно полагаться. — Новая игуменья заслужила благосклонность добродѣтельнаго и мудраго святителя, и мало по малу собралось къ ней много благородныхъ, образованныхъ особъ, которыхъ мы видѣли въ проѣздъ нашъ совершенно довольными ихъ участію.

Вознесенскій Великолудскій монастырь невеликъ, но весь каменный. Его выстроила, на сумму, пожалованную въ Божіе почивающимъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, игуменья Низовцова, имѣвшая счастье пользоваться Его милостями. Имъ были тогда же присланы и ризы серебрянаго глазета, вышитыя золотомъ и блестками. Кельи въ одинъ ярусъ, маленькія, но хорошо расположены. Въ толстыхъ стѣнахъ шкафы для поклажи, что очень удобно, мѣста не занимаетъ, и при постройкѣ сбереженъ былъ кирпичъ. Мы были во многихъ кельяхъ; всѣ убраны очень просто, но со вкусомъ; вездѣ цвѣты. У сестры градскаго головы удивила насъ красота такъ называемаго чайнаго дерева (*Oleum Flagrans*); хозяйка тотчасъ сказала намъ, что она поливаетъ его чаемъ, отъ чего и множество цвѣту, и зелень самая свѣжая и густая, что рѣдко вмѣстѣ бываетъ. Монастырки вообще занимаются рукодѣльемъ; въ соборной церкви мѣстныя свѣчи обложены фольговыми образами прекраснѣйшей работы, сдѣланными уже умершею молодою послушницею.

Игуменья пригласила насъ у нее отобѣдать, и мы отправились между тѣмъ посмотрѣть городъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Онъ

нѣкогда, какъ и Порховъ, принадлежалъ Новгородцамъ, и въ половинѣ XII-го вѣка Князь Святославъ, сынъ Великаго Князя Ростислава, вытѣсненный Новгородцами, искалъ убѣжища въ Великихъ Лукахъ, но не нашелъ его, за что братья его, Князья Смоленскіе, сожгли городъ. Въ исходѣ XVI-го вѣка былъ онъ взятъ Стефаномъ Баторіемъ, но чрезъ два года возвращенъ Россіи. Поляки снова разграбили его во времена Самозванцевъ, послѣ чего онъ цѣлые девять лѣтъ оставался пустой; наконецъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ его заселить Уральскими и Донскими казаками, которые, прежде служивъ гнѣвъ его, были потомъ награждены за вѣрную службу.

Здѣсь много церквей и каменныхъ домовъ. Домъ купца Кожевникова не испортилъ бы вида и на Невскомъ проспектѣ. Жаль, что лучшія строения разсыяны между садами и бѣдными избушками. Текущая среди города рѣка Ловать широка, но мелка, однако въ ней много рыбы, и особенно славится сомъ. Онъ очень жиренъ; жареный гораздо лучше варенаго.

На лѣвомъ берегу Ловати остатки старинной крѣпости, земляной валъ, на которомъ мѣстами посажены березки, что очень красиво.

Внутри соборъ; — не могли отыскать сторожа отпереть его, и мы, дорожа временемъ, отправились въ Троицкій Сергіевъ мужескій монастырь, на берегу Ловати. Вновь прѣхавшій туда игуменъ хлопоталъ по случаю приближающагося праздника; вездѣ чистили, бѣлили, красили. Однако онъ самъ показалъ намъ церкви, принявъ насъ съ величайшимъ радушіемъ, хотя мы явились безъ всякаго предувѣdomленія, и на одной лошаdkѣ. Должно отдать справедливость, что въ нашихъ монастыряхъ вообще ласково принимаютъ богомольцевъ, не спрашивая о ихъ званіи и состояніи, съ благодарностью принимая всякую вкладу, большую и малую, и ничего ни отъ кого не требуя. Въ соборной церкви пресвятыя Троицы, построенной въ 1706 году, при Новгородскомъ митрополитѣ Ювѣ, Тайная Вечеря на Царскихъ дверяхъ, и въверху надъ ними Господь Саваоѣъ, окруженный ангелами, рѣзные, раскрашенные, сдѣланы довольно искусно; нѣкоторыя лица даже очень выразительны. Въ придѣлѣ преподобнаго Сергія иконостасъ богато вызолоченъ, а сводъ обитъ холстомъ, на которомъ, по темному грунту, во весь ростъ изображены святые угодники, что вдругъ поражаетъ, какъ будто съ высоты надзи-

раютъ она за входящими въ храмъ. Въ настоятельскихъ кельяхъ, гдѣ добрый игумень насъ подчивалъ квасомъ, который предпочли мы чаю, замѣчательны старинныя Англійскія столовые часы. Надъ обыкновеннымъ часовымъ кругомъ представлено море, и на немъ безпрестанно качается корабль.—«Это изображеніе жизни нашей, «сказалъ игумень,» такъ-то мы здѣсь непрестанно волнуемся.

Мы еще заѣзжали въ церковь Успенія Божіей Матери на рѣчкѣ Коломенкѣ, впадающей въ Ловать. Тутъ хоронятъ въ роцѣ между кедрами, липами и кленами. Не видывала мѣста болѣе приличнаго для кладбища. Должно быть отраднѣе приходить сюда молиться объ усопшихъ родныхъ и друзьяхъ, и нельзя опасаться, что прахомъ ихъ зараженный воздухъ сократитъ жизнь тѣхъ, которые часто посѣщаютъ могилы ихъ.

Великія Луки на границѣ Витебской губерніи; первая отъ нихъ станція уже въ сей послѣдней. Тутъ показывается дубъ, а между Сеньковымъ и Серутовымъ много сосноваго строеваго лѣса, но пески ужасныя, и только озера оживляютъ скучный, пустынный путь. Гораздо было пріятнѣе ѣхать Псковскою губерніей:

окрестности Великихъ Лукъ похожи на Англійскій садъ.

Июля 2.

Почевавъ въ Чурляевѣ, гдѣ комнаты лучше всѣхъ, въ которыхъ останавливались послѣ поессе, мы пріѣхали довольно рано въ мѣстечко Усвятъ, гдѣ Жиды праздновали субботу. Въ одной избѣ старикъ, накинувъ на плеча родъ простыни, изъ благо сукна съ черными полосами, читалъ и пѣлъ похороннымъ голосомъ. Жидовки расхаживали по улицамъ въ нѣкотораго рода чамамахъ. Онѣ почти всѣ пригожи, но мужчины вообще безобразны. Одни въ скуфьяхъ, другіе въ шапкахъ съ круглыми ушами, еще умножающими противный видъ ихъ.—Мѣстечко Усвятъ прежде было городомъ. Его построилъ Царь Иванъ Васильевичъ для защиты границъ нашихъ отъ Поляковъ. Опустошенный ими въ смутныя времена, онъ принадлежалъ Польшѣ до 1772 года, когда возвращены издревле принадлежавшія Россіи области. Мѣстоположеніе красивое при озерѣ.

Мы только перемѣнили лошадей въ Усвятѣ, поспѣвая въ Смоленскъ, куда очень хотѣлось

прѣхать къ Троицыну дню. Для этого и въ Велижѣ пробыли съ небольшимъ часъ, пока готовили намъ обѣдъ. Велижъ также построены Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, и раздѣляя судьбу Усвята, столько же времени пробывъ подъ игомъ Польши, ревностно старавшейся всюду истреблять православіе. Въ исходѣ послѣдняго столѣтія, спустя уже лѣтъ двадцать послѣ освобожденія, во всемъ Велижскомъ уѣздѣ были только одна каменная и шестнадцать деревянныхъ православныхъ церквей, а въ городѣ Велижѣ Уніатскихъ церквей было восемь (а), то есть восемь церквей, куда прежде насильно гоняли гражданъ, заставляя ихъ молиться о папѣ Римскомъ, смѣло утверждая, что безъ слѣпаго ему повиновенія ни пламенная вѣра и никакія добродѣтели не могутъ никому отворить врата райскія.

Все это перемѣнилось. Съ какимъ сладкимъ чувствомъ, съ какимъ глубокимъ умиленіемъ услышала я, входя въ соборъ, еще недавно бывшій Уніатскимъ, звучный голосъ православнаго діакона, молящагося, во всюнощную, не о чуждомъ уже властелинѣ, а о своемъ родномъ, бла-

(а) Географическій Словарь Щекатова.

гочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ. Его громкій, чисто Русскій голосъ, его поступь, всѣ его движенія, казалось, возвѣщали, что Господь навсегда и во всемъ благословитъ Монарха, вступившаго за свою вѣру, за народъ свой, безжалостно угнетаемый. И всей душой наслаждалась, что снова въ древнихъ храмахъ молятся, какъ молились наши предки, что уже влияние иноземное не можетъ волновать умы и совѣсть. Пожилой протопопъ, своимъ выговоромъ и стрижкою волосъ, свидѣтельствовалъ долговременное, тяжелое иго, исказившее наружность и понятія Русскихъ: только дѣти жалкихъ плѣнниковъ могутъ избавиться клейма, обличающаго плѣн ихъ.

Мы еще были въ церкви, о которой сказала намъ дочь содержательницы гостиницы, позволившей ей перейти изъ реформатскаго въ православное исповѣданіе. Милостивая дѣвушка за это благодарила Бога, какъ за безцѣнную милость, радуясь, что и мать ея располагаетя послѣдовать ея примѣру. Жалѣю, что не записала какъ называется эта церковь. Въ ней еще не начиналась служба и ставили березки. На вопросъ мой, не была ли и она изъ числа воссоеди-

ненныхъ, дьячокъ, или пономарь, отвѣчалъ мнѣ, что эта церковь издревле православная, только уже не въ томъ видѣ, какъ была прежде. Издревле православная! Сколько въ двухъ словахъ этихъ мыслей, сколько въ нихъ исторіи и поэзіи! — Издревле православная! Слѣдовательно сохранившая вѣру отцовъ своихъ и подъ владычествомъ Польши, продолжавшемся слишкомъ полтора вѣка; слѣдовательно ни муки, ни посмѣянія, ниже обѣщанныя награды, ничто не поколебало твердости православныхъ! — И съ какимъ чувствомъ простой, неученый церковникъ сказалъ мнѣ это! Лице его, вовсе непригожее, какъ - будто озарилось таинственнымъ свѣтомъ благодати.

Мы заходили и въ Латинскую церковь. Въ ней окончилась при насъ служба, органъ сопровождалъ пѣніе. Уважаю Латиновъ, преданныхъ вѣрѣ своей, но не постигаю Русскихъ, непонимающихъ превосходства православія. Самая одежда нашего духовенства свидѣтельствуетъ первенство нашей церкви, приближаясь къ одеждѣ Христа Спасителя. Духовные должны отличаться и платьемъ, чтобы это удерживало ихъ отъ неприличныхъ имъ забавъ, напоминая имъ самимъ, и всѣмъ, кто ихъ

видить, что они живутъ съ иною цѣлю, что и дѣла ихъ, и наружность должны всегда служить примѣромъ кротости, осторожности и смиренія. Вотъ чего стремилась достигнуть церковь православная! — Отъ всей души благодарю Бога и равноапостольнаго Князя Владимира, что имѣю счастье принадлежать къ ней, что мнѣ не нужно, во время службы Божіей, смотрѣть въ книгу, чтобы знать что читаютъ или поютъ, что должна стоять передъ Царемъ Небеснымъ какъ стоять передъ властями земными. Оно гораздо труднѣе, за то не такъ скоро забудешь гдѣ находишься, зачѣмъ туда пришелъ. Конечно, и у насъ бывали злоупотребленія, и наши духовные заблуждались (а), но это было дѣло личное, а не слѣдствіе ученія церкви; самъ Спаситель допустилъ въ число избранныхъ имъ Апостоловъ предателя Иуду, чтобы мы не унывали, видя невозможность совершенно искоренить злыя нравы. Не всѣ наши пастыри были равно добродѣтельны, равно высоки духомъ, но почти всѣ ревностно содѣйствовали благимъ намѣреніямъ правитель-

(а) Жидовская ересь при великомъ князѣ Іоаннѣ III въ исходѣ XV вѣка. Исторія Карамзина, томъ VI.

ства, никто не предлагалъ терзать и жечь людей съ нимъ разнѣ вѣрующихъ: православіе всегда внушало имъ смиреніе и милосердіе христіанское. Они всегда помнили и помнятъ слова Спасителя, давно забытыя на западѣ: « Царство мое нѣсть міра сего. »

Переѣзжая въ Велижѣ на паромѣ рѣку Двину, по обѣимъ сторонамъ которой построены городъ, мы вышли изъ кареты, и я спросила, откуда и куда шли встрѣчавшіеся намъ обозы съ хлѣбомъ. — Миѣ отвѣчали, что купленную въ Смоленскѣ рожь, по пятнадцати рублей за четверть, везутъ въ Витебскую губернію, гдѣ крайне нуждается народъ, что крестьяне всюду ищутъ работы, и съ трудомъ могутъ что-нибудь заработать.

— Слава Богу, сказала я, что въ Смоленскѣ хорошъ былъ урожай.

— О, тамъ все лучше нашего, сказалъ высокій, видный дѣтина, помогавшій на перевозѣ; тамъ Россія!

— И здѣсь Россія, сказала я, тронутая унылымъ видомъ молодаго крестьянина.

— Тамъ, прибавилъ онъ, великая Россія; у насъ Россія маленькая, бѣдненькая, и тяжело вздохнуть.

Миѣ самой стало грустно. — Я неоднократно бывала свидѣтельницею, каково видѣть гибель всѣхъ надеждъ своихъ и трудовъ, каково потомъ ждаты цѣлый годъ счастливой переменъ, не имѣя между тѣмъ средствъ прокормить себя, свою семью, лошадей своихъ и коровъ, безъ которыхъ ничего нельзя посѣять, хотя бы и нашлись сѣмена. Небогатые помѣшники также страдаютъ отъ этого какъ и народъ, заботясь впритомъ о своихъ крестьянахъ. Запасные магазины облегчаютъ несчастіе, но тамъ, гдѣ обыкновенно посредственные урожаи, не могутъ спасти отъ разоренья.

Июль 5.

Слабость здоровья моего не позволила намъ ѣхать день и ночь, тѣмъ болѣе, что я не могу спать дорогой, и, не смотря на общее наше желаніе поспѣть на Троицынъ день въ Смоленскъ, мы наканунѣ остановились почевать за семьдесятъ четыре версты, въ Порѣчѣ. Здѣсь было прежде село, пожалованное Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ боярину Ордину-Нащокину.

Неизвѣстно, когда оно снова поступило въ казну, но городомъ сдѣлано въ 1775 году.

Порѣчье на двухъ рѣкахъ, Касимѣ и Гобзѣ, первая съ пристанью, откуда суда идутъ, чрезъ Двину, въ Ригу съ хлѣбомъ, пенькою, саломъ и прочимъ. Весною, при открытіи судоходства, собирается сюда до семи тысячъ народу, но постоянныхъ жителей только три тысячи. Я здѣсь впервые замѣтила кровли, крытыя гонтомъ, то есть деревянными дощечками, всего лучше осиновыми, въ аршинъ или менѣе длиною и въ четверть шириною; одинъ край тонкій; другой, толциною въ полвершка, выдолбленъ, такъ, чтобы одна дощечка входила въ другую, и ихъ приколачиваютъ гвоздями въ полтора вершка, даже короче; такая крыша напоминаетъ черепичную, и, какъ увѣряютъ, гораздо прочнѣе и дешевле тесовой, можетъ простоять лѣтъ тридцать. На квадратную сажень идетъ три копы, то есть сто восемьдесятъ гонтинъ, а каждая копа стоитъ копѣекъ сорокъ ассигнаціями. Невѣроятно дешево и для меня очень красиво.

Въ Троицынъ день слушали мы обѣдню въ Порѣчѣ, въ соборѣ, построенномъ за семьдесятъ лѣтъ. Онъ весь росписанъ однимъ красноватымъ цвѣтомъ, что гораздо лучше обыкно-

венной, пестрой живописи, и вообще, по городу, соборъ очень хорошъ. Въ иконостасѣ, въ нижнемъ ярусѣ, всѣ восемь большихъ образовъ въ серебряныхъ окладахъ; — передъ царскими дверями огромное, посеребрянное, паникадило съ толстыми, позолочеными свѣчами. Служили благоговѣнно. Церковь была наполнена крестьянами, собравшимися для продажи и покупки скота, котораго множество видѣли мы на соборной площади, и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Крестьянки почти всѣ одѣты одинаково. Сверхъ темносняго сарафана на нихъ родъ рубашки, по подолу вышитой или затканой красною бумагою; сверхъ этого еще бѣлый передникъ съ красною же каймою. На головахъ у нихъ почти прямые, невысокіе повойники, обернутые вышитыми красною бумагою полотенцами. Мужчины также въ бѣлыхъ кафтаныхъ и въ бѣлыхъ шляпахъ или колпакахъ.

IV.

СМОЛЕНСКЪ. МОНАСТЫРЬ ТРОИЦКІЙ, УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ЦЕРКОВЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ, МОНАСТЫРЬ ВОЗНЕСЕНСКІЙ, ЦЕРКВИ, ПАМЯТНИКИ, ДОМЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ, БАШНЯ ВЕСЕЛУХА.

Юля 4.

Всѣ наши знакомые, бывавшіе въ Смоленскѣ, совѣтовали намъ пріѣхать въ него днемъ, чтобы полюбоваться его мѣстоположеніемъ, особенно красивымъ со стороны Петербурга. Ночевавъ въ Порѣчьи, мы не сомнѣвались, что на другой день будемъ въ Смоленскѣ часу въ ше-

стомъ по полудни или еще ранѣе; можно представить, какъ было намъ тяжело семьдесятъ четыре версты тащиться слишкомъ двѣнадцать часовъ. Солнце давно закатилось, нельзя уже было видѣть, сколько на столбахъ показано верстъ, когда наконецъ покрытое тучами небо на минуту прояснилось отъ сильнаго вѣтра, и мѣсяцъ, какъ будто вырвавшись изъ неволи, освѣтилъ передъ нами городъ, съ его древними стѣнами и башнями, гдѣ вѣкогда, съ малыми силами, славно защищался Шеннъ противъ многолюднаго войска Польскаго, гдѣ потомъ, чрезъ двѣсти лѣтъ, доголъ всюду торжествовавшей Наполеонъ, съ изумленіемъ и ужасомъ, долженъ былъ сознаться, что «Русскихъ можно убить, но побѣдить невозможно.»

Выѣхавъ изъ-подъ темнаго свода Дибровскихъ воротъ, надъ которыми надстроена церковь, освященная въ 1800 году, куда стекаются богомольцы для поклоненія иконѣ Божіей Матери, мы стали подниматься на высокую, крутую гору, увѣчанную огромнымъ Успенскимъ соборомъ, въ сумракѣ казавшимся еще огромнѣе, еще выше, какъ-будто достигалъ онъ до небесъ. Соборъ этотъ, неоднократно совершенно перестроенный, въ 1101 году заложенъ былъ

Владиміромъ Мономахомъ, который по окончаніи его въ 1103 году, поставилъ въ немъ чудотворную икону Пресвятой Богородицы Одигитріи, принадлежавшую его матери, Греческой Царевнѣ Аннѣ, получившей ее отъ отца своего Императора Константина Мономаха, при ея бракосочетаніи съ Черниговскимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ. Я мысленно переносилась за семь вѣковъ, мечтая о доблестномъ, великодушномъ, исполненномъ добродѣтелей Христіанскихъ, Владимірѣ Мономахѣ, именемъ котораго можетъ гордиться Россія.—Вдругъ разлетѣлись мечты мои. — Лошади не могли разомъ взвести на гору карету, — остановились, — карета подалась назадъ. Ямщикъ страшно закричалъ, понукая усталую или лѣнливую шестерку. — У меня замерло сердце; я вообразила, что мы опрокинемся назадъ, что насъ убьютъ, или, чего я боюсь несравненно болѣе, навѣкъ изувѣчатъ. Въ эту минуту мѣсяцъ снова освѣтилъ надъ нами величественный храмъ, и я устыдилась моей робости. Такъ-то нерѣдко, стремясь къ небесному, невольно останавливаемся мы на пути, который кажется намъ слишкомъ труденъ. Я постигла невозможность, чтобы Матерь Божія, наша вѣчная заступница, до-

пустила погибнуть насъ, съ вѣрою и дупихъ поклониться ей святому изображенію. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, лошади благополучно привезли насъ въ гостиницу, выбранную ямщикомъ. Мы не могли остановиться въ ней: отъ вновь сложенной печи сильно пахло глиной и очень было нечисто. Кто не испыталъ этого, представить не можетъ, какъ, уставъ днемъ, тяжело ночью искать пристанища въ незнакомомъ городѣ. По счастью, ямщикъ, видя, что не можетъ помѣстить насъ у знакомаго, за что, вѣроятно, ему заплатили бы, признался, что есть лучше гостиница, и привезъ насъ къ Габеру. Тамъ было все занято, кромѣ двухъ опрятныхъ, но тѣсныхъ горенокъ. Мы въ нихъ тотчасъ расположились; у меня, какъ говорится, не держалась голова на плечахъ, и я обрадовалась возможности скорѣе отдохнуть, ни о чемъ болѣе не заботясь.

Путешествіе наше было доселѣ довольно утомительно, но перемѣна воздуха и движеніе начинали уже благотворно дѣйствовать на мое здоровье. Я встала по утру весела и бодря; и очень радушно принятая въ Смоленскѣ, въ доставленной намъ прекрасной коляскѣ, отправились мы къ обѣднѣ въ Троицкій мужескій монастырь, гдѣ было праздничное служеніе.

Монастырь этотъ, при Полякахъ принадлежавшій Бернардинцамъ, по возвращеніи Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ древняго княжества Смоленскаго Россіи, сдѣланъ православнымъ. Живопись въ церкви должна быть того времени; иконостасъ рѣзной, и рѣзьба такъ хороша, что ее вдругъ можно почестъ бронзою.—Вспоминая опасность, намъ грозившую, въ прошлую ночь, я молилась съ особеннымъ усердіемъ, и мнѣ казалось, что вокругъ меня все исполнено благоговѣнія. Но это не казалось мнѣ: это дѣйствительно было;—благодареніе Богу, и въ Петербургѣ много у насъ людей истинно набожныхъ, а внутри Россіи никакое чувство не владѣетъ такъ сильно сердцами, какъ желаніе помолиться въ храмъ Божіемъ, во всякой нуждѣ и печали отъ этого ожидая отрады и помощи.—И кто бы могъ разсѣянно слушать прекрасно сказанную проповѣдь Троицкаго архимандрита Амвросія, понятную ученымъ и неученымъ, мудрымъ и немудрымъ. Давно не слыжала я проповѣди, которая бы такъ трогала сердце, убѣждая ревностно стараться заслужить ниспосланіе намъ Святаго Духа для прославленія имени Божія, для временнаго и вѣчнаго нашего спасенія.

Послѣ обѣдни почтенный хозяинъ пригласилъ къ себѣ и насъ вмѣстѣ съ Епископомъ и нѣкоторыми богомольцами. Мнѣ это было тѣмъ пріятнѣе, что въ продолженіе тѣхъ двадцати лѣтъ проводила я праздники Святаго Духа въ духовной бесѣдѣ у покойной сестры моей, игуменьи Новгородскаго Свято-Духова монастыря. Въ этотъ день всегда въ монастырѣ служили Архіереи, и нынѣшній Архіерей Смоленскій, нѣсколько лѣтъ бывший Новгородскимъ викаріемъ, хорошо знавъ сестру мою, вспоминалъ объ ней съ похвалою и уваженіемъ, весьма для меня лестными и трогательными.

Общество молодыхъ воспитанницъ Смольнаго и Екатерининскаго Института также доставило мнѣ много удовольствія. Въ благотворительныхъ этихъ заведеніяхъ сближаются понятія и чувства, и потомъ, не смотря на различіе лѣтъ или состоянія, всемъ равно пріятно вспоминать о знакомыхъ порядкахъ, о дѣтскихъ забавахъ, объ урокахъ, о самыхъ стѣнахъ. Я очень жалѣла, что тутъ не было вмѣстѣ со мною воспитанной дѣвицы Бедрицкой, которая, узнавъ утромъ о моемъ пріѣздѣ, тотчасъ навѣстила меня въ гостиницѣ. За тридцать шесть лѣтъ, въ день нашего выуска, расста-

лись мы въ полномъ цвѣтѣ молодости и здоровья, и съ тѣхъ поръ не встрѣчались. Услышавъ имя ея, я старалась отыскать знакомыя черты, но видѣла только знакомое выраженіе скромности и добродушія. Настасья Ивановна Бедрицкая не забыла, какъ иногда, къ сожалѣнію, бываетъ, того, чему училась, и занявшись воспитаніемъ своихъ племянницъ, дочерей умершаго роднаго брата своего, прекрасно образовала ихъ. Такія Смольновскія воспитанницы заставляютъ всѣхъ желать помѣщать дѣтей своихъ въ Смольный.

=

Юня 5.

Поразивъ насъ своею наружностью ночью, Успенскій соборъ еще болѣе изумилъ насъ, когда мы вошли въ него днемъ. Въ немъ нѣтъ мрамора, нѣтъ дорогихъ окладовъ, но онъ истинно великолѣпенъ своею обширностью, вышиною и величественною своею архитектурою. Огромный иконостасъ украшенъ толстыми, посеребреными и вызолоченными, рѣзными колоннами. Одинъ этотъ иконостасъ нынче стоилъ бы чрезвычайно дорого, и я замѣтила, что

на сооруженіе такого храма потребны были богатые доходы. Провожавшій насъ священникъ отвѣчалъ, что за рѣзбу всего иконостаса въ свое время заплачено полторы тысячи рублей, замѣтивъ притомъ, что уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, какъ соборъ освященъ, а тогда всему были иныя цѣны. — Ревнитель православія, Царь Алексѣй Михайловичъ, предъ его кончиною, приказавъ заложить нынѣшній Смоленскій соборъ, прислалъ на него планъ, триста девяносто семь пудовъ желѣза, и двѣ тысячи рублей. Сумма эта была тогда очень значительна: сто тысячъ кирпича и съ доставкою стоили двадцать пять рублей, а работникамъ платили по три копейки въ день (*). Но по неискусству строителей, возведенныя, слишкомъ уже на десять сажень, стѣны распались, и послѣ долго мало заботились объ этой постройкѣ. Епископъ Гедеонъ исходатайствовалъ отъ Императрицы Анны три тысячи рублей денегъ, двѣ тысячи пудъ желѣза, и немалое количество благаго камня, и съ помощію доброхотныхъ дателей, наконецъ освященъ былъ соборъ. Но оказавшіяся въ сво-

(*) Исторія губернскаго города Смоленска. Мурзавечича.

дахъ его трещины принудили преемника Гедеонова, Епископа Парфенія, перестроить всю верхнюю часть собора, приче́мъ вмѣсто бывшихъ на немъ семи главъ онъ сдѣлалъ ихъ только пять. Императрица Екатерина Вторая пожаловала около двѣнадцати тысячъ рублей, и преосвященный Парфеній, присовокупивъ къ тому, имъ самимъ собранные, сорокъ пять тысячъ рублей, отдѣлалъ совершенно соборъ, какъ онъ теперь находится, и освятилъ его 13 Сентября 1772 года, почти сто лѣтъ спустя послѣ его закладки (*).

Такихъ соборовъ не много въ Россіи; это памятникъ, достойный вниманія современниковъ и потомства. Почти невѣроятно, что всѣ вообще на него издержки составляютъ только около, или съ небольшимъ сто тысячъ рублей. Огромные хоры окружены перилами, на которыхъ, въ большіе праздники, ставятъ свѣчи, что должно еще болѣе возвышать красоту храма. По обѣимъ сторонамъ запрестольнаго большаго образа, на которомъ изображена стоящая Богоматерь, съ Предвѣчнымъ на рукахъ Младенцемъ, въ рѣзной, золоченой рамѣ,

(*) Географическій Словарь Щекатова.

еще по три образа въ такихъ же богатыхъ, только круглыхъ, рамахъ. Надъ престоломъ, на четырехъ столбахъ, сѣи, подъ которою два Евангелія, одно въ два съ половиною, другое ровно въ два пуда, совершенно подъ стать огромности и величія всего ихъ окружающаго. Но главная святыня, безцѣнное сокровище Смоленскаго Успенскаго собора—поставленная Великимъ Княземъ Владиміромъ Мономахомъ, какъ выше сказано, привезенная изъ Греціи небольшая икона Одигитріи, по Гречески переводительницы. Она стоитъ высоко на столбѣ съ правой стороны, и чтобы приложиться къ ней, надо взойти на лѣсенку.

Когда, по просьбѣ нашей, служили молебнъ, я вообразила, какъ 5 Августа 1812 года войска наши, оставляя на время Смоленскъ во власти Наполеона, чтобы уснѣшнѣе защитить отъ него всю Россію, понесли съ собою эту древнюю, чудотворную икону, по мѣстному преданію писанную Евангелистомъ Лукою, чтобы святыи ликъ ея, ободряя и утѣшая защитниковъ отечества, вселялъ въ нихъ неодолимую храбрость. Надежда эта исполнилась. Кичливые враги бѣжали изъ Россіи, и ровно чрезъ три мѣсяца послѣ ея отбытія, Октября 5,

освобожденные Смоляне, встрѣчая возвращенную имъ завѣтную святыню, уже не скорбѣли, видя развалины роднаго города, несомнѣваясь, что онъ не замедлитъ обновиться. Эта надежда также сбылась, и въ память потомству, въ новой церкви Благовѣщенія, граждане Смоленскіе утвердили на стѣнѣ, украшенную бронзою, мраморную доску съ слѣдующею надписью.

«Императору Николаю Первому, вѣрные жители древняго града Смоленска, въ знакъ признательности за оказанныя щедроты, 16 «Апрѣля, 1841 года.»

Надъ огромною доскою Императорская корона, въ низу Смоленскій гербъ.

Пожаловавъ, заимообразно, городу семь сотъ тысячъ рублей, Государь Императоръ потомъ изволилъ совсѣмъ простить долгъ этотъ. Чтобы увѣковѣчить свою глубокую за это благодарность, жители, въ проѣздъ Государя Наслѣдника, испросили позволеніе построить церковь. Прекрасная мысль, совершенно Русская, прекрасно была исполнена. Всѣ стремились этому помогать. Самъ Государь пожаловалъ семь тысячъ рублей и много кирпича, съ прежде бывшаго казеннаго завода, учрежденнаго въ 1814 году, для вспомошествованія послѣ разоренія бѣд-

нымъ обывателямъ. Отъ И. А. Мальцова прислана, съ его завода, въ Брянскомъ уѣздѣ, чугунная прекрасная лѣстница, по которой ходятъ въ высокую церковь съ прямымъ четырехугольнымъ куполомъ. — Мѣстные образа: Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Вознесенія Господня въ серебряныхъ окладахъ, слѣланы изъ капитала, оставленнаго полковникомъ Вепрейскимъ. — Еще тутъ образъ Благовѣщенія во весь ростъ, писанный Смоленскимъ дворяниномъ Амбалевскимъ, который, по особенной склонности, учится живописи въ Петербургѣ. Этотъ образъ, изъ первыхъ его трудовъ, много обѣщаетъ, хотя и нельзя всего похвалить въ немъ. Тѣло Ангела почти лиловое, шея и руки слишкомъ у него жилисты; но лице Пресвятой Дѣвы исполнено небесной красоты, и Она превосходно освѣщена. Изумленная внезапнымъ появленіемъ небеснаго вѣстника, юная Марія, читавшая при лампадѣ, висящей на желѣзномъ крюкѣ, между тѣмъ какъ въ открытое окно видна, среди облаковъ, луна, упала на колѣна съ глубокою преданностью волю Божіей. Чѣмъ болѣе смотрѣла я на этотъ образъ, стоя у противоположной стѣны, тѣмъ онъ мнѣ лучше казался, и я

искренно желаю, чтобы молодой человекъ, посвятивъ жизнь свою этому занятію, достигъ въ немъ совершенства, въ чемъ, если не ошибаюсь, ему не трудно будетъ успѣть, прилежно учаь у искуснаго художника.

Возвращаюсь къ собору. У входа въ него, въ палаткѣ, три огромныя, кирпичныя гробницы: Епископовъ Дмитрія, Гедсона и Парфенія. Портретъ послѣдняго, скончавшагося въ 1795 году, довольно хорошо написанъ, и хотя онъ изображенъ уже умершимъ, черты его очень привлекательны. Память его дорога Смоленскимъ жителямъ, особенно старикамъ, лично его знавшимъ. Исполненный добродѣтелей, онъ любилъ науки и художества, и, отдѣлавъ Успенскій соборъ, построилъ еще колокольню, теплый соборъ Благовѣщенскій и разныя другія зданія.

Въ небогатой ризницѣ прежде всего показали намъ сосуды, присланные, 13 Маія 1814 года, Императрицей Маріей Ѳеодоровной, съ нижеслѣдующимъ письмомъ, прочитавъ которое прижали мы къ губамъ нашимъ своеручную подпись Монархини, во всю Ея жизнь равно стремившейся усердствовать Богу, какъ Она благотворила человѣчеству.

«Пресвященный Епископъ Іоасафъ!»

«Я получила письмо ваше съ изъясненіемъ чувствованій вашихъ по случаю сдѣланныхъ отъ меня приношеній для возобновленія храмовъ Смоленской губерніи, разоренныхъ святоотечественною рукою непріятеля. Жертва сія моего усердія слабо еще изъясляетъ признательность и благоговѣніе, коими сердце мое исполнено ко Всевышнему Творцу, за чудесное спасеніе Россіи и всей Европы. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, Я съ удовольствіемъ повторяю здѣсь увѣреніе особеннаго уваженія, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

«МАРІЯ.»

Очень замѣчательна и древняя плащаница, вышитая шелками и золотомъ, съ надписью, кругомъ также вышитою. «Во славу Святыя первоживоначальныя Троицы и Пречистыя Матери Честнаго и славнаго Ея Успенія въ мѣсто 7069 (1651), при Благочестивомъ Царѣ и великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи

«и Преосвященнѣмъ Макаріи Митрополитѣ данъ бысть сій воздухъ въ церковь Божию и Пречистые Богородицы Успенія Благовѣрнымъ Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Благовѣрною Матерью Его Князя Андреевою Иванович. Княгинѣю Еѳросинею на честныя поклоненіе всему Православному Крестьянству и по моей Матери Княгини Еѳросиніи въ свѣчный поминокъ нынѣ и во вѣки Аминь.»

Я бы не могла сама разобрать этихъ строкъ, мнѣ сообщили съ нихъ хранящійся въ соборѣ списокъ. Похвальная предосторожность; безъ нее древняя, любопытная надпись могла бы скоро сдѣлаться для всѣхъ загадкою.

Плащаницѣ этой 284 года, но она хорошо сохранилась. Длинною она безъ двухъ вершковъ четыре аршина, и два съ половиною аршина шириною. Въ срединѣ изображенъ Спаситель, которому Богородица поддерживаетъ голову; кругомъ Ангелы и Духъ Святой. По каймамъ Успеніе Божіей Матери, Апостолы, Цари Давидъ и Соломонъ, Великій Князь Владиміръ, Лазарь другъ Божій, Григорій Богословъ, Преподобная Еѳросинія, Чудотворцы Петръ и Николай. Все это вышито очень мелко и самымъ тонкимъ шелкомъ. Волосы у Спасителя

коричневые съ золотомъ вышиты рядами въ тамбуръ. Есть лица очень выразительныя, не смотря, что полиняли шелки. Одежды разнообразными шелками и золотомъ вышиты превосходно. Вообще это чудо терпѣнія, многолѣтніе труды нѣсколькихъ швей, или цѣлая жизнь одной.

Извѣстно, что князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, достойные общей любви и уваженія, казнены были по приказанію ихъ близкаго родственника, Царя Іоанна Васильевича, никого не щадившаго въ припадкахъ своего бѣшенства, которое, какъ написала я въ первомъ моемъ сочиненіи, «Князь Скопинъ-Шуйскій», къ отрадѣ Русскихъ и всего человечества, почитаю я не столько слѣдствіемъ природной злобы, какъ жестокаго душевнаго недуга. Съ глубокимъ вниманіемъ разсматривая набожное приношеніе невинныхъ жертвъ его, я воображала, что князь и княгиня уже предвидѣли тогда плачевную судьбу свою, и, не надѣясь отвратить ее, услаждали скорбь свою, поручая себя молитвамъ изображенныхъ на плащаницѣ Святыхъ и милосердію за насъ страдавшаго Божественнаго Искушителя. Конечно, не для нынѣшней ея цѣнности, а единствен-

но какъ рѣдкость, плащаница эта увезена была Французами. Ее возвратили казаки.

Еще сохранилось нѣсколько разграбленныхъ вещей въ соборной кладовой, куда Французы носили ихъ для сбереженія, и потомъ не успѣли взять, бѣжавъ изъ Смоленска. Между прочимъ и половина Царскихъ дверей изъ Богоявленскаго собора; другая половина пропала. Двери эти были вѣсомъ три пуда и шестнадцать фунтовъ.

Полюбовавшись, съ балкона при соборѣ, живописнымъ видомъ на Днѣпръ съ частию крѣпости и многими церквами, мы отправились въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, гдѣ насъ очень ласково приняла игуменья Олимпіада, благородная родомъ и обхожденіемъ. Она показала намъ церковь, построенную иждивеніемъ Петра Великаго, который въ бытность свою въ Смоленскѣ, въ 1693 году, такъ благосклонно расположился къ игуменѣ Марѣѣ Радванской, Смоленской дворянкѣ, что по просьбѣ ея простивъ приговоренныхъ къ казни мятежныхъ стрѣльцовъ, щедро одѣлилъ монастырь (*). Поданному имъ повелѣнію, Смоленско-

(*) Прибавленіе къ Смоленскимъ губернскимъ вѣдомостямъ 1839 года. № 15.

му воеводѣ, князю Петру Самойловичу Салтыкову, сооружены были двухъ-ярусная церковь и колокольня съ часами, планъ которыхъ начерталъ самъ Петръ. Притомъ еще пожалованы Имъ и братомъ Его Юанномъ, Крестъ, унизанный жемчугомъ, Евангеліе, Потиръ, Кадило серебряное и разныя церковныя книги. — Вознесенская церковь построена была въ два года, но такъ прочно и хорошо, что съ того времени, почти полтора столѣтія, не было въ ней никакихъ перемѣнъ и поправокъ. Только въ 1834 году, стараніемъ игуменьи Олимпіады, написаны вновь на стѣнахъ, по голубцу, лики Святыхъ, а въ 1845 году богато вызолочены иконостасъ. Мѣстоположеніе монастыря, на высокой горѣ, особенно красиво; во всѣ стороны прелестныя виды. Подъ властію Польши принадлежалъ онъ Іезуитамъ, но при возвращеніи Смоленска Россіи, указомъ Царя Алексѣя Михайловича учрежденъ здѣсь Православный дѣвичій монастырь, и въ него переведена была изъ Орши игуменья Ираида, княжна Куракина, съ двадцатью двумя монахинями.

Между многими древними церквами, въ Смоленскѣ замѣчательна своею прочностью церковь Александра Невскаго, называемая

Свирскою, потому что прежде была посвящена Александру Свирскому. Въ ней восемь четырехугольных столбовъ, какъ будто только что сложенные, существуютъ нѣсколько вѣковъ. Снаружи, въ стѣнѣ, надъ Французскимъ ядромъ, надписанъ 1812 годъ.—Увидя это, отдаленные потомки тотчасъ оцѣнить злобу пришельцевъ, стремившихся все разрушать, и защиту Провидѣнія!—Около купола до самой земли старинная желѣзная лѣсенка на подобіе веревочной: нигдѣ не видала такой лѣсенки, должна быть очень удобна для починокъ. Видъ отсель прекраснѣйшій на Покровскую гору.

Надъ церковью Петра и Павла, построенною въ половинѣ XI вѣка, лѣтъ за триста, надстроена церковь великомученицы Варвары, вновь богато украшенная усердіемъ церковнаго старосты, купца Филипова. Иконы Воскресенія Христова, Успенія Божіей Матери и втораго обрѣтенія главы Іоанна Крестителя, писаны Смоленскимъ живописцемъ Леонтьевымъ. Черты Воскресшаго Спасителя вполне выражаютъ свѣтлость Божественной души его; изумленные воины обезображены ужасомъ. Очень выразительно и лице архимандрита Маркелла, обрѣтшаго главу Предтечи.

Еще хорошо написанъ иконостасъ, въ церкви Введенія, въ Авраміевскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ основанъ первымъ Смоленскимъ Епископомъ Игнатіемъ въ 1128 году, подъ именемъ Пресвятыя Богородицы. Во время Польскаго цѣпна онъ былъ отданъ Доминиканцамъ, а по возвращеніи въ православіе названъ Авраміевскимъ, въ память перваго своего архимандрита Аврамія, котораго мощи тутъ почиваютъ вмѣстѣ съ мощами святаго мученика Меркурія, храбраго, благороднаго витязя, убитаго Татарами, когда они приступали къ Смоленску Ноября 24 въ 1237 году.

Посмотрѣвъ у церкви Духа Святаго давно уже наклонившуюся ея колокольню и прекрасную желѣзную рѣшетку въ каменной оградѣ, мы пріятно отдохнули въ гостепріимномъ домѣ Н. А. Мердеръ, деверь которой, въ юные годы Государя Наслѣдника бывшій Его воспитателемъ, ревностно исполнялъ драгоценныя ему обязанности, но по разстройству здоровья принужденъ былъ ѣхать въ Италію и тамъ скончался.

Послѣ обѣда ѣздили мы любоваться картинными видами древняго Смоленска, въ которомъ не надѣемся еще побывать. Поднявшись,

за Днѣпромъ, на Покровскую гору, мы вышли изъ кареты, и я съ восторгомъ смотрѣла на всѣ стороны. Обширная крѣпость разстилалась передъ нами; посреди ея, за нею, надъ нею, возвышались храмы Божіи; золотые кресты ихъ блесѣли на голубомъ небѣ; бѣлыя стѣны рѣзко отдѣлялись между садами.—Мнѣ указали мѣсто, гдѣ стояли наши войска ожидая Французовъ. Двѣнадцатый годъ предсталъ мнѣ со всѣми его ужасами, всѣмъ его величіемъ и славою. Я вообразила, что здѣсь было, когда багровое зарево пожара облегалo все небо, гремѣли пушки, валились стѣны, всюду раздавались яростные или отчаянные вопли!—Какъ будто въ отвѣтъ мнѣ заплѣла женщина, половшая въ своемъ огородѣ. Ея беззаботная веселость разсѣяла мрачныя мои думы. Осталось лишь сладкое воспоминаніе о дивныхъ, безсмертныхъ подвигахъ!

Утромъ видѣли мы памятникъ, воздвигнутый Государемъ Императоромъ защитникамъ отечества. Не умѣю описать его, вовсе не зная архитектурныхъ названій, но постараюсь дать о немъ нѣкоторое понятіе. Высокая, чугунная пирамида, съ золотымъ, на граненомъ шарѣ, крестомъ, съ низу окружена осмью двуглавыми ор-

лами, также на граненыхъ шарахъ. Подъ каждымъ двѣ небольшія колонны, между которыми, въ срединѣ, вырѣзанный на мѣди планъ сраженія подѣ Смоленскомъ, въ бронзовой рамѣ, подѣ стекломъ, прикрытомъ бронзовою рѣшеткою. Надъ нимъ Образъ Смоленской Божіей Матери также въ бронзовой золоченой рамѣ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ плана сраженія, надписи:

- 1) Пятаго Августа напало непріятеля 111 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, до 300 орудій.
- 2) Пятаго Августа защищало Смоленскъ 62 баталіона, 8 эскадроновъ, 144 орудія.
- 3) Русскихъ Генераловъ убито 2, ранено 1. Воиновъ выбыло изъ строю до 9,600.
- 4) Непрительскихъ Генераловъ убитъ 1, ранено 3, воиновъ выбыло изъ строю до 2000.
- 5) Сраженіе подѣ Смоленскомъ 4 и 5 Августа 1812 года.
- 6) Главнокомандовавшіе Барклай де Толи, Багратіонъ.
- 7) Защищавшіе Смоленскъ, Раевскій, Дохтуровъ.

Между надписями кресты, обвитые лаврами, окрашены подѣ древнюю бронзу; весь же

памятникъ, темносѣрый, обнесенъ чугунными цѣпиями на столбикахъ.

Какая тутъ короткая, простая, но выразительная повѣсть всего происходившаго! Кто изъ Русскихъ прочтетъ ее равнодушно! Кто изъ нихъ не положитъ, какъ мы положили, передъ Святою Иконою, земнаго поклона за упокоеніе душъ убіенныхъ, за благоденствіе Царя, почтившаго ихъ память!

Другой, чугунной же, памятникъ поставленъ также по волѣ и иждивеніемъ Государя съ надписью:

«Полковнику Павлу Ивановичу Энгельгарду, умершему въ 1812 году за вѣрность и любовь къ Царю и отечеству.»

Можно пожелать, чтобы родственники покойнаго, поболѣе заботясь объ его памятникѣ, починили обломанныя шалунами перила. Имъ особенно должно дорожить подвигомъ, навсегда прославившимъ имя ихъ, и за который осиротѣлое семейство щедро было награждено.

Возвращаясь вечеромъ въ гостинницу, мы взошли пѣшкомъ на крутую Соборную гору. Опершись тамъ на поставленные для безопасности, съ правой стороны, высокія перила, я увидѣла въ ущельѣ Грязницкую улицу, гдѣ,

между садами, разбросаны хижины бѣднѣйшихъ городскихъ жителей. Надъ ними съ одной стороны величественный соборъ Успенія съ его завѣтною Святыней, съ другой, также на высокой горѣ, монастырь Вознесенскій. Мы тутъ простояли, пока взошелъ мѣсяцъ, и при сребристомъ свѣтѣ его многое казалось еще лучше, нежели днемъ.

Мы видѣли и прекрасный каменный, съ колоннами, домъ дворянскаго собранія. Зала обширная и свѣтлая, и въ ней съ обѣихъ сторонъ въ два ряда окна. Противъ балкона садъ, въ которомъ должно быть пріятно гулять; есть и тѣнь, и открытыя мѣста съ цвѣтущими кустарниками, и бесѣдка для отдыха. — Но совсѣмъ напрасно вздумала я посмотрѣть въ древней крѣпости, лучше прочихъ сохранившуюся, башню Веселуху. Чрезвычайно уставъ, взбираясь такъ высоко, я не была за это награждена: сквозь узкія окна городъ виденъ только малыми частями, и на то трудно взглянуть: подъ каждымъ окномъ отверзтіе, куда, при малѣйшей неосторожности, легко можно упасть.

ло много такихъ помѣщиковъ, соединяющихъ древнее радушіе предковъ нашихъ съ нынѣшнимъ образованіемъ. — Жалю, что не познакомилась я съ хозяйкой дома, бывшей въ Петербургѣ. Первый ея мужъ былъ сынъ В. В. Энгельгарда, роднаго племянника князя Потемкина, и послѣ него осталось много вещей, принадлежавшихъ знаменитому князю Таврическому, между прочими чайникъ, кофейникъ, шоколадница, молочникъ и камфорка серебряные, жарко вызолоченные. Вещи эти сдѣланы очень просто, но на нихъ нельзя смотрѣть безъ вниманія, вспоминая и чудную судьбу, и всё дѣла того, кто, завтракая изъ этого серебра, готовилъ покореніе Крыма, или придумывалъ волшебное путешествіе, восхитившее Екатерину и ей сопутствовавшихъ Французскаго посла, Графа Сегюра, Англійскаго, Лорда Фицъ-Герберта, Австрійскаго, Графа Кобенцеля, и Принца Делиня, отличавшихся умомъ и острою, но едва ли искренно расположенныхъ чѣмъ нибудь восхищаться въ Россіи. Любопытно также было видѣть рупоръ князя, которымъ, по извѣстному, иногда причудливому его нраву, онъ можетъ быть отдавалъ самые странные приказы, чтобы потѣшиться общимъ недоумѣніемъ.

v.

СЕЛО АЛЕКСАНДРОВСКОЕ. ОРША; МОНАСТЫРЬ ІЕЗУИТСКІЙ, МОНАСТЫРИ ПРАВОСЛАВНЫЕ, РѢЧЬ ЛИТОВСКАГО АРХІЕПИСКОПА ІОСИФА. ШКЛОВЪ.

Юля 6.

Смоленскіе жители по праздникамъ ѣзять гулять, за четыре версты отъ города, въ село Александровское, принадлежащее П. А. Шупинскому. Мы были приняты и угощены въ немъ почтеннымъ хозяиномъ совершенно по Русски. Дай Богъ, чтобы въ Россіи всегда бы-

Домъ сельскій, необширенъ; но по разнымъ комнатамъ много старинныхъ, хорошихъ и необыкновенныхъ вещей, которыя бы и нынче превосходно украсили модный кабинетъ; на примѣръ большое бюро съ бронзою и наклейками, отлично сдѣланными, и на немъ бронзовые часы, какимъ нынче стараются подражать; огромный хрустальный стаканъ, въ который входятъ до десяти обыкновенныхъ стакановъ и прочее. Также много иностранныхъ картинъ и эстамповъ: изъ первыхъ мнѣ всѣхъ лучше показались, — молодая женщина печатаетъ письмо, Испанецъ играетъ на кларнетѣ, собака ищетъ въ тростникѣ куропатоку, — не помню какихъ живописцевъ. Я все записывала наскоро карандашемъ, и въ этомъ мѣстѣ онъ такъ стерся, что нельзя было разобрать. Это случилось и въ другихъ листкахъ, и я принуждена молчать о многомъ, что видѣла, боясь справедливой хулы за важныя ошибки.

Мѣстоположеніе Александровскаго очень хорошо и садъ прекрасно отдѣланъ. Дорога, по которой могутъ свободно разѣхаться двѣ кареты, идетъ по самой срединѣ озера, образовавшагося изъ запруженной рѣчки. Оранжереи, мельница, хуторъ, бесѣдки, разбѣянные по бе-

регамъ и по пригоркамъ, овраги, лѣсочки, представляютъ живописное разнообразіе. — По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ здѣсь играютъ музыканты, дворовые люди Павла Александровича. Иностранцы, и многіе Русскіе, знающіе иностранныя земли лучше своего отечества, часто смѣются надъ доморощенными музыкантами и живописцами. Это точно смѣшно, когда самъ помѣщикъ, ничего не понимая въ музыкѣ и живописи, насильно заставляетъ безтолковыхъ мальчишекъ драть уши визгомъ своихъ инструментовъ и пугать глаза пестрою кучею красокъ. Впрочемъ очень пріятно, какъ въ Александровскомъ, слышать хорошіи концерты, или видѣть хорошую картину, кто бы ни были живописецъ и музыканты. Имъ самимъ вѣрно также пріятнѣе этимъ заниматься въ чистыхъ горницахъ, чисто одѣтымъ, нежели вѣчно пахать и возить навозъ. — О всемъ должно судить какъ оно дѣйствительно происходитъ, не увлекаясь охотою разсмѣшить острою сатирою, или разжалобить небывалыми страданіями. Вездѣ и во всемъ бываютъ злоупотребленія. Масильонъ сказалъ въ одной изъ своихъ превосходныхъ проповѣдей: «l'excès de la piété même est nuisible» (и излишняя набожность бываетъ

вредна). Это было доказано кровавыми гонениями за вѣру въ Испаніи, Франціи, Англии, Германіи и самой Россіи, гдѣ тысячи православныхъ погибли отъ Уніи.—Если чувство самое святое произвело столько зла, во всемъ прочемъ еще болѣе требуется разсужденія и осторожности, чтобы благородная щедрость не обратилась въ разорительное мотовство, и полезная бережливость въ подлую скупость; чтобы особенно помѣщики были отцами своихъ крестьянъ, безъ излишней строгости, приводящей въ отчаяніе, безъ потворства, развращающаго нравы. Это не слишкомъ трудно: я этому видала много утѣшительныхъ примѣровъ.

Выѣхавъ изъ Александровскаго, гдѣ мы провели очень пріятно нѣсколько часовъ, намъ должно было бы ночевать въ Красномъ, взглянуть на обширное поле битвы 1812 года, не съ тѣмъ, чтобы разсуждать о дѣйствіяхъ военныхъ, о которыхъ не можемъ и вовсе ненужно судить намъ, но чтобы съ глубокимъ умилениемъ помолиться о воинахъ, которые здѣсь ревностно сражались, и пали за Царя своего и за отечество. Къ сожалѣнію, съ добрымъ намѣреніемъ сдѣланное, но необдуманное распоряженіе милой моей родственницы А. К. Гор. заве-

ло насъ ночевать въ сторону, и мы совсѣмъ напрасно потеряли дорогое время.

Юня 7.

Въ Лядахъ опять увидѣли мы Жидовъ, которыхъ не видали отъ Велижа, и по этому угадали, что началась Могилевская губернія. Въ ней опять стали часто попадаться нищіе, нищіе Бѣлорусскіе, какихъ никогда не увидишь въ Россіи. Во всю жизнь мою не забыть мнѣ мальчика, подошедшаго къ намъ, когда мы однажды на станціи сидѣли у каменной церкви, пока перемѣняли намъ лошадей. Примѣтно было, что ему нѣтъ двадцати лѣтъ, но лицо его было въ морщинахъ какъ у старика. Ветхое его рубище, едва держась на немъ, не могло защитить ни отъ дождя, ни отъ вѣтра. Усердно помолвившись, по обычаю православному, онъ робко протянулъ намъ руку. Мы подали ему пять копѣекъ серебромъ. Онъ упалъ на колѣна, прося Бога наградить насъ за такую великую милостыню. Намъ стало совѣстно, что онъ за малость такъ горячо насъ благодаритъ, и мы ему прибавили гривенникъ. Онъ едва по-

вѣрилъ, что это ему же дано, полумертвое лице его ожило.—Теперь, сказалъ онъ, мнѣ есть чѣмъ прокормиться цѣлые три дни, авось между тѣмъ что нибудь выработаю, и все будетъ по вашей же милости.—У Настасьи Петровны висѣлъ на рукѣ большой мѣшокъ; она вспомнила, что въ немъ бѣлый хлѣбъ и подала его нищему. Онъ взялъ его, совсѣмъ не такъ какъ бралъ деньги, онъ его схватилъ съ судорожнымъ крикомъ, и тотчасъ сталъ рвать его зубами, глотая большіе куски. Мы были тронуты до слезъ, но спѣшили уйти, боясь, что отдадимъ ему все, что было у насъ въ кошелькѣ, что нечего будетъ дать другимъ.—Онъ погнался за нами шатаясь отъ изнуренія—онъ хотѣлъ цѣловать у насъ руки и ноги,—онъ былъ подобенъ голодной собакѣ, готовой умереть за того, кто ее накормитъ. Еще повторяю, только въ Бѣлоруссіи встрѣчали мы такихъ нищихъ; проѣзжая Псковскою губерніей, послѣ совершеннаго неурожая, не видали мы ничего подобнаго.—Со вниманіемъ прочитавъ исторію, нельзя сомнѣваться, что западныя губерніи доселѣ страдаютъ отъ Уни: продолжавшіяся около двухъ вѣковъ свирѣпыя гоненія за вѣру уничтожили дѣятельность и природную живость народа. Благонамѣренные

Поляки сами сознаются, что крестьяне Бѣлорусскіе далеко отстали отъ Великороссійскихъ. Одна Польская графиня съ огорченіемъ рассказывала, что она, отправившись лѣтомъ въ свое помѣстье, везла понугая въ клѣткѣ надъ каретою. Сначала, на каждой станціи, ребята окружали карету, и даже на нее лазили подивиться говорящей птицѣ. Графинѣ было очень пріятно слышать острыя замѣчанія ихъ и видѣть веселость ихъ и проворство. Но когда переѣхала она изъ Псковской губерніи въ Витебскую, никто уже не смотрѣлъ ея понугая, и въ собственныхъ ея деревняхъ всѣ робко прятались отъ госпожи, ничѣмъ этого не заслужившей.

Въ Дубровнѣ, мѣстечкѣ князя Любомирскаго, двѣ церкви Православныя и одна Римская; въ послѣдней не дурно написана Тайная Вечеръ.

Отъ Дубровны тринадцать верстъ до Орши, гдѣ переѣзжаютъ Днѣпръ на казенномъ паромѣ. Его содержитъ Еврей, и, чтобы не было злоупотребленія, по срединѣ парома, на черной доскѣ, написано сколько кому платить. Хорошо было бы, если бы всюду и во всемъ поступали такимъ образомъ.

Издали можно почестъ Оршу большимъ, многолюднымъ городомъ, но въ ней только три тысячи жителей, по большей части Евреевъ. По счастью, въ ней хорошая гостинница, въ которой спокойно ночевали мы, осмотрѣвъ все, что есть примѣчательнаго въ древнемъ этомъ городѣ, при Владимірѣ Мономахѣ принадлежавшемъ Россіи, и потомъ на долго отнятомъ у нее Польшею.—Мы прежде всего отправились въ ближайшій къ гостинницѣ монастырь Тринитарскій, изъ котораго монахи переведены въ Вильну въ 1832 году. Въ немъ теперь училище. Въ церкви сохранились боковые алтари съ огромными, вызолочеными и посеребренными статуями ангеловъ и святыхъ, и каеэдра для проповѣдника, надъ которою Христосъ, во весь ростъ, держитъ на плечахъ агнца, а въ рукѣ жезлъ. Подъ церковью въ склепѣ хоронили покойниковъ, вынося ихъ туда чрезъ подъемную дверь на самой срединѣ церкви. Мнѣ хотѣлось побывать тамъ, но меня увѣрили, что лѣстница обветшала и нѣтъ ничего замѣчательнаго. Здѣсь, кажется, хорошо было бы устроить соборъ православный, на видномъ мѣстѣ, при дорогѣ.

Въ нынѣшнемъ соборѣ все напоминаетъ

страданія православія, и, по малому числу небогатыхъ прихожанъ, не скоро еще изглядятся въ немъ слѣды угнетенія; нельзя сравнить его съ Римскими церквами, и даже съ Уніатскою въ возсоединенномъ Покровскомъ монастырѣ. Особенно величественны зданія бывшаго монастыря Іезуитскаго, откуда въ 1820 году, за вредные ихъ происки, высланы монахи. Чрезъ длинный, узкій коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго двери и печныя дверцы, провели насъ въ небольшую, круглую комнату, откуда еще нѣсколько коридоровъ. Некогда было всюду заглядывать; мы только зашли на минуту въ бывшую ризницу со сводами и желѣзными въ окнахъ рѣшетками. Церковь отличной архитектуры съ большими окнами въ два ряда. По срединѣ четыре столба, съ вызолочеными капителями, какъ-будто недавно раскрашенные. На стѣнахъ, очень высоко, портреты въ ростъ Сигизмуда III и сына его Владислава IV. Я не могла разсмотрѣть ихъ издалека, но кажется хорошо написаны, и жаль, если испортятся отъ сырости. Это памятники историческіе, поставленные вѣроятно при этихъ Государяхъ, когда былъ въ Оршѣ Королевскій дворецъ. Онъ давно разрушился; мнѣ указали мѣсто его,

позади котораго были укрѣпленія и каналъ, соединявшій Днѣпръ съ рѣчкою Оршицею, что теперь бываетъ только въ половодіе.—Я взошла на хоры, и, сѣвъ тамъ у разбитаго окна, любовалась картинными видами; потомъ, прислонясь къ периламъ, смотрѣла на опустѣлую церковь. Иезуиты умѣли хорошо строиться и приобрѣтать на это средства. Но хитрые отцы вѣрно не воображали — какой конецъ будутъ имѣть ихъ замыслы. Воображалъ ли и Сигизмудъ, когда послы Московскіе умоляли его отпустить сына его Владислава царствовать въ Россіи, что онъ, стремясь самъ овладѣть Русскимъ престоломъ, готовитъ паденіе Польши и возстановленіе жестоко гонимаго имъ Православія. И когда онъ гостилъ здѣсь, окруженный дворомъ своимъ, приходило ли ему въ голову, что все здѣсь будетъ подвластно потомкамъ Митрополита Филарета, коварно захваченнаго имъ въ плѣнъ. Непсповѣдимы судьбы Божіи! Злѣйшій врагъ Россіи сдѣлался творцемъ ея величія!

Бывшій Доминиканскій монастырь, гдѣ теперь заштатный костелъ, построень, въ 1653 году, княземъ Друцкимъ-Сокольницкимъ. Хорошо написанный образъ Матери Божіей, въ окладѣ, надъ престоломъ, очень походитъ на на-

ши образа. По обѣимъ сторонамъ его посеребреныя и вызолоченыя статуи Ангеловъ, и между ними Спаситель, въ малиновой бархатной одеждѣ, съ золотыми галунами, стоитъ сложа руки на грудь; терновый вѣнокъ на немъ также вызолоченъ. Его закрываютъ малиновымъ занавѣсомъ, который для насъ отдернули. Лучшіе образа перенесены сюда изъ церкви Тринитарской, и вмѣстѣ съ ними висятъ портреты строителя церкви и жены его.

Мы очень спѣшили—хотѣлось за городомъ посмотреть два монастыря, издревле Православные. Мы утромъ близко отъ нихъ проѣхали, но не остановились, не зная, какія главы видны изъ-за роуц. Кутеенскій Успенскій монастырь, такъ названный по рѣкѣ Кутеенкѣ, впадающей въ Днѣпръ, основанъ въ 1631 году Богданомъ Стеткевичемъ. Въ Россійской Иерархіи названъ онъ подкоморнымъ Мстиславскимъ, но въ кельяхъ игуменъ, подъ современнымъ портретомъ его написано: «Портретъ вѣчныхъ памяти ясно-вельможнаго Богдана Стеткевича Кашталана Новогрудскаго.»—Соборная церковь во имя Успенія Божіей Матери каменная, о пяти главахъ, но не по нашему: на каждой сторонѣ фронтонъ и на немъ

маленькая глава, а въ срединѣ пятая большая. Церковь довольно обширна, съ хорошимъ иконостасомъ; на иконѣ Спасителя и на двухъ иконахъ Божіей Матери отличной работы вызолоченные оклады. Въ бытность Французовъ были они, со всею прочею утварью, скрыты въ землѣ подъ алтаремъ. — Особенно замѣчательна здѣсь золотая гривна съ дорогими камнями, пожалованная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, когда онъ съ войскомъ находился въ Оршѣ, для освобожденія растерзанной Поляками Малороссіи. Тутъ принималъ онъ изъ Аѳонской горы архимандрита Дамаскина съ животворящимъ Крестомъ Царя Константина и главою Иоанна Златоуста. Епископъ Смоленскій Лаврентій (а) самъ провожалъ его, и радостная встрѣча великой святыни предвѣстила воинамъ послѣдовавшее за тѣмъ рѣшительное возвращеніе Кіева и присоединеніе Малороссіи къ Россіи.

Оршанскій монастырь всегда былъ Православнымъ. Я съ глубокимъ умиленіемъ объ этомъ слушала, радуясь, что подобныя мнѣ слабыя женщины не поддались ни страху, ни корысти. Дивный подвигъ! Одна вѣра можетъ творить подобныя чудеса. За нѣсколько лѣтъ

(а) Географическій Словарь Щекатова, часть V. — Смоленскъ.

монастырь этотъ сдѣланъ первокласснымъ, однако при насъ былъ въ немъ только одинъ священникъ, прежде бывший полковымъ. Самъ овдовѣвъ, онъ пожелалъ съ дочерью, молодою вдовою, помѣститься при обители, и всякій день служить, благодаря за это Бога, хранящаго силы его. Осанка его важная, лице выразительное. Приятно встрѣчать такихъ служителей алтаря въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ особенно нужно, чтобы они и поступками своими и своей наружностью привлекали народъ. Графиня Анна Родіоновна Чернышева очень любила этотъ монастырь, но только снабжала его хлѣбомъ. Построенныя ею, для ея пріѣзда, кельи, гдѣ теперь живетъ игуменья, очень тѣсны и низки; удивительно, какъ могла она помѣщаться въ нихъ; прочія кельи весьма бѣдной наружности, и по всему видно, что рѣдко посѣщаютъ монастырь этотъ: его украшаетъ только соборная церковь. Еще двѣ церкви и колокольня деревянныя; въ одной изъ первыхъ мѣстные образа Спасителя и Божіей Матери отличной Византійской или Греческой живописи. Я не успѣла спросить; почему здѣсь зажигаютъ зеленыя свѣчи; онѣ горятъ темнѣе и не такъ приятны для глазъ, какъ бѣлыя.

Игуменья такъ убѣдительно просила насъ напиться у нее чаю, что невозможно было отказать ей, но отъ этого мы опоздали въ находящійся по близости, также издревле Православный, мужескій Кутеенскій Богоявленскій монастырь. На улицѣ было еще свѣтло, но въ огромной деревянной церкви, которую, какъ сказывали, освящалъ знаменитый Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила, чему должно быть лѣтъ двѣсти или болѣе, уже было темно, и мы, разсматривая ее при свѣчахъ, почти ее не видали, и только имѣемъ о ней понятіе. Она достойна особеннаго вниманія. Необычайно высокій куполъ ея держится на двухъ каменныхъ, можетъ быть уже послѣ подведенныхъ столбахъ; стѣны расписаны съ верху до низу, прямо по доскамъ. Живопись весьма посредственная, но очень любопытная, какъ вѣрное изображеніе чувствъ и понятій того вѣка, и состоянія художествъ въ тамошнемъ краю. Изъ сохранившихся внизу въ цѣлости аллегорій, которыя только однѣ могли мы видѣть, нѣкоторыя очень хорошо придуманы. На примѣръ, нужда, страсти и грѣхи, въ разныхъ видахъ человѣческихъ, преслѣдуютъ монаха: спасаясь отъ нихъ, онъ ухватился за крестъ, на кото-

ромъ распятъ Христосъ, и уже никто не можетъ его разлучить съ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ при словахъ: «Въ потѣ лица твоего съѣсти хлѣбъ твой». «Ева прядетъ, Адамъ пашетъ». Всюду надписи. — Высокій, рѣзный иконостасъ нѣкогда былъ жарко вызолоченъ.

Монастырь этотъ, также основанный Богданомъ Стеткевичемъ еще прежде женскаго, именно въ 1623 году, очень обширенъ, и кругомъ каменная ограда. Но онъ весь заросъ травою, и при архимандритѣ, старичкѣ почтеннаго вида, только одинъ монахъ, почему и приписанъ монастырь къ воссоединенному монастырю Покровскому, который въ городѣ, и гдѣ величественная каменная церковь. Грустно видѣть совершенное запусѣніе обители, въ которую, должно думать, нѣкогда стекались тысячи богомольцевъ. У входа въ церковь, на правой сторонѣ, въ стѣнѣ просвѣтъ въ нѣсколько аршинъ длиною, а шириною вершка въ два, чтобы непомѣстившемуся въ церкви народу можно было по крайней мѣрѣ съ улицы слышать служеніе, безъ всякой чрезъ это опасности отъ воровъ. Неужели лютыя гоненія питали вѣру, а теперь—когда такъ счастливо измѣнилась участь Православныхъ, въ нихъ охладѣло усер-

діе?—Тяжело это думать, но вѣками доказано, что среди жестокихъ, горестныхъ испытаній, несравненно болѣе бываетъ примѣровъ высокой добродѣтели.

Мы воротились въ гостинницу въ сумерки. Вечеръ былъ прекраснѣйшій; при лунномъ свѣтѣ Днѣпръ тихо струился, отражая сребристые лучи, и когда мы переѣзжали его, намъ сказали, что въ немъ найдено, рыбаками Богоявленскаго монастыря, огромное серебряное паникадило, въ шестнадцать пудовъ вѣсомъ, похищенное въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ, и брошенное здѣсь бѣжавшими Французами. Орша много пострадала отъ нихъ. Сожженные ими, противъ самой гостинницы, присутственныя мѣста напоминаютъ еще о ихъ грабежахъ. Когда ихъ выгнали, за обновленіе этого дома просили пятнадцать тысячъ рублей; тогдашнему губернатору показалось это дорого: послѣ сдѣлана была смѣта въ сорокъ тысячъ, а теперь стѣны уже такъ обветшали, что ихъ необходимо должно разобрать, и на постройку новаго дома едва ли будетъ достаточно и ста тысячъ рублей.

Мы провели остатокъ вечера съ нашими новыми, духовными и свѣтскими, Оршанскими

знакомыми, поочередно насъ всюду провожавшими. Говорили о давно прошедшихъ и настоящихъ временахъ.—Особенно было мнѣ пріятно прочесть, напечатанную въ Виленскомъ вѣстникѣ, рѣчь Виленскаго Архіепископа Іосифа, по случаю перемѣщенія изъ мѣстечка Жировиць въ Вильну Литовскаго Православнаго Епархіальнаго управленія, то есть самаго Архіепископа съ Архіерейскимъ и каѳедральнымъ штатами и съ духовной консисторіей. Рѣчь эта, исполненная убѣдительнаго краснорѣчія и трогательныхъ чувствъ Христіанскихъ, очень мало извѣстна, и я рѣшилась ее помѣстить здѣсь, увѣренная, что, украсивъ мою книгу, она доставитъ читателямъ истинное наслажденіе, ознакомивъ ихъ притомъ съ важными происшествіями того края.

Господи, во свѣтѣ лица Твоего поидемъ, и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки.

«Сими словами, въ день Преображенія «Господня, Церковь приглашаетъ вѣрныхъ «къ таинству Причащенія. По Промыслу Все-«вышняго, по гласу Церкви Всероссійскія, по «волѣ Благочестивѣйшаго Государя, Церковь «Литовская Православная вступаетъ нынѣ на

«новый путь, и какъ бы таинственно преоб-
«разуется къ новой жизни, къ новому попри-
«щу. Приступая, такъ сказать, къ сему таин-
«ству Преображенія, мы, члены сея послѣднїя
«Церкви, пастыри и овцы, больше нежели ког-
«да либо, имѣемъ нужду воззвать ко преобра-
«зившемуся нѣкогда Спасителю нашему: Гос-
«поди, во свѣтѣ лица Твоего пойдѣмъ, и о
«имени Твоемъ возрадуемся во вѣки.

«Забудемъ прошедшее. Забудемъ тѣ го-
«рестныя времена, когда Православные, наса-
«дившіе, утвердившіе и распространившіе, въ
«семь нѣкогда престольномъ градѣ, свѣтъ вѣ-
«ры Христовой, считались чуждыми въ соб-
«ственномъ своемъ достояніи; когда они под-
«вергались здѣсь нестерпимому гоненію, уничи-
«женію, порабощенію; когда они, едва терпи-
«мые, остались маленькимъ только стадомъ,
«какъ бы памятникомъ и указателемъ прошед-
«шаго. Забудемъ, говорю, все это — и горе-
«сти и страданія. Не станемъ приписывать
«человѣкамъ того, что было несомнѣнно въ
«предвѣчныхъ судьбахъ Всевышняго. Но, за-
«бывая о прошедшемъ, позвольте, Православ-
«ные Христіане, указать только здѣсь на
«оное, и въ назиданіе и утѣшеніе ваше, пред-

«ставить въ нѣсколькихъ словахъ настоящее:
«дабы мы могли убѣдиться, что Провидѣніе,
«подвергая Церковь Святую тягостнымъ ис-
«пытаніямъ, не оставляетъ Ея своимъ покро-
«вомъ; дабы мы, зная настоящее наше поло-
«женіе, могли съ вѣрностью опредѣлить по-
«ступки наши въ будущемъ, и съ полнымъ
«упованіемъ довѣриться тому же мудрому
«Провидѣнію, во вся дни взывая: Господи, во
«свѣтѣ лица Твоего пойдѣмъ.

«Недовольно, что Церковь Литовская Рус-
«ская, искони Православная, вытѣснена изъ
«градовъ въ скромныя села. Она было измѣни-
«лась въ пастыряхъ и овцахъ, вѣрою, церков-
«ными правилами и богослуженіемъ. Она по-
«чти забыла свое происхожденіе и отступилась
«было отъ своей матери Восточныя Каѳоличе-
«скія церкви. Но приспѣло время искупленія.
«Премудрый Зиждитель, избравшій смирен-
«ный вертепъ Вифлеемскій, для рожденія отъ
«Пречистыя Дѣвы Единороднаго своего Сына,
«избралъ и для обновленія Церкви Литовскія не
«блестящій градъ, а смиренный, уединенный
«уголокъ, находящійся подъ особеннымъ по-
«кровомъ Пречистыя Дѣвы, прославленной въ
«чудотворной иконѣ Жировицкой. Здѣсь, Пра-

«вославные Христіане, благодію Божією, за
«предстательствомъ Небесныя Владычицы,
«преобразились мы вѣрою, возвратясь къ
«чистымъ догматамъ древнія Православныя
«Церкви; преобразились духомъ, возвра-
«тятся къ постановленіямъ и сообществу съ
«родною нашею матерью Всероссійскою Цер-
«ковію; преобразились сердцемъ, обновя чувст-
«ва родственной любви къ великому общему на-
«шему Русскому племени и Русскому Отечест-
«ву. Здѣсь старцы съ радостнымъ умилені-
«емъ видѣли возвращеніе къ прежнему церков-
«ному порядку, которому они слѣдовали по боль-
«шей части въ начаткахъ своей жизни. Здѣсь
«зрѣлые мужи взвѣшивали прошедшее съ на-
«стоящимъ, хитросчетенія лжи со свѣтлыми
«указаніями здраваго смысла, и преклонили умы
«и сердца свои предъ непреложною истиною.
«Здѣсь юноши, приобрѣтая отличное умствен-
«ное образованіе, въ истинномъ духѣ Христі-
«янскія Православныя Церкви, учились любить,
«вмѣстѣ съ сею духовною своею матерію, и
«земное свое Отечество, Русь Православную.
«Здѣсь даже слабыя жены, столько подвержен-
«ныя предразсудкамъ и одностороннему увле-
«ченію, прозрѣли предъ очевидностію.

«И все это было дѣломъ не болѣе десяти
«лѣтъ! Если съ симъ краткимъ временемъ срав-
«нимъ необозримое пространство пути преоб-
«разованій, по которому прошли мы столь ти-
«хо, столь вѣрно, столь благополучно: то не не-
«извинительно для насъ нѣкоторое чувство са-
«модовольствія. Но нѣтъ, Всемогущій, не намъ,
«не намъ, а имени Твоему подобаетъ подвигъ
«великаго сего дѣла. Напутствуемые духомъ
«Твоея мудрости, направляемые святою Твоею
«волею, поддерживаемые всецѣльно Твоею
«десницею: мы прошли тяжкое, но вмѣстѣ,
«утѣшительное поприще, ко славѣ имени Тво-
«его; и повергаясь нынѣ въ прахъ предъ неис-
«повѣдимыми судьбами Твоими, молимъ Тя,
«Господи, дай намъ только взывать и уповать,
«что и мы ходили во свѣтѣ лица Твоего!

«Теперь, Церковь Литовская, благодареніе
«Всевышнему, утвердилась уже въ восприня-
«той вновь прародительской вѣрѣ и въ неиз-
«мѣнномъ единеніи съ Православною Церковью;
«и мы, вѣрныя чада Ея, укрѣпились духомъ и
«сердцемъ въ горнилѣ пятнадцатилѣтнихъ не-
«бзтягостныхъ испытаній. И вотъ, изъ уди-
«ченнаго уголка, предназначеннаго Провидѣ-
«ніемъ для нашего перерожденія, грядемъ мы

«цѣлымъ священнымъ сонмомъ къ древнему на-
«шему достоянію, въ мѣста, украшенныя свя-
«щенными для насъ воспоминаніями; гдѣ отцы
«наши подвизались къ водворенію и распрост-
«раненію истиннаго Евангельскаго свѣта; гдѣ
«они боролись прежде съ язычествомъ, а по-
«слѣ съ преобладаніемъ чуждаго церковнаго
«владычества; гдѣ они страдали и молились,—и
«страданіями и молитвами своими сохранили и
«приготовили для насъ сладкую, радостную ми-
«нуту нынѣшняго торжества!

«И какое торжество! Взгляните на этотъ со-
«боръ, который мы, четыре года тому назадъ,
«посвятили на служеніе Церкви Православной—
«онъ нынѣ замѣщенъ многочисленными достой-
«ными служителями слова Божія; обеспеченъ
«обильными средствами содержанія, и предна-
«значенъ великолѣпною кафедрою Іерарха, пред-
«стоящаго Литовской Православной Церкви.

«Тутъ не вдалекѣ, древняя Николаевская
«церковь, возстановленная въ настоящемъ видѣ
«знаменитымъ ревнителемъ Православія Кон-
«стантиномъ Острогскимъ, закрытая отъ воз-
«ровъ стороннихъ, какъ закрывалось здѣсь все
«Русское Православное, нынѣ обращается въ
«истинный храмъ молитвы, для многочислен-

«ныхъ Православныхъ прихожанъ, обеспечена
«средствами содержанія и достойнымъ при-
«чтомъ.

«Нѣсколько далѣе возстановляется еще бо-
«лѣе замѣчательный памятникъ церковной
«древности, первая Христіанская въ Вильнѣ
«Пятницкая церковь, столько разъ въ смутныя
«времена истребленная и возобновленная, по-
«томъ оставленная заустѣбною, и теперь суще-
«ствующая только въ разрушающихся стѣ-
«нахъ, едва кому извѣстныхъ.

«Тамъ, по другую сторону, виднѣется древ-
«няя Святотроицкая обитель. Здѣсь находится
«священная икона Божіей Матери, писанная, какъ
«гласитъ преданіе, Лукою Евангелистомъ, при-
«везенная въ Вильну Еленою, дочерью обнови-
«теля Россіи, Іоанна III, а женою Литовскаго
«князя Александра. Изъ обители сей, любомуд-
«рое Православное братство разсѣвало нѣког-
«да свѣтъ просвѣщенія на цѣлую Литовскую
«Церковь, и потому она подверглась въ самомъ
«началѣ насильственной власти враговъ Право-
«славія. Здѣсь-то, при столь священныхъ воспо-
«минаніяхъ, учреждается нынѣ новый свѣтиль-
«никъ высшаго образованія для духовнаго
«Православнаго юношества Литовскія Церкви,

«въ такомъ размѣрѣ и съ такими способами,
«какихъ не видѣли еще западныя области на-
«шего отечества.

«Тутъ, насупротивъ, высится Святодуховъ
«монастырь. Угнетенные со всѣхъ сторонъ,
«вытѣсненные изъ монастыря Троицкаго, Пра-
«вославные здѣсь основали благочестивое при-
«станище: въ немъ защищали вѣру отцевъ сво-
«ихъ, и, при всѣхъ превратностяхъ времени,
«сохранили обитель сію непричастною отступ-
«ничеству. Она одна устояла въ Православіи,
«какъ-бы для сохраненія драгоцѣннѣйшаго па-
«мятника Православія въ городѣ Вильнѣ, свя-
«щенныхъ мощей первыхъ мучениковъ Литов-
«скаго края, чтимыхъ Православною Церко-
«вію: Антонія, Іоанна и Евстаѳія. Она, обеспе-
«ченная нынѣ обильно средствами содержанія,
«предназначается быть путеводительницею къ
«иноческой жизни для Литовскаго края, и су-
«ществованіе ея связано съ мѣстожительствомъ
«главнаго Іерарха въ семъ краѣ.

«Тутъ же, подъ сѣнію обители сей и трехъ
«святыхъ мучениковъ, мощами въ ней почиваю-
«щихъ, открываются многолюдныя духовныя
«училища для маловозрастнаго юношества, дол-
«женствующаго быть первоначальнымъ разса-

«дникомъ пастырей и учителей Церкви Литов-
«скія.

«Вотъ утѣшительныя явленія для всѣхъ
«насъ, Православные Христіане! И какъ не
«возблагодарить намъ Всевышняго, какъ не воз-
«звать къ Нему изъ глубины сердець нашихъ:
«Господи, во свѣтѣ лица Твоего поидемъ,
«и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки!»—
«Но, воздавая Промыслителю всяческихъ дань
«благодарности за милости, на насъ изліянныя,
«не забудемъ, что, послѣ Бога, всѣмъ этимъ
«обязаны мы Помазаннику Его, Благочестивѣй-
«шему нашему Государю. Безъ Его мудрыхъ
«указаній, безъ Его отеческаго попеченія, безъ
«Его Царскихъ щедротъ, мы до сихъ поръ, мо-
«жетъ быть, коснѣли бы еще въ прежнемъ го-
«рестномъ положеніи, несли тягостное иго
«прежняго чуждаго преобладанія. О! да не ис-
«требится же никогда благодарность изъ сер-
«дець нашихъ и потомковъ нашихъ; да оста-
«нется на вѣки въ скрижаляхъ Церкви Право-
«славныя память неисчислимыхъ благодѣяній
«земнаго Ея Блюстителя и Покровителя Госу-
«даря Императора Николая Павловича!

«Но благодарность наша да не будетъ од-
«нимъ только пустымъ звукомъ. Исполненіе на-

«шего долга есть лучшимъ ея доказательствомъ
«и пріятнѣйшимъ даромъ, я въ томъ увѣренъ,
«для великаго сердца Благочестивѣйшаго наше-
«го благодѣтеля. Чѣмъ обязаны мы собствен-
«ной нашей Православной Церкви, а чѣмъ ино-
«вѣрнымъ нашимъ собратіямъ, съ которыми
«повсемѣстно соприкосновенны, — не будетъ
«излишнимъ напомнить вамъ здѣсь, благоче-
«стивые слушатели.

«Стремиться къ совершенству, есть пред-
«назначеніе всего человѣчества,—главнѣйшая
«заповѣдь Небеснаго нашего Искунителя, —
«священнѣйшая цѣль всей жизни каждаго изъ
«насъ, Христіане. Остановить это стремленіе
«въ природѣ, есть произвести разрушеніе смер-
«ти; остановить его въ мірѣ нравственномъ,
«есть уничтожить всѣ благородныя движенія
«души и сердца; остановить его въ смыслѣ
«Евангельскомъ, есть подвергнуться участи не-
«радиваго раба, зарывшаго въ землю вѣреннѣй-
«шему талантъ. Намъ особенно, чада Литовскія
«Церкви, необходимо имѣть въ виду безпре-
«станно сей непремѣнный завѣтъ всего бытія;
«намъ, для которыхъ, сверхъ стремленія къ со-
«вершенству человѣческому и Христіанскому,
«предстоитъ еще исполнить многое въ смыслѣ

«іерархическаго и церковнаго устройства, столь
«необходимаго для окончательнаго скрѣпленія
«нашего видимыми узами, съ общемою Право-
«славною Церковію, которой мы нынѣ уже
«сыны вѣрнѣйшіе и усерднѣйшіе. Эта мысль
«да не оставляетъ насъ денно и ночью; прило-
«жимъ всѣ силы для укрѣпленія что въ насъ
«немошно, для возбужденія что дремлетъ, для
«совершенія что начато, для поддержанія что
«уже крѣпко; и да будемъ мы нѣкогда украше-
«ніемъ Православныя Церкви, принявшей и
«лелеющей насъ съ толикою любовію!

«Чѣмъ же мы обязаны иновѣрнымъ на-
«шимъ братіямъ? — Любовію, любовію, любо-
«влю! — повторяю, и всегда повторять буду, съ
«возлюбленнымъ ученикомъ Иисуса Христа,
«столь глубоко проникнутымъ сею священною
«Его заповѣдью. — Но, скажете вы, можетъ
«быть, насъ не любятъ, насъ поносятъ, намъ
«не доброжелательствуютъ. Нѣтъ, они только
«насъ не знаютъ, насъ не понимаютъ. Но если
«бы насъ и не любили: неужели мы напрасно
«ученики Бого-человѣка, завѣщавшаго намъ
«любить и ненавидящихъ насъ! Если бы насъ и
«поносили: то неужели мы лучше и достойнѣе
«Спасителя, всю свою земную жизнь подвер-

«гавшагося поношенію и клеветѣ! Если бы
«намъ и не доброжелательствовали: то неужели
«имѣемъ мы право жаловаться малодушно, по-
«слѣ страдальческой жизни, а еще болѣе стра-
«дальческой смерти, которою искупилъ грѣхи
«наши Рожденный по плоти отъ Пречистыя
«Дѣвы Маріи. Такъ, Православные! одна только
«любовь можетъ усладить все, что есть тягост-
«наго въ непреклонности нашего долга, при
«нынѣшнемъ несчастномъ раздѣленіи Церкви
«Христовой. Любовь извинитъ заблужденіе,
«стараясь оное разсѣять. Любовь отклонитъ
«прекословіе, жертвуя своимъ самолюбіемъ ми-
«нутной слабости ближняго. Любовь умирить
«страсти кротостію ангельскаго смиренія. Лю-
«бовь перенесетъ скорби и напасти, ради спа-
«сенія заблуждшихъ собратій. Любовь побѣдитъ
«ненависть, творя добро и ненавидящимъ насъ.
«Любовь устранить недоумѣнія, производящія
«раздоръ непримиримый, и, можетъ быть, сое-
«динитъ во-едино, что мы съ горестію сердца
«видимъ раздѣленнымъ вѣковыми заблужденія-
«ми и страстями.

«Вотъ, Православные Христіане, общее
«начертаніе обязанностей нашихъ къ Церкви
«нашей и къ нашимъ иновѣрнымъ собраті-

«ямъ.— Ихъ-то исполнять значитъ: «ходить во
«свѣтѣ лица Господня.»—Буди же мнѣ свидѣ-
«тель, сердцеѣдче Господи, и воздаятель объ-
«ста моего! Ты знаешь: что глубокое убѣжде-
«ніе было началомъ и неизмѣннымъ сопутни-
«скомъ тяжкаго, но и не незавиднаго поприща,
«которое я пройти удостоился; что долгъ слу-
«женія Церкви и отечеству былъ всегда моимъ
«неизмѣннымъ руководителемъ; что сему долгу
«подчинялъ я вполнѣ человѣческія побужденія;
«что благо ввѣренной мнѣ паствы было и бу-
«детъ всегда искреннѣйшимъ желаніемъ моего
«сердца; что вся моя жизнь будетъ посвящена
«трудамъ и усиліямъ, дабы поставить сіе сло-
«весное стадо на ту степень духовнаго совер-
«шенства и церковнаго устройства, чтобы оно
«могло быть свѣтильникомъ въ истинной Церк-
«ви Христовой. Ты знаешь также, что испол-
«неніе лежащаго на мнѣ долга никогда не сопро-
«вождалось во мнѣ непріязненными чувствами
«къ отдѣленнымъ отъ насъ по вѣрѣ братіямъ,
«что всѣ мои съ ними сношенія растворялись
«внутреннимъ чувствомъ любви и долготерпѣ-
«ніемъ, часто можетъ быть даже излишнимъ,
«что это чувство любви къ нимъ есть обътомъ
«всёя моея жизни, и малодушная ненависть не

«коснется моего сердца даже тогда, если бы
«мнѣ пришло запечатлѣть кровію это душевное
«расположеніе.

«Къ вамъ теперь обращаюсь, добліи па-
«стыри, во вѣренномъ попеченію моему
«стадѣ Христовомъ. Шестнадцать уже истек-
«ло лѣтъ, какъ я предстою благочестивому ва-
«шему служенію. Съ сердечнымъ умиленіемъ
«всегда я воспоминаю ту просвѣщенную рев-
«ность, съ которою поборали вы благому дѣлу;
«то усердіе, которое столь облагороживаетъ и
«украшаетъ самые неблагоприятные труды; ту
«любовь и полную довѣренность, съ которою
«вы слѣдовали моему руководству. Благодарю,
«благодарю васъ за все это, и молю: да будете
«мнѣ и напредъ столь же бодрыми и усердны-
«ми сослужителями въ воздѣльваніи вертогра-
«да Христова, и да украситъ Спаситель нѣкогда
«васъ вмѣстѣ со мною нетлѣннымъ вѣнцемъ
«добраго подвига.

«Но добрыя пожеланія наши и исполненіе
«ихъ — въ руцѣ Твоей, Подателю всѣхъ
«благъ, Господи! Къ Тебѣ припадаемъ здѣсь
«цѣлымъ Православнымъ стадомъ и смиренно
«молимъ: настави насъ по пути истины, руко-
«води сердца наши, укрѣпи немощныя силы на-

«ши; да исполнимъ святую волю Твою, и пой-
«демъ во свѣтъ лица Твоего, и о имени Тво-
«емъ возрадуемся во вѣки. Аминь.»

Юля 8.

При отъѣздѣ нашемъ изъ Орши вдругъ
раздались пѣсни проходившихъ мимо Влади-
мирскихъ рекрутъ. Никогда пѣніе Рубини,
Віардо и Тамбурины, которыхъ несравненному
искусству я вполне удивлялась, не производило
на меня такого впечатлѣнія, какъ простыя Рус-
скія пѣсни. Вытверженное пѣніе Итальянское
торжество искусства человѣческаго; въ простой
пѣсни Русской — отголосокъ собственныхъ
чувствъ моихъ: она мнѣ вполне высказываетъ
сердечную грусть или радость. Жалѣю о тѣхъ,
кого не трогаютъ родные звуки, въ комъ они
не пробуждаютъ желанія молиться Богу о сча-
стии родной земли, чему всѣ могутъ содѣй-
ствовать, одни жертвуя жизнью ея защитѣ,
другіе охраняя общее и частное благо, всѣ во-
обще стараясь своимъ примѣромъ и рѣчами
питать почтеніе и любовь къ престолу и отече-
ству! Это, какъ по Русски говорится, должно

быть круговою порукою. Но—тяжело вымолвить, не всё Русскіе знаютъ Русскія поговорки. — Еще не слыхано, чтобы Нѣмцы, Французы, или Англичане не знали твердо языка своего, или пренебрегали говорить имъ, а у насъ почитаютъ невѣждами тѣхъ, которые знаютъ одинъ Русскій языкъ! — Это пройдетъ; это должно пройти, какъ проходитъ угаръ, послѣ котораго не хочется вспоминать о комнатѣ, гдѣ угорѣли, отъ того, что не во время закрыли въ ней трубу.

Замѣчаніе мое въ Катержномъ, что въ хорошихъ гостинницахъ берутъ дешевле, нежели въ дурныхъ, подтвердилось въ Оршѣ. Намъ подали вкусный обѣдъ, мы ночевали въ прекрасныхъ комнатахъ, пили чай и кофе, и за все взяли съ насъ пять рублей ассигнаціями. Я здѣсь хорошо отдохнула, что мнѣ было очень нужно, нѣсколько часовъ безъ отдыха ходивъ по церквямъ и монастырямъ.—Утѣшаюсь надеждою, что Орша возстановитъ свои развалины, не іезуитскимъ присутствіемъ, а торговлею и промыслами, будучи на Днѣпрѣ и въ самой срединѣ большихъ дорогъ въ Петербургъ, Москву, Кіевъ и Варшаву!—Здѣсь училища дворянское и духовное; въ послѣднемъ, основанномъ послѣ

возсоединенія, сорокъ учениковъ казенныхъ. Говорятъ, будто предполагали открыть здѣсь Лицей: зданій для этого достаточно; немного понадобилось бы исправить и пристроить.

Отъ Орши до Шклова тридцать девять верстъ. — Кто не знаетъ Шклова? Издавна проѣзжающіе дешево покупали въ немъ товары у Жидовъ. И теперь, только что остановились мы, чтобы перемѣнить лошадей, набѣжали купцы, и разными голосами, тотчасъ обличавшими происхожденіе ихъ, усердно предлагали намъ, кто карманные часы, кто кольца и браслеты, нѣкоторые шелковыя и шерстяныя матеріи отличной доброты. — Но мы вовсе не были расположены пользоваться ихъ услугами, и поспѣшили осмотрѣть развалины заведеній генерала Зорича. Получивъ во владѣніе Шкловъ, съ большими доходами, онъ хотѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ не одними пышными праздниками, и построилъ для четырехъ сотъ дворянскихъ сыновей обширный каменный домъ въ три яруса. Въ двухъ верхнихъ жили и учились воспитанники; низъ занимали наставники; въ немъ были выше комнаты и больше окна. Еще можно хорошо видѣть это по остаткамъ стѣнъ, которыхъ

только нѣкоторыя части совсѣмъ обрушились. Это не могло бы случиться такъ скоро, если бы стѣны были толще, и лучше складены, какъ напримѣръ въ Оршѣ. Онѣ упали отъ того, что, строя ихъ, думали только о настоящемъ, забывая о будущемъ, не соображаясь со своими средствами. Это совершенно по Русски: мы часто слушаемся сердца болѣе нежели разсудка. Если бы вмѣсто четырехъ сотъ воспитанниковъ было бы ихъ только сорокъ, и жилище ихъ вѣрно бы тогда не развалилось, и навсегда была бы упрочена участь сорока благородныхъ дѣтей, для которыхъ бѣдность и недостатокъ воспитанія еще тяжелѣе нежели въ другихъ сословіяхъ.—Но нельзя строго судить того, кто спѣшилъ насладиться благодѣяніемъ, раздѣлить избытокъ свой съ неимущими!

Въ господскомъ домѣ, съ театромъ и оранжереями, также въ три яруса, еще цѣлы стѣны, но кровли и полы и тамъ обвалились. Видъ прекрасный на озеро; кругомъ глубокая тишина; дворы заросли травой; въ залахъ птицы вьютъ гнѣзда. Послѣ Зорича остались огромные долги и множество родственниковъ: все, что устроивалъ онъ, рушилось съ его послед-

нимъ вздохомъ. Невольно скажешь: « Суета суеть всяческая суета!»

Шкловъ, на берегу Днѣпра, нѣкогда принадлежалъ графамъ Хоткевичамъ, а потомъ князьямъ Чарторижскимъ (а). Въ 1654 году, войсками Царя Алексѣя Михайловича разбиты здѣсь Поляки подъ предводительствомъ коронаго гетмана Радзивила.—На здѣшней пристани торгуютъ хлѣбомъ. Суда, называемыя байдаки, поднимаютъ до десяти тысячъ пудъ, но идутъ только до Шклова, потому что далѣе Днѣпръ мельче и уже. Въ Оршѣ они поднимаютъ только отъ четырехъ до пяти тысячъ пудъ, и ихъ зовутъ берлинками, по рѣчнымъ судамъ на Вислѣ и Мемелѣ, которыя начали строить въ Гомелѣ.

(а) Географическій Словарь Щекатова.

VI.

МОГИЛЕВЪ. АРХІЕРЕЙСКІЙ ДОМЪ. СОБОРЪ СВЯТАГО ІОСИФА. ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ. БРАТСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ПИППЕНБЕРГЪ.

Изъ всѣхъ Русскихъ городовъ, поднавшихъ владычеству Польскому, въ одномъ Могилевѣ не могло водвориться Уніатство, и ревность жителей къ Православію убѣдила Владислава IV, по восшествіи его на престолъ искренно желавшаго прекратить раздоры и гоненія за

вѣру, воздвигнутые отцемъ его учредить, въ 1632 году, въ Могилевѣ особую Православную Епархію, отдѣливъ ее отъ Полоцкой. Только одна она сохранилась здѣсь до самаго возвращенія Могилева Россіи, и что всего было горестнѣе, въ 1596 году, Епископы Луцскій, Полоцскій, Пинскій, Хельмскій, Владимірскій (на Вольни), и самъ Митрополитъ Кіевскій Михаилъ Рагоза, изъ корысти или малодушія (а) приняли Унію. Могилевъ былъ тогда ссымочнымъ мѣстомъ, по враждѣ къ Православнымъ, которыхъ всевозможно старались развратить злыми примѣрами, избирая притомъ въ священники и въ судьи самыхъ негодныхъ людей Литовскіи канцлеръ Левъ Сапѣга съ негодованіемъ писалъ объ этомъ Уніатскому Архіепископу Іосафату Кунцевичу; а депутатъ изъ Волыни, Лаврентій Древинскій (б), сильно и краснорѣчиво изобразилъ самому Королю Сигизмунду III, на Варшавскомъ сеймѣ, бѣдственное состояніе свирѣпо гонимаго за вѣру Русскаго народа.

Нынѣшній Могилевскій Епископъ нѣсколько лѣтъ былъ Ректоромъ семинаріи въ Новго-

(а) Описаніе Кіево-Софійскаго собора.

(б) Исторія объ Уніи.

родѣ, гдѣ я при жизни сестры моей обыкновенно проводила лѣто. Я слышала тогда объ немъ отъ одного путешественника Римскаго исповѣданія, объѣхавшаго Англію и Францію, что онъ не воображалъ, чтобы въ Россіи были духовные, въ такой степени соединявшіе Европейское образованіе ума съ глубокимъ смиреніемъ Христіанскимъ. Преосвященный издаетъ свои сочиненія маленькими книжками, которыя печатаетъ въ Кіевской типографіи, съ начальными только буквами своего имени: можно пожалѣть, что книжки эти почти вовсе неизвѣстны.

Благословивъ меня и спутницу мою Н. П. О. образами Почаевской Божіей Матери, Преосвященный рассказалъ намъ притомъ о явленіи Ея на Почаевской горѣ. — Тамъ жили въ пещерѣ два Православные инока. Одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ овечьимъ пастухомъ Іоанномъ, вдругъ увидѣлъ стоящую на горѣ, въ огненномъ столбѣ, Царицу Небесную. Они бросились къ ней, но видѣніе исчезло, только остался въ камнѣ слѣдъ правой ноги, наполненный водою, которую доселѣ не могутъ исчерпать набожные богомольцы, отсюда стекающіеся поклониться дивной Святынѣ. — Въ 1597 году основанъ тутъ Анной Гойской Православный монастырь, которымъ

въ первой половинѣ прошедшаго вѣка овладѣли Уніаты, а съ 1831 года онъ возвращенъ Православію, и теперь называется Успенскою Лаврою. Онъ лежитъ на границѣ Россіи съ Австріей на высокомъ мѣстѣ. Преосвященный Анатолій жилъ тамъ, въ бытность свою Епископомъ Житомирскимъ.

Здѣшній Архіерейскій домъ, въ два этажа, построенъ Георгіемъ Конисскимъ, знаменитымъ защитникомъ Православія, во времена его жестоко гонимаго. Онъ построилъ еще много зданій, пробывъ въ Могилевѣ Епископомъ, а потомъ Архіепископомъ, цѣлые сорокъ лѣтъ. Ему въ этомъ много способствовала Императрица Елисавета Петровна. Преосвященный Анатолій показывалъ намъ грамоту Ею пожалованную Георгію, когда онъ, прежде бывъ Архимандритомъ Кіево-братскаго монастыря и Ректоромъ духовной Кіевской Академіи, посвященъ былъ въ Кіевѣ въ Епископы Могилевскіе. По кончинѣ его предшественника Іеронима Волчанскаго, не только Полоцкій Митрополитъ, самъ Папа Венедиктъ XIV усердно старался объ опредѣленіи въ Могилевъ Уніатскаго Епископа, но Король Августъ III утвердилъ избраніе умнаго, ученаго и непоколебимаго

въ Православіи Архимандрита Георгія, изъ дворянъ Малороссійскихъ. — Онъ былъ посвященъ 1755 года Августа 20. Черезъ два года, именно отъ 27 Августа 1757 года, прислана ему отъ Императрицы, изъ С. Петербурга, грамота, подписанная членами Святѣйшаго Синода, Сильвестромъ, Архіепискомъ С. Петербургскимъ и Шлюссельбургскимъ, Димитріемъ, Епископомъ Рязанскимъ, Афанасіемъ, Архимандритомъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры и Варлаамомъ, Архимандритомъ Донскаго монастыря. — Въ ней не упоминается объ Уніи, только сказано, что, по договорамъ съ Польшею, Георгія должны были посвятить Россійскіе Архіереи, и за тѣмъ слѣдуетъ обыкновенное наставленіе, какъ ему содержать паству свою, которой онъ долженъ служить примѣромъ во всѣхъ добродѣтеляхъ Христіанскихъ, « а въ недо-
« знаемыхъ иногда въ духовныхъ дѣлахъ труд-
« ностяхъ, требовать отъ Святѣйшаго Синода
« изъясненія и наставленія. »

Въ верху великолѣпной этой, на пергаментѣ, грамоты, нарисованы красками Богъ Отецъ и два Ангела, подъ которыми Императорскій гербъ съ вензелемъ Елисаветы. Кругомъ, между цвѣтами, Евангеліе, Крестъ и Епископскія

принадлежности. Внизу большая красная сургучная печать, съ Императорскимъ гербомъ, на золотомъ шнурѣ.

Прочитавъ грамоту, свидѣтельствующую, какое сильное вліяніе уже тогда имѣла Россія на Польскія дѣла, я подошла къ портрету Георгія Конисскаго, находящемуся въ пріемной комнатѣ Архіерейскаго дома, вмѣстѣ съ портретами другихъ Могилевскихъ Епископовъ. У него слишкомъ великъ былъ носъ. Но хотя это безобразіе лица обыкновенныя, его лице не теряетъ отъ этого своей привлекательности; высокая душа его рѣзко изображается въ остромъ его взорѣ и кроткой улыбкѣ. Онъ не однажды былъ жестоко оскорбляемъ, и самая жизнь его бывала въ опасности, но онъ счелъ себя за все вполне награжденнымъ, дождавшись возвращенія Бѣлоруссіи подъ державу Россійскую. Преосвященный Георгій былъ въ Москвѣ при коронаціи Екатерины Второй. Рѣчь его, тогда имъ произнесенная, напечатана въ его сочиненіяхъ и въ исторіи объ Уніи Бантыша-Каменскаго. Не всѣ имѣютъ книги эти, и я надѣюсь угодить читателямъ, сообщивъ отрывокъ этой рѣчи, превосходной по чувствамъ и изложенію ихъ, хотя слогъ уже нѣсколько устарѣлъ.

«Знаю», говоритъ знаменитый Святитель, «какъ далеко отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей предѣлами Россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей хотя «единовѣрныхъ, но въ Польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры, отъ дней «Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни «славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе «опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издають. Здѣсь кто «благочестивѣе тѣмъ и честиѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ стыдъ ставятъ; за «благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а нерѣдко и живота лишеніе издревле «терпимъ. Однако и въ толикихъ Египетскихъ «озлобленіяхъ, и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не хотимъ уступати имъ въ разсужденіи настоящей радости. — Смѣемся, и сквозь «слезы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсеніи. А для че-

«го такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ «насъ; надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ни «же въ одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже плодѣ «состоящая.»

Надежды эти исполнились, — молитвы угнетенныхъ, непрестанно взывавшихъ къ Богу, чтобы имъ вновь присоединиться къ родной землѣ, къ родной вѣрѣ, споспѣшествовали храбрымъ воинамъ. Можно вообразить восторгъ Православныхъ, когда рѣшено было, что утраченныя въ бѣдственныя времена Россіей области снова къ ней присоединяются, — какъ они поздравляли другъ друга съ такою вѣстью, какъ они надѣялись, что нѣкогда и братья ихъ, увлеченные муками, прельщеніями или обманами измѣнить вѣрѣ предковъ своихъ, не захотятъ болѣе враждовать имъ, слѣпо повинаясь чуждой, надменной власти. — И эта надежда исполнилась! — И меня Господь сподобилъ увидѣть, во всемъ его великолѣпнн, Православное служеніе въ церквахъ, гдѣ были принуждены провозглашать Папу Римскаго, чтобы не были онѣ запечатаны и отданы въ аренду Жидамъ, свободно ругавшимся въ своихъ синагогахъ именемъ Христовымъ. — И это совершилось безъ пролитія крови, безъ насилія, однимъ убѣжде-

ніемъ, однимъ искреннимъ желаніемъ всѣхъ примирить и успокоить.

Въ 1654 году, Царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько дней пробывъ во взятомъ имъ Могилевѣ, которымъ Поляки снова овладѣли чрезъ семь лѣтъ. Петръ Великій и Карлъ XII также въ немъ останавливались; послѣдній здѣсь прожилъ цѣлый мѣсяцъ, и награбивъ въ церквахъ слишкомъ девять пудъ серебра, велѣлъ изъ него выбить, въ лагерь своемъ, деньги, послѣ чего, переправившись здѣсь съ войскомъ черезъ Днѣпръ, отправился подъ Полтаву, гдѣ, какъ всѣмъ извѣстно, вопреки его гордымъ надеждамъ, бѣдственно для него измѣнилось дотолѣ льстившее ему счастье.

Июля 9.

Прибывъ изъ Смоленска въ Могилевъ съ Императоромъ Іосифомъ, Екатерина Вторая, въ память дружественнаго ихъ свиданія, заложила здѣсь соборъ святаго Іосифа, освященный въ 1801 году, двадцать лѣтъ послѣ закладки. Мы въ немъ слушали обѣдню. Преосвя-

щенный самъ служилъ, какъ обыкновенно по воскресеньямъ, пѣвчіе пѣли прекрасно, особенно Вѣрую. — Можетъ ли какая нибудь музыка сравниться, въ храмѣ Божіемъ, съ голосами человѣческими, когда они достойно поютъ хвалу Творцу Небесному, или умоляютъ его о помощи! Конечно, трудно собрать хорошихъ пѣвчихъ, но не всегда можно имѣть и хорошій органъ, и также тяжело слушать нестройные звуки его, какъ и неискusstное пѣніе дьячковъ, съ которыми по крайней мѣрѣ вмѣстѣ повторять можно: «Господи, помилуй!»—Образа Могилевскаго собора писаны въ академіи, но только Благовѣщеніе Богородицы и Іосифъ обручникъ замѣчательны по прекрасному выраженію лицъ. Два образа, Спасителя и Божіей Матери, въ окладахъ; первый сдѣланъ тогда еще бывшимъ барономъ, а послѣ княземъ Сакеномъ, любившимъ Православныя церкви. — У входа въ соборъ и около иконостаса колонны подъ мраморъ. Куполъ круглый съ большими окнами, заставленными изображеніями двѣнадцати Апостоловъ, изъ—за которыхъ слабый, но пріятный свѣтъ. — Миѣ сказывали, что изъ Петербурга былъ присланъ вдвое обширнѣе планъ, но строившій соборъ архитекторъ разсудилъ

уменьшить его, и сдѣлалъ это такъ неискусно, что тотчасъ замѣтна несообразность въ размѣрѣ.

Церковь Рождества Богородицы, прежде бывшая іезуитскою, не такъ пространна и великолѣпна, какъ Оршанская, но вся расписана. Иконостасъ обновленъ въ 1842 году. За престоломъ, молящійся Спаситель прекрасно написанъ въ Москвѣ. — Всего въ Могилевѣ, съ придѣлами, двадцать три церкви Православныя, три Римскія и одна Лютеранская : многія изъ нихъ видны съ бульвара, на берегахъ Днѣпра и рѣчки Дубровки. На высокомъ берегу послѣдней была крѣпость, основанная Сигизмундомъ III и оконченная сыномъ его Владиславомъ. — Еще можно полюбоваться городомъ изъ гостинной дворянскаго собранія, гдѣ онъ почти весь видѣнъ съ балкона. Прямыхъ улицъ немного, но по горамъ живописно разбросаны въ садахъ домики. Городскій садъ гораздо меньше Смоленскаго и не такъ разнообразенъ. Мы въ немъ гуляли въ субботу и видѣли однихъ Евреевъ, мужчинъ и женщинъ, въ праздничныхъ платьяхъ.

На другой день приѣзда нашего были мы въ Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, находящемся внутри города. Соборъ величествен-

ный съ обширными хорами. Особенно трогательно, что такое зданіе воздвигнуто было въ самыя бѣдственныя времена, когда за малѣйшую постройку, даже за починку стараго, должно было дорого платить. Церковь эта была тогда первою въ городѣ и въ ней обыкновенно по праздникамъ служили Архіереи.

До 1828 года, Братскій монастырь имѣлъ содержаніе отъ такъ называвшагося въ городѣ Братства, изъ котораго выбирались старшины на два или на три года, также старосты, подстаросты и шафары; первый былъ попечителемъ, второй распорядителемъ, третій расходчикомъ. Отличившіеся въ этомъ званіи могли быть и вторично выбраны. Вообще монахи, въ числѣ ихъ и игумны, назывались законниками, іеромонахи гофмонахами, іеродіаконы архидіаконами : во всемъ было видно невольное подражаніе обычаямъ Польскимъ. Еще были бакалавръ, обязанный въ церкви наблюдать за пѣніемъ и обучать дѣтей, майстеръ или проповѣдникъ свѣтскаго званія, за каждую проповѣдь получавшій по рублю серебромъ; священникъ получалъ за служеніе только двадцать пять копѣекъ, діаконъ и бакалавръ по пятнадцати копѣекъ, дьячки и пономари, называв-

шіеся подьячими, по семи копѣекъ съ половиною.

Ректоръ семинаріи живетъ въ Братскомъ монастырѣ въ низкихъ, убогихъ кельяхъ; но въ нихъ очень у него чисто, и онъ, пригласивъ насъ къ себѣ, не скучалъ моими разспросами и показалъ много любопытныхъ грамотъ. Мнѣ особенно лестно было видѣть собственноручную подпись Митрополита Петра Могилы, столь же ревностнаго защитника Православія, какъ и Георгій Конисскій, и я тщательно перевела ее на тонкую бумагу. Грамата, написанная просто Братству Могилевскому, оканчивается слѣдующими словами: «Милостей вашихъ, зычливый (доброжелательный) въ «Святомъ Дусѣ отецъ и молитвенникъ Петръ «Могила, Архіепископъ, Митрополитъ Кіевскій «рукою власною.» Эта грамота 1635 года. Другая грамота или посланіе Митрополита Кіевского, Варлаама, 1704 года, съ слѣдующею надписью: «Во благочестіи святомъ присно «сіячимъ шляхетнымъ и славѣтнымъ ихъ милостямъ паномъ крестоносномъ, ставропигіальнымъ братіямъ православнаго Братства «Могилевскаго, церкви святой, православно-«сточной, отъ нашего смиренія въ Духу Свя-

*Петръ Могила
Митрополитъ Кіевскій
рукою власною*

Своеручная подпись Кіевского Митрополита
ПЕТРА МОГИЛЫ .

« томъ благопослушнымъ сыномъ отдати. » Къ оберткѣ прилѣплена изъ краснаго воска печать Кіевскаго собора на особой бумажкѣ.—Съ подписью Короля Августа II, нѣсколько грамотъ, но ни одной нѣтъ Владиславовой. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть почеркъ Государя, именемъ котораго болѣе года правили Россіей.

Въ тотъ же день послѣ обѣда ѣздили мы за три версты отъ города на дачу Пиппенбергъ. Она на высокомъ берегу Днѣпра и нѣкогда принадлежала первому Могилевскому намѣстнику Пассеку. Въ послѣдствіе приобрѣлъ ее разбогатѣвшій отъ винныхъ откуповъ надворный совѣтникъ Яншинъ, отъ котораго перешла она въ казну, и наконецъ, по Высочайшему повелѣнію, отдана, со всѣми ея угодьями, въ пользу женскаго учебнаго заведенія, первоначально основаннаго въ Пропойскѣ, за семьдесятъ верстъ отъ Могилева. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, изволивъ, въ 1828 году, ночевать въ Пропойскѣ, обратила милостивое вниманіе на обучавшихся тамъ дѣтей, послѣ чего заведеніе и было перемѣщено въ Пиппенбергъ. Невозможно пріискать лучше этого мѣста для воспитанія небогатыхъ дѣвицъ. По близости города легко имѣть изъ

гимназии учителей, и между тѣмъ городской шумъ не развлекаетъ ученицъ, которыя свободно гуляютъ и бѣгаютъ по обширной своей рошѣ и примыкающимъ къ ней лугамъ и полямъ, отъ чего у всѣхъ здоровый и веселый видъ. Онѣ одѣты какъ вообще въ институтахъ и почти всему также учатся. При насъ были учителя Русской словесности и исторіи, и я слушала уроки ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Музыкѣ и танцованію учатъ классныя дамы, по большей части воспитанныя въ Смольномъ и въ Маріинскомъ институтѣ. Четыре дѣвицы прекрасно разыграли на двухъ фортепьянахъ увертюру Оберона. По рисункамъ и рукодѣльямъ также можно надѣяться, что здѣшнія воспитанницы, пріучаясь къ различнымъ занятіямъ, никогда не будутъ праздны, что бываетъ такъ пагубно, особенно въ молодости.

Жаль, что домъ здѣшній очень старъ, и помѣщеніе годъ отъ году становится тѣснѣе отъ прибывающаго числа воспитанницъ. Могилевское дворянство располагаетя построить новый домъ гораздо обширнѣе, но худые урожаи хлѣба еще не допустили исполнить это. Оно необходимо: только можно пожелать, чтобы не перемѣщали заведеніе въ городъ. Къ ска-

занному объ этомъ еще прибавлю, что у воспитанницъ теперь на глазахъ все сельское хозяйство, и это всего лучше пріучаетъ бѣдныхъ дѣвушекъ къ той жизни, которая ждетъ ихъ у родителей, спасая отъ пышныхъ, несбыточныхъ мечтаній.

Въ Пиппенбергѣ нѣтъ церкви, но очень близко Свято-Духовъ Буйницкій дѣвичій монастырь, и въ воскресные и праздничные дни, когда хороша погода, начальница, дѣвица Крузе, по фамиліи Нѣмка, а по закону Русская, ходитъ туда къ обѣднѣ со своими воспитанницами. — Монастырь этотъ прежде былъ мужескій. При немъ большіе сады, но доходу отъ нихъ только шестьдесятъ рублей серебромъ: плоды здѣсь въ большомъ изобиліи и очень дешевы.

VII.

ПРОПОЙСКЪ, ЧЕЧЕРСКЪ, ГОМЕЛЬ, БѢЛИЦА.

Юля 10.

Погостивъ очень пріятно двое сутокъ въ Могилевѣ, мы пріѣхали изъ него ночевать въ Пропойскъ, пожалованный Екатериной Второй Оберъ-Камергеру А. М. Голицыну, который построилъ въ немъ каменную церковь Рождества Богородицы съ двумя придѣлами. Въ ней

замѣчательнъ запрестольный образъ, снятіе со креста, прекрасно написанный Горскимъ.

Имѣніе это досталось потомъ также Яншину, который продалъ его графинѣ Вязмитиновой, а у нее его купилъ нынѣшній владѣлецъ, двоюродный братъ покойнаго графа А. Х. Бенкендорфа, А. И. Бенкендорфъ, женатый на Русской, Е. А. Черновой. Онъ пріѣхалъ въ слѣдъ за нами ночью изъ Могилева, и по утру самъ познакомилъ насъ съ любезнымъ своимъ семействомъ.

Въ Пропойскѣ около трехъ тысячъ душъ крестьянъ, и восемьдесятъ пять тысячъ десятинъ земли, изобилующей строевымъ и даже мачтовымъ лѣсомъ, который отправляютъ въ Херсонъ, Николаевъ, Одессу и Ригу.—Мѣстоположеніе прекраснѣйшее на рѣкахъ Сожѣ и Прони. Первая впадаетъ въ Днѣпръ въ Минской губерніи при мѣстечкѣ Лоевѣ, гдѣ нѣкогда была граница Малороссіи съ Польшею, и оно безпрестанно переходило изъ рукъ въ руки, по нѣскольку разъ иногда въ годъ.—Рѣчныя суда ежегодно привозятъ изъ Крыма въ Пропойскъ до пяти сотъ тысячъ пудовъ соли, которую отсюда развозятъ сухимъ путемъ по Могилевской и Смоленской губерніямъ.—Пропойскъ

мѣсто очень замѣчательное; въ семнадцать верстахъ отъ него, при деревнѣ Лѣсной, Петръ Великій одержалъ славную побѣду надъ храбрѣйшимъ Шведскимъ Генераломъ Левенгауптомъ, бывшимъ гораздо сильнѣе. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Шведы въ безпорядкѣ бѣжали къ Пропойску, гдѣ и переправились черезъ Сожу. Петръ преслѣдовалъ ихъ, но чрезвычайно утомленный остановился здѣсь на ночь. Это спасло Шведовъ; только обозы ихъ и воинскіе снаряды достались побѣдителю, и они принуждены были бросить все, что успѣли перевезти, въ болото, гдѣ еще и нынче находятъ ржавыя пушки и ядра.

По просьбѣ гостепріимныхъ хозяевъ мы пробыли въ Пропойскѣ слишкомъ сутки. Утромъ осмотрѣли церковь, обширныя сады и маленькую обсерваторію, устроенную Александромъ Ивановичемъ Бенкендорфомъ, который занимается наблюдениями съ живущимъ у него живописцемъ Туловымъ. Вечеромъ молодая дѣвица прекрасно играла на фортепьянахъ, и пѣли, со скрышкою искуснаго учителя музыки, Баварца Беккера.—И въ Русскихъ помѣстьяхъ живутъ образованные люди, общество которыхъ можетъ доставить истинное удовольствіе.

Въ окрестностяхъ Пропойска два значительные завода, мѣдишлавительный и чугунный, съ механическимъ отдѣленіемъ для сооруженія машинъ.—Въ самомъ Пропойскѣ можно полюбоваться огромными померанцовыми деревьями, присланными изъ Херсона на судахъ княземъ Потемкинымъ любимцу его Фалѣеву. Онъ поручилъ ему въ здѣшней сторонѣ бывшія свои волости, и когда потомъ рѣшился продать ихъ, Фалѣевъ отдалъ деревья въ Пропойскъ князю Голицыну, гдѣ они сохранились не смотря на частыя перемѣны владѣльцевъ.

Рыба изъ рѣки Сожи предпочитается Днѣпровской. Осенью, въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, ловятъ ее по заливамъ неводами, для чего собирается человекъ сорокъ, и нерѣдко попадается разомъ пудовъ восемьдесятъ и болѣе.—Любопытно было бы видѣть такую ловлю.—Мнѣ также хотѣлось бы посмотрѣть колодезь, за семь верстъ отъ Пропойска, чрезвычайно свѣжій, и такой многоводный, что имъ мелятъ шесть жернововъ. Рассказываютъ, что по близости жила красавица, за которую посватались два родные брата; старшій, богатый силачъ, неуклюжій и глупый; меньшій, умный и пригожій. Полюбивъ послѣдняго, но боясь разсер-

дить перваго, невѣста предложила имъ бросить по камню, обѣщая выйдти за того, чей камень далѣе упадетъ. Она не надѣялась, чтобы это удалось ея любимцу, но воображала, что легко будетъ провести дурака, неразсудивъ, что коли дуракъ чего горячо захочетъ, не сладить съ нимъ двумъ умнымъ. Сдѣлавъ на своемъ камнѣ замѣтку, старшій братъ швырнулъ его такъ ловко, что онъ упалъ за семь верстъ, гдѣ кругомъ его глубоко обрушилась земля. Несчастливая красавица, чтобы избавиться ненавистнаго брака, кинулась въ пропасть, и пока не умерла въ ней, такъ горько плакала, что отъ слезъ ея вышелъ ключъ.

Повѣсть эта очень полюбилась мнѣ. Кто первый выдумалъ ее, вѣрно непохожъ былъ на старшаго жениха. Можетъ быть, это и не совсѣмъ выдуманно. Можетъ быть точно молодую, влюбленную дѣвушку насильно хотѣли выдать замужъ за уроды, и она кинулась въ пропасть, на днѣ которой былъ неизвѣстный до того ключъ.—Какъ бы то ни было, разсказъ этотъ трогателенъ, и изъ него можно сдѣлать прекрасную балладу.

Юля 12.

Отъ Пропойска съ небольшимъ шестьдесятъ верстъ Чечерскъ. Подъѣзжая къ нему, я вспомнила о прежней его владѣтельницѣ, графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой, долго въ немъ жившей, о которой я съ младенчества много наслышалась отъ моей покойной матери. Отецъ ея Е. В. Тишинъ, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ былъ вторымъ членомъ Придворной Конторы. Овдовѣвъ съ двумя сыновьями и пятью дочерьми, и не имѣя возможности самъ заниматься воспитаніемъ ихъ, дѣдъ мой женился на Аннѣ Богдановнѣ Пассекъ, полагая, что она также кротка и любезна, какъ сестра ея, бывшая замужемъ за генералъ-майоромъ Венделемъ, о которой носился слухъ, что за ея добродѣтели являлась ей Божія Матерь. По смерти ея, обѣ ея дочери, въ послѣдствіи бывшія, одна за графомъ Чернышевымъ, а другая за графомъ Панинымъ, взяты были во Фрейлины и жили во Дворцѣ. Императрица позволяла дѣду моему часто брать къ себѣ въ гости женниныхъ племянницъ, что тогда было особенною милостью, и онѣ были очень ласковы къ его дѣтямъ перваго брака, которыхъ звали

братьями и сестрами.—Но тетка ихъ была во всей силѣ слова мачихою, и дурной ея нравъ, принудивъ дѣда моего оставить службу, вѣроятно сократилъ жизнь его. Онъ умеръ скоропостижно въ Москвѣ, съ небольшимъ сорока лѣтъ, и дѣти его, для которыхъ единственно вступилъ онъ во второй бракъ, остались совершенными сиротами. Они уже могли все понимать и чувствовать, и имъ не было потому охоты сближаться съ мачихиными родственниками. Вдругъ, слишкомъ чрезъ шестьдесятъ лѣтъ, графиня Анна Родіоновна узнала, отъ пріѣхавшей къ ней для сбора монахини, что въ ея монастырѣ игуменьей родная внука Ермолая Васильевича Тишина, у которой сестра при Дворѣ. Она написала съ ней къ намъ, своею рукою, длинное письмо, которое мы съ большимъ трудомъ разобрали. Объясняя намъ старинное родство свое съ нашимъ дѣдомъ, графиня прислала намъ по пяти сотъ рублей, прося, чтобы мы сами купили что нибудь въ знакъ ея дружбы.

По приглашенію графини сестра моя отправилась къ ней зимою въ 1829 году, уже не въ Чечерскъ, откуда она выѣхала, но въ небольшую ея деревню Лещинку подъ Смолен-

скомъ. Графиня приняла ее чрезвычайно ласково, заплатила за дорогу, подарила намъ обѣимъ еще тысячу рублей, пеняла, что мы не старались прежде съ нею познакомиться.

— Гдѣ вы всѣ были, говорила она, что я ничего не слыхала ни о васъ, ни о вашей матери?—Теперь мнѣ уже нечѣмъ наградить васъ, и мнѣ этого жаль.

Но едва ли бы мы и прежде получили отъ нее что нибудь значительное; она часто благотворила, не тѣмъ, кто былъ ей любезенъ, а тѣмъ, которые умѣли выманивать у нее милости, на что все наше семейство совершенно было неспособно.—Послѣдніе годы жизни своей графиня сама во многомъ нуждалась; у нее даже не доставало серебряныхъ ложекъ, хотя она и получала значительные доходы;—какъ скоро присылали ей деньги, она тотчасъ раздавала ихъ, какъ будто по тайному какому обѣту не хотѣвъ ничѣмъ владѣть.—Извѣстно, что она отъ природы была крутаго нрава, и вѣроятно жалѣя объ этомъ смиряла себя въ старости. При сестрѣ моей пріѣхалъ къ ней въ деревню гость, котораго приняла она довольно сухо. На другой день сестра моя поѣхала на нѣсколько часовъ въ Смоленскъ. Когда она воротилась, графиня

стала ей горячо выговаривать, за чѣмъ она уѣзжала.

— «Ты ко мнѣ пріѣхала, сказала она, и сидѣла бы со мною. Мнѣ безъ тебя прислали семь тысячъ рублей; это было при моемъ гостѣ; онъ сталъ жаловаться что ему ѣсть нечего, и я всѣ деньги отдала ему.

— Видно Богу такъ угодно, отвѣчала сестра моя.

— Какъ бы то ни было, прибавила графиня, ты сама виновата, что тебѣ ничего не досталось.

Дня черезъ два привезли ей скатерть и салфетки простыя и толстыя. Она велѣла постлать ихъ за обѣдомъ, и только что отобѣдали, сама сдернула скатертъ и, завернувъ въ нее салфетки, подала сестрѣ моей, прося скорѣе взять ихъ себѣ, пока не перехватили другіе.

На слѣдующую зиму сестра моя была у графини въ Оршѣ, гдѣ она жила въ монастырѣ. Она опять ей очень обрадовалась, поставила возлѣ себя разрисованный мною чайный ларчикъ, и послала мнѣ еще шесть сотъ рублей, говоря, что она стара, отстала отъ свѣта, и вовсе не знаетъ чѣмъ подарить меня, кромѣ денегъ, на которыя я сама куплю что вздумаю.

Любя вспоминать о своемъ дядѣ, а нашемъ дѣдѣ, Е. В. Тишинѣ, графиня рассказывала, что онъ былъ человекъ умный и образованный, путешествовалъ за границую, и хотя это было тогда большою рѣдкостью, но онъ этимъ не тщеславился, и по прежнему остался набоженъ. Вмѣстѣ съ сестрою моею съѣхалось къ графинѣ въ Оршу нѣсколько благородныхъ семействъ. Она всѣхъ одѣлила деньгами, сколько у нее случилось, говоря, что всѣ собрались къ ней на похороны, и прощаясь со всѣми легла какъ умершая и заплѣла: «вѣчная память».

Образъ жизни графини Анны Родіоновны былъ самый необыкновенный. Она вовсе не пользовалась своимъ состояніемъ; днемъ спала, а гостей принимала поздно вечеромъ и просиживала съ ними до пяти и шести часовъ утра. Мнѣ было бы это очень тяжело: тѣмъ не менѣе жалѣю, что она скончалась въ самое то время, когда я собиралась ѣхать къ ней лѣтомъ. Она была живой памятникъ давно прошедшихъ временъ и мнѣ было бы очень лестно слушать современницу Императрицы Елисаветы Петровны, которую обыкновенно посѣщали всѣ Особы Царскаго дома, проѣзжавшія мимо Черческа.

Самое это мѣсто, откуда Французы, на него нападавшіе, бѣжали съ невольнымъ страхомъ, увидѣвъ графиню Чернышеву, сидящую между множества иконъ, предъ которыми горѣли свѣчи, казалось мнѣ особенно замѣчательнымъ, и я очень благодарна полковнику Падалкѣ, управляющему Чечерскомъ, что онъ все показалъ намъ, пригласивъ остановиться въ томъ домѣ, въ которомъ самъ живетъ. Въ немъ прежде былъ пансіонъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, уничтоженный за нѣсколько лѣтъ до кончины графини. Онъ обширенъ, но въ одинъ ярусъ, и очень напоминаетъ Монплезиръ въ Петергофѣ; въ невысокихъ комнатахъ темно отъ посаженныхъ, по старинному обычаю, вокругъ деревьевъ, которыя, разросшись, закрыли свѣтъ. Двери, притолки и рамы дубовыя.—Въ первой комнатѣ портретъ Елисаветы Петровны, отлично написанный; черты прекрасныя, но выраженіе ихъ совсѣмъ не то, къ которому привыкли мы, гораздо строже и сходнѣе съ портретами Петра Великаго. Она опирается на скипетръ, и предъ нею, на бархатной малиновой подушкѣ, три короны. Тутъ же портретъ, какъ сказывали мнѣ, какого-то Курляндскаго герцога, въ шляпѣ съ голубыми перьями; платье все обложе-

но золотыми кружевами.—Въ другой комнатѣ Петръ Великій представленъ съ боку, молодой и прекрасный. Павелъ Первый лѣтъ восьми: прелестное, выразительное личико.—Между многими другими портретами, особенно хорошо написаны, бывшаго владѣльца дома графа Чернышева, графа Орлова-Чесменскаго, и неизвѣстной молодой, пригожей женщины. У послѣдняго въ низу оторванъ лоскутокъ, однако я нашла имя живописца Толетти (Toletti). Можетъ быть онъ писалъ и Царскіе портреты. Они всѣ должны быть оригиналами: я подобныхъ нигдѣ не видала.—Портреты эти стояли въ построенномъ, къ пріѣзду Екатерины, деревянномъ дворцѣ, о великолѣпномъ убранствѣ котораго судить можно по вынесеннымъ также изъ него кресламъ. Они обиты богатѣйшимъ бѣлымъ штофомъ съ крупными цвѣтами, а дерево все жарко вызолочено.—Еще сохранился тканый шелковый экранъ. Въ срединѣ Екатерина, въ видѣ Минервы, подаетъ стоящему передъ нею на колѣнахъ воину Владимірскій крестъ. Надъ нею паритъ слава, а въ низу надпись:

«Resois de cette Amazone»

«Le noble prix de tes combats,

«C' est Vénus qui te le donne
«Sous la figure de Pallas.»

Работа рѣдкая, лица исполнены выраженія. Въ верху выткано Fecit Lasalle.

Мы ходили смотрѣть обветшалый дворецъ, въ которомъ давно обрушились потолки и полы. Это доставило намъ пріятную прогулку: то спускались мы въ овраги, то поднимались на крутизны; по рѣкѣ Сожѣ прелестные виды, и она, разливаясь, потопляетъ огромный лугъ, на которомъ одного господскаго сѣна косятъ до ста тысячъ пудовъ. Часть его идетъ на коровъ. Ихъ держатъ болѣе четырехъ сотъ дойныхъ, Холмогорскихъ. Масло продается на мѣстѣ; средняя цѣна двѣнадцать рублей пудъ. Крестьянъ въ Чечерскѣ слишкомъ шесть тысячъ, земли сто пятнадцать тысячъ десятинъ, по большой части лѣсу. — Какое раздолье! Какое изобиліе! Гдѣ, кромѣ Россіи, можно видѣть это, объ этомъ слышать?

Проходя стариннымъ садомъ, видѣли мы огромный, необыкновенный клень; по всему его пню, отъ самой земли растутъ молодья вѣтки, совершенно его закрывающія. Я сначала подумала, что это плющъ, и, увѣрившись въ противномъ, долго любовалась прекрасною, рѣдкою

игрою природы. Въ Чечерскѣ увидѣла я въ первый разъ, и неизвѣстное мнѣ, какъ и вообще Петербургскимъ жителямъ, Греческое, или какъ зовутъ здѣсь, Волошское орѣховое дерево. Листья его длинныя, и когда потрешь ихъ, пріятно пахнутъ свѣжими яблоками.

Чечерскъ былъ въ древности городомъ; въ 1168 году княжилъ въ немъ зять Великаго Князя Ростислава, Олегъ Святославичъ.—Графиня Анна Родіоновна не заботилась его украшать, и выѣхавъ изъ него, скончалась 1830 года, Юля 8, въ Смоленскѣ, гдѣ и погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Сергіевской церкви. Игуменья указала мнѣ гдѣ лежитъ она. Надъ нею нѣтъ никакого памятника, и чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ совсѣмъ забыть объ этомъ.—Я усердно о ней помолилась, помня, что она, никогда не выдавъ меня, ласкала по дальнему свойству, которое нѣкогда почитали долгомъ заботиться о всѣхъ, съ кѣмъ бывали когда нибудь родственныя связи.—Это, мало по малу, совершенно почти исчезло, со многими коренными, Русскими обычаями: надъ этимъ даже начинаютъ смѣяться. Однажды мальчикъ лѣтъ пятнадцати, у котораго жива была прабабка, спорилъ, что она ему вовсе не родня.

—Слѣдовательно, сказала ему умная, пожилая дама, если матушка ваша скончается прежде, вы уже не получите наслѣдства ея бабки, по словамъ вашимъ будучи ей совсѣмъ чужимъ.

— Родня, родня, закричалъ, перемѣнившись въ лицѣ, молодой эгоистъ, пренебрегавшій вообще родствомъ, но уже умѣвшій разсчитать, что можетъ быть ему прибыльно.—Чувства его рѣзко означаютъ вѣкъ нашъ, стремящійся подражать всему иностранному: рассказываютъ, что за границую и къ родному брату нельзя придти обѣдать безъ особаго приглашенія.—Не знаю, будетъ ли намъ полезно такое подраженіе, — но неоднократно видѣла, что кто дорожитъ родствомъ и дружбою, тотъ не остается подъ старость въ грустномъ одиночествѣ, какъ бы ни были тѣсны его обстоятельства.

Мы не могли изъ Чечерска поспѣть къ ночи въ Черниговъ, пробывъ довольно долго въ Гомелѣ.—Мѣстечко это также на берегу живописной Сожи, и особенно замѣчательно тѣмъ, что имъ попеременно владѣли, не по родству и наслѣдству, а, какъ будто по какому-то особенному назначенію, два знаменитые полководца. Прежде принадлежало оно фельдмаршалу графу Румянцову Задунайскому, теперь принадле-

жить фельдмаршалу графу Эриванскому, князю Варшавскому.—Отъ времени побѣдителя Турковъ остался каменный домъ, который распространяетъ и украшаетъ побѣдитель Турковъ, Персіянь и Поляковъ. Въ залѣ, съ раззолоченнымъ куполомъ, двѣ огромныя вазы, присланныя Государемъ Императоромъ, съ надписями на бронзовыхъ доскахъ, когда, кѣмъ, и кому пожалованы. Залу эту очень украшаютъ со всѣхъ четырехъ сторонъ хоры съ колоннами. Столовая обита на старинный манеръ, кожаными съ золотомъ обоями въ богатѣйшихъ рамахъ; широкія панели орѣховаго дерева также съ позолотою.—Картины почти всѣ списаны въ Эрмитажѣ. Изъ новыхъ заслуживаютъ вниманіе: пейзажъ Никанора Чернецова, морская картина Круговихина, и нападеніе въ развалинахъ разбойниковъ, не знаю чьей работы: на послѣднее страшно глядѣть. Еще хороши двѣ акварели изъ Парижа 1843 года, и нѣсколько искусныхъ копій со старинныхъ, съ золотомъ и безъ золота, картинокъ Ванъ-Эйха и другихъ, представляющихъ Матерь Божію и Святыхъ. Онѣ напоминаютъ хорошую живопись Греческую и особенно отличаются старательною отдѣлкою.

Комнаты еще не были при насъ убраны, но

я описываю что видѣла, несомнѣваясь, что многимъ будетъ пріятно имѣть понятіе о мѣстѣ отдыха двухъ славныхъ вождей.—По обѣимъ сторонамъ дома, неслишкомъ большаго, галереи саженъ въ десять. Онѣ оканчиваются домиками, изъ которыхъ при одномъ строится башня въ нѣсколько ярусовъ. Кругомъ, на берегу рѣки, и по пригоркамъ, разводятъ садъ и копаютъ широкій каналъ. Нѣкоторыя мѣста уже устланы дерномъ и усажены цвѣтами: особенно много различныхъ розъ, алыхъ, малиновыхъ, бѣлыхъ, пунцовыхъ, желтыхъ.

Въ Гомелѣ, какъ извѣстно, корпусная квартира, и когда стоятъ войска, должно быть очень живо, но они на лѣто уходятъ, и мы видѣли только Жидовъ.—Жалкій народъ! Мы вѣримъ, что Иисусъ былъ обѣщанный Богомъ Мессія: они ждуть Мессію. Вотъ вся разница въ нашемъ вѣрованіи, и эта разница, которой безразсудство доказывается пламенною вѣрою во Христа многихъ окрестившихся ученыхъ Евреевъ, уничтожая природныя дарованія народа, среди котораго явился Искушитель міра, обратило его въ толпу жадныхъ, подлыхъ корыстолюбцевъ, боготворящихъ не Іегову, а одно только золото.

Бѣлорусскіе Жиды, почти всѣ безъ исключенія, отвратительны своею неопрятностію, и между ними много нищихъ. Одинъ подошелъ къ намъ просить милостыню.—Попроси Христа ради, сказала я ему.—Пожалуй, отвѣчалъ онъ, дайте пѣлковый.

Отъ Гомеля до Бѣлицы шесть верстъ, и онъ во всю дорогу видѣнъ, разнообразно представляясь какъ прекрасный городъ. Греческая церковь въ немъ гораздо величественнѣе Латинской, что въ здѣшнихъ краяхъ рѣдко бываетъ.

Дорога очень дурна, разливы Сожи почти вездѣ снесли мосты. Мы нѣсколько времени шли пѣшкомъ и, встрѣтивъ толпу женщинъ, спросили, куда онѣ идутъ? — Онѣ отвѣчали, что въ Гомель, гдѣ на другой день праздникъ въ Латинской церкви, и прибавили, что онѣ дворянки. Мы засмѣялись. Эти дворянки шли босья, въ подоткнутыхъ до колѣнъ затрапезныхъ, и выбойчатыхъ юбкахъ, и если бы онѣ не прокричали, что онѣ дворянки, никто бы этого не угадалъ.

Бѣлица хуже деревни: по улицамъ непроходимый песокъ, вмѣсто домовъ бѣдныя избы; даже нѣтъ церкви, была одна деревянная и сгорѣла.

Насъ подвезли къ большому, совершенно пустому дому; только въ задней комнатѣ нашли мы нѣсколько стульевъ. Но, къ удивленію нашему, намъ очень скоро подали вкусный супъ съ цѣлою курицею. Правда, за одно это блюдо заплатили мы полтину серебромъ, почти не дешевле Петербургскаго, гдѣ курицы въ четверо дороже; но мы на это не жаловались; напротивъ того мы были очень благодарны молодой, услужливой хозяйкѣ, вспоминая, какъ не однажды ни за какія деньги не могли найти, чѣмъ бы безъ отвращенія утолить голодъ.

VIII.

ДОБРЯНКА, ГОРОДНЯ, НИЗМЕННАЯ.

Юня 13.

Выѣхавъ изъ Могилевской губерніи въ Черниговскую, увидѣли мы красивую деревню Добрянку, въ которой издревле поселились бѣжавшіе изъ Россіи раскольники. Они торгуютъ скотомъ и хлѣбомъ и многіе обогатились. Деревня эта отличается отъ прочихъ: она только

одна въ здѣшнемъ краю построена по Русски.

Во время нашего путешествія не разъ случилось намъ встрѣчать раскольниковъ. Одинъ изъ нихъ, разговорясь со мною, сталъ выхвалять свою вѣру, называя ее старою, первобытною, а нашу новою.—Я ему отвѣчала, что не они, а мы старовѣры, что конечно, не самъ онъ, но отцы его отступили отъ истинной вѣры, выдумали свою, и имъ передали.

Слова мои изумили его. — У насъ есть попы, сказалъ онъ.

— Какіе у васъ попы? бѣглые! Священникъ посвящается не иначе, какъ съ опредѣленіемъ на извѣстное мѣсто, тамъ онъ и долженъ жить, заботясь не о прибыляхъ.

—А о спасеніи душевномъ, перервалъ раскольникъ.

—Конечно. Если онъ и вздумаетъ перемѣститься, онъ на это испрашиваетъ позволеніе начальства. Если же онъ уйдетъ самовольно отыскивать выгоднѣе мѣсто, онъ бѣглый, не пастырь, а наемникъ.

Я къ этому прибавила нѣсколько словъ изъ Священнаго писанія, которыя кстати вспомнила, зная, что старовѣры очень это любятъ. Я

говорила ласково, улыбаясь, и мой раскольникъ, самъ заставивъ меня продолжать разговоръ, прощаясь со мною, поблагодарилъ за добрыя рѣчи.

Конечно, не всѣ раскольники терпѣливо станутъ слушать опроверженіе ихъ мнѣній, но мнѣ кажется, по многому, что я слышала и сама замѣчала, что расколы распространились у насъ отъ того болѣе, что священники, исполняя требы, не всегда заботились разсуждать съ крестьянами о вѣрѣ Христіанской и ея обязанностяхъ, поучая ихъ примѣрами изъ житія Святыхъ. Между тѣмъ раскольники, все перетолковавъ по своему, поражаютъ воображеніе пылкаго нашего народа, съ восторгомъ разсказывая о строгой жизни отшельниковъ и чудесахъ, творимыхъ всѣми, кто слѣпо повинуется проповѣдникамъ слова Божія.—Ревностно стараясь распространять вѣру свою, Латины ежегодно печатаютъ много книжекъ съ картинками, привлекающими читателей гораздо болѣе ихъ содержанія, и они разослали по всему міру до двадцати милліоновъ бронзовыхъ медалей въ честь Богородицы.—У насъ слишкомъ съ высока на это смотрятъ: иногда одно слово совершенно измѣняетъ чувства, и самое простое, но справедливое разсужденіе, побѣждаетъ упрям-

ство мнимаго мудреца.—Покойныхъ родителей моихъ лечилъ докторъ Граве, Голландецъ. Часто посѣщая ихъ, онъ имъ рассказывалъ много любопытнаго о своей родинѣ, между прочимъ, что тамъ одинъ богатый человѣкъ, начитавшись Вольтера, Дидерота и прочихъ такъ называемыхъ Французскихъ философовъ XVIII вѣка, хвасталъ всѣмъ, что онъ не вѣритъ ни будущей жизни, ни существованію Божію.—Услышавъ, что онъ отчаянно болѣнъ, знакомые и незнакомые собрались къ нему, чтобы узнать то ли онъ говоритъ на смертномъ одрѣ, что говорилъ здоровый. Остановясь у крыльца, прохожій крестьянинъ спросилъ, что тутъ за съѣздъ? — Ему отвѣчали, что атеистъ умираетъ. — Это слово вовсе было неизвѣстно доброму мужику, который и между своей братьей слылъ почти дуракомъ. Онъ вообразилъ, что атеистъ какой нибудь рѣдкій звѣрь, и пошелъ за другими въ комнаты, куда всѣхъ пускали по приказанію хозяина. Послѣднему очень было лестно многолюдство посѣтителей, и онъ надѣялся, по несчастному его ослѣпленію, что умирая тѣломъ и душою, оставитъ по себѣ память умнаго и просвѣщеннаго мужа, научившаго

своихъ согражданъ, что безразсудно жертвовать настоящимъ благомъ мнимому блаженству вѣчному, котораго невозможность старался онъ доказать. Между тѣмъ крестьянинъ, которому съ трудомъ растолковали, что атеистами зовутъ людей, отвергающихъ бытіе Божіе, посмотрѣвъ на умирающаго, оборотился къ собравшейся толпѣ:

— Есть тутъ чего слушать, сказалъ онъ! Коли впрямъ нѣтъ Бога, такъ некому будетъ и взыскать съ насъ, что ему молились. А какъ Богъ-то есть, и вдругъ его увидишь, не хотѣвъ ему молиться самъ, и другихъ тому же учивъ,—тогда-то что отъ него будетъ?

Умирающій вздрогнулъ, страшная вѣчность блеснула передъ нимъ. — Виноватъ! вскричалъ онъ, виноватъ! Живъ Богъ, жива душа моя!—и послалъ за пасторомъ.

Юня 14.

Въ Городнѣ, гдѣ ночевали мы, три церкви и хорошенькіе домики. На станціи, какъ и вообще по Черниговской губерніи, чистыя, спойныя комнаты, со всею нужною мебелью.

Здѣсь въ первый разъ купили намъ землянику, но еще не совсѣмъ зрѣлую: весна была такая же холодная, какъ и въ Петербургѣ, и лѣто запаздало.

Мы доселѣ едва чувствовали перемѣну въ климатѣ; за Городнею стало замѣтно, что приближаемся къ югу; воздухъ гораздо пріятнѣе, деревья и травы гуще и рослѣе. Селенія также красивѣе; вмѣсто долгихъ, однообразныхъ улицъ, живописно разметаны, между плодovitыми садами, маленькія хижины, обмазанныя бѣлою глиною. У многихъ голубятни. Чистые, открытые дворы, огороды, даже мостики обнесены плетнемъ, который мнѣ показался гораздо прочнѣе нашихъ изгородь, и у заботливыхъ хозяевъ наряжаетъ постройку.—Народъ здѣсь высокій, и мужчины и женщины говорятъ своимъ нарѣчіемъ; мы ихъ худо понимаемъ, а они насъ.

Чѣмъ далѣе ѣдемъ, тѣмъ все дешевле. Въ Городнѣ фунтъ хлѣба ржаного три копейки асигнаціями, а на станціи Низменной, за тридцать три версты, уже только двѣ копейки. Лучшая говядина двѣнадцать копѣекъ фунтъ, лучшей медь тридцать пять копѣекъ.

Отъ Низменной къ Чернигову дорога песчаная, но на поляхъ чудесная рожь, и ближе къ городу дубовый лѣсъ.— Женщины одѣты очень чисто: проѣзжая, видѣли трехъ прачекъ на озеркѣ, подъ густыми ивами, въ бѣлыхъ шушунахъ и красныхъ юбкахъ, повязанныхъ бѣлыми платками—стоило бы нарисовать.

IX.

ЧЕРНИГОВЪ, СОБОРЫ, МОНАСТЫРИ, САДЪ.—
КОЗЕЛЕЦЪ.

Юля 15.

Черниговъ показывается за десять верстъ, и церкви, краса нашихъ городовъ, представляютъ его издалека достойною столицею древняго княжества. Но, кромѣ церквей, въ немъ нѣтъ замѣчательныхъ зданій. Подъѣзжая къ нему, я вспоминала о святомъ его Князѣ Михаилѣ, за

преданность его Христіанству замученномъ Батьемъ въ 1246 году.—Много испытавъ превратностей, которыя отчасти самъ навлекъ на себя, Михаилъ хотѣлъ вознаградить прежнія ошибки стараніемъ освободить отечество отъ позорнаго и бѣдственнаго Татарскаго ига, и самъ ѣздилъ убѣждать Венгерскаго Короля Бѣлу IV, тестя старшаго сына его Ростислава, вмѣстѣ съ нимъ ополчиться на враговъ, которые, опустошивъ Россію, грозили гибелью всей Европѣ. Ему не удалось это, и онъ, воротясь въ Черниговъ, принужденъ былъ отправиться къ Батью, откуда уже привезли только его тѣло, съ тѣломъ пострадавшаго съ нимъ вѣрнаго боярина Феодора. Они были погребены въ Черниговѣ, гдѣ и лежали до 1578 года. Царь Іоаннъ Васильевичъ перенесъ ихъ въ Москву, въ построенную на имя ихъ церковь въ Кремлѣ, на Тайницкихъ воротахъ, но съ 1774 года покоятся они въ Архангельскомъ Соборѣ, гдѣ Екатерина II соорудила имъ серебряную гробницу.— Жаль, что не остались въ Черниговѣ святыя останки его прежняго владѣтеля. Это было бы отраднo для жителей и проѣзжихъ: не такъ бы грустно было видѣть въ заустѣннн одинъ изъ древнѣйшихъ Русскихъ городовъ, гдѣ по сказа-

нію Нестора уже въ IX вѣкѣ были свои Князья. Можетъ быть тогда и не было бы такого запустѣнія;—сколько дикихъ пустынь населилось у насъ для ближайшаго поклоненія прославленнымъ угодникамъ.

Приѣхавъ рано утромъ, остановились мы въ гостинницѣ, которую содержитъ Ярославскій купецъ. Мы нашли въ ней двѣ небольшія, и ненарядныя, но спокойныя комнаты, и намъ тотчасъ подали прекрасный кофе, въ прекрасныхъ чашкахъ. Такого кофе еще не пивали мы по станціямъ.—Мѣстоположеніе Чернигова прекрасное, на рѣкѣ Деснѣ, впадающей въ Днѣпръ: нельзя не подивиться его бѣдности, въ краю изобильномъ всѣми потребностями жизни и на берегу судоходной рѣки.—При въѣздѣ, на доскѣ написано, что жителей восемь тысячъ двѣсти сорокъ, но по обширности города кажется онъ гораздо еще малолюднѣе, и небольшое число каменныхъ домовъ теряется между низкими хижинами и густыми садами. По улицамъ глубокій песокъ; осенью и весною спасаетъ онъ отъ грязи, но лѣтомъ, при малѣйшемъ вѣтрѣ и отъ лошадей засыпаетъ пылью. Невозможно этому пособить; ближе двухъ сотъ пятидесяти верстъ нѣтъ камня, и сажень его, съ до-

ставкою, стоила бы рублей восемьдесятъ серебромъ.

Неоднажды опустошаемый, Татарами и Русскими Князьями, Черниговъ былъ долго и подъ властью Литвы и Польши, но отъ этого не осталось слѣдовъ, и теперь въ губерніи слишкомъ тысяча церквей Православныхъ и только одна Латинская.—Спасо-Преображенскій Черниговскій соборъ основанъ въ первой половинѣ XI вѣка, храбрымъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, прозваннымъ Удалымъ. Въ нашествіе Батяя, когда, послѣ славнаго, но безуспѣшнаго сопротивленія, взятъ былъ и разоренъ Черниговъ, пострадалъ и соборъ, и нѣсколько вѣковъ стоялъ опустѣлымъ. Твердость широкихъ стѣнъ спасла его отъ разрушенія, и онъ совершенно обновленъ былъ княземъ Потемкинымъ по повелѣнію Екатерины II; но къ сожалѣнію въ немъ сдѣланы перемѣны, измѣнившія древній видъ его, что тотчасъ примѣтно, тѣмъ болѣе, что онъ снаружи и внутри очень напоминаетъ Новгородскій Софійскій соборъ, хотя и не такъ обширенъ. Еще недавно у насъ стремились всюду въ старинныхъ зданіяхъ увеличивать окна и пробивать стѣны, вовсе не заботясь сохранять ихъ въ цѣлости.

Въ Черниговскомъ Преображенскомъ соборѣ необычайно высоки царскія двери, и, чего не случалось мнѣ еще видѣть, съ семью иконами. Между ними Тайная Вечеря, мѣдный змѣй на крестѣ, и китъ, извергающій пророка Иону, преобразуютъ страданіе, распятіе и воскресеніе Христово. — Теплый соборъ, при Полякахъ принадлежавшій Доминиканцамъ, былъ потомъ Православнымъ монастыремъ Бориса и Глѣба, отъ котораго остались дорогіе оклады на образахъ. На одномъ, у Богородицы ручки, а у Спасителя ножки выпуклыя, походятъ на живыя. Царскія двери серебряныя, отличной работы, по приказанію гетмана Мазепы сдѣланы изъ двухъ идиоловъ, найденныхъ при копаніи рововъ для основанія нынѣшней колокольни въ 1701 году. Гербъ Мазепы, помѣщенный внизу, не позволяетъ сомнѣваться, что онъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. — Отъ крѣпости, внутри которой построень былъ соборъ, уцѣлѣлъ только валъ съ небольшимъ каменнымъ зданіемъ, которое долго почитали Княжескимъ теремомъ, но по его архитектурѣ и кладкѣ кирпичей думаютъ теперь, что оно не далѣе времени Уніатства. Еще лежитъ нѣсколько пушекъ, на которыхъ не показаны годы.

Видъ съ валу прекраснѣйшій; подъ горою, въ лощинѣ, домики и сады какъ будто плаваютъ по широко разлившейся Деснѣ, у которой здѣсь очень низкіе берега, отъ чего она нерѣдко затопляетъ окрестности. — Съ разныхъ сторонъ, среди густой зелени, живописно возвышаются, одни надъ другими, соборы, монастыри и церкви. Изъ послѣднихъ замѣчательны: великомученицы Екатерины, о пяти главахъ, гдѣ надъ дверьми и сверхъ оконъ еще другія окна, крестообразныя, что очень прилично для церкви, хотя бы и всю ее такъ освѣтить, и Пятницкая, съ низенькою колокольнею и высокимъ фронтономъ необыкновенной архитектуры.

Недалеко отъ города древній монастырь Троицкій, основанный въ XI вѣкѣ Святославомъ Ярославичемъ, докончившемъ и соборъ Спасо-Преображенскій. Мы туда ѣздили чрезъ Белдинскія горы, гдѣ жилъ преподобный Антоній Печерскій, во время изгнанія его, по злымъ навітамъ, изъ Кіева. Выкопанная тогда имъ пещера еще существуетъ, но въ нее уже не входятъ, опасаясь, чтобы вдругъ не обрушилась. Огромная церковь Святыя Троицы построена Мазепою. Въ ней поклоняются иконѣ Божіей Матери, написанной въ 1658 году монахомъ

Геннадіємъ: чудотворная сила ея открылась, когда Татары, въ 1662 году, упорно осаждали Черниговъ и не могли его взять. Превосходной рѣзбы иконостасъ весь вызолоченъ, и кругомъ иконъ богатыя серебряныя украшенія. Тутъ же хранится ручка Святаго Онуфрія въ серебряномъ ящикѣ съ крышкою, въ поларшина длиною, полученномъ отъ Мазепы, который въ немъ держалъ свою чернилицу.—Колокольня со множествомъ столбовъ, окрашенная бѣлою и красною краскою, напоминаетъ Латинскіе алтари въ Оршѣ. По недостатку денегъ, или по чему другому, убавленъ по плану цѣлый ярусъ, и это много отнимаетъ красы.

Въ ризницѣ, при теплой церкви, со сводами и столбами, много любопытныхъ вещей. Огромныя Евангелія Царей Іоанна и Петра, богато украшенныя золотомъ, серебромъ и финифтью, своею тяжестью подтверждаютъ мнѣніе, что прежде люди были гораздо сильнѣе и выше ростомъ. Старинные сосуды, кресты и панатія, чрезвычайно красивые, срисованы искуснымъ живописцемъ Солнцевымъ. Собранныя въ разныхъ частяхъ Россіи рисунки его должны быть очень любопытны, но у насъ мало охотниковъ, не только пріобрѣтать, даже и смотрѣть подоб-

ныя вещи. Братья Чернецовы, посѣтившіе Іерусалимъ и его окрестности, воротясь оттуда, начали издавать снятыя ими виды, и должны были отъ этого отказаться, не имѣя вознагражденія за труды свои и издержки: никто почти не покупалъ прекрасныхъ литографій ихъ: немногіе объ нихъ слышали: и слышавшіе тотчасъ объ этомъ забывали.—Съ наслажденіемъ замѣчая все хорошее у насъ, я должна, чтобы вѣрили похвалямъ моимъ, сколько возможно судить безпристрастно, не скрывая и недостатковъ. Всѣ согласятся, что у насъ, вообще, охотнѣе сядутся играть въ преферансъ, или отправляются на биржу кушать устрицы, чѣмъ покупаютъ Русскую книгу, или работу Русскихъ художниковъ, хотя бы онѣ были и дешевле устрицъ и картъ, коли не прославлены онѣ журналами.—Грустно мнѣ было видѣть большое собраніе превосходныхъ рисунковъ Чернецовыхъ оставленное безъ вниманія согражданами. Можетъ быть они принуждены будутъ продать его за границу, и тогда Англичанамъ или Французамъ будутъ охотно платить у насъ по пяти рублей серебромъ за тетрадь, которую сами Чернецовы предлагали за два рубля.

Между многими золотыми вещами, съ дорогими камнями, замѣтила я въ Троицкомъ монастырѣ рѣзній, чернаго дерева, или почернѣвшій отъ времени, крестъ въ серебрѣ. Въ ризницѣ становилось темно; я попросила вынести крестъ этотъ на улицу, но и тамъ не могла уже хорошо рассмотретьъ чрезвычайно мелкую рѣзбу, которая казалась мнѣ высокой и рѣдкой работы.

Къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ почти всюду у насъ, ничего не знали о происхожденіи хранящихся вещей. Видишь ихъ, любишься ими, и болѣе ничего.—Если бы все подробно было о нихъ извѣстно, какая бы могла выйдти занимательная и поучительная повѣсть! Ожили бы давно забытые люди, предстали бы они на судъ потомковъ, рассказать намъ, что ихъ заставило жертвовать своими сокровищами: одно ли только стремленіе принести Богу лучшее отъ избытка своего, или горячая благодарность за милость, или надежда отвратить праведный гнѣвъ.

На слѣдующее утро, отслушавъ обѣдню въ мужескомъ Елецкомъ монастырѣ, въ небольшой, низкой церкви, потому что соборъ обновляли, видѣли мы въ комнатахъ у ректора порт-

ретъ архіепископа Лазаря Барановича, бывшаго въ числѣ судей патриарха Никона, но его защитника. Не смотря на грубость кисти, лице исполнено привлекательности.—Мы заходили и въ садъ монастырскій, по скату горы. Если бы хорошо отдѣлать его, было бы жилище райское; виды прелестныя, и здѣсь ничего не стоитъ разводить деревья и цвѣты.—Я сказала ректору, что покойная сестра моя, игуменья, раздавала въ своемъ саду маленькіе участки монастыркамъ въ награду за прилежаніе, и онѣ, одна предъ другою, старались хорошо содержать ихъ. Кажется, это пригодилося бы и въ семинаріяхъ: такое занятіе, будучи отдыхомъ, могло бы дѣйствовать на всю жизнь юношей, развивая въ нихъ любовь къ природѣ, что, возвышая умъ и сердце, спасаетъ отъ низкихъ и вредныхъ забавъ. Особенно сельскимъ священникамъ и причту было бы это полезно. Заботясь о горшкѣ съ цвѣтами, они бы пріучались содержать чисто домъ свой, и это, съ перваго взгляду показывая вкусъ ихъ и образованіе, заставляло бы болѣе уважать ихъ, и отъ такого простаго начала произошло бы много пользы вещественной и духовной.—Въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ сестры по большей части живутъ однимъ своимъ руко-

дѣльемъ, онѣ успѣваютъ сами обрабатывать по нѣскольку грядъ съ овощами, и въ ихъ тѣсныхъ кельяхъ часто поютъ канарейки и цвѣтутъ жасмины и розы. Чистота и попеченіе наряжаютъ самый бѣдный уголъ, и привыкнувъ къ этому уже невозможно допустить въ храмѣ Божиѣмъ пылъ и паутину, которыя, больно выговорить, иногда безобразятъ у насъ даже святыя иконы.

Общественный садъ въ Черниговѣ принадлежалъ Архіерейскому дому и имъ уступленъ городу. Онъ очень обширенъ и хорошо содержится. Мы въ немъ видѣли деревья, неизвѣстныя на сѣверѣ, бѣлыя акаціи, на которыхъ еще оставалось нѣсколько душистыхъ цвѣтовъ, и берестъ, похожій листомъ на ольху, но гораздо ея жеще, такъ что почти царапаетъ: онъ очень хорошъ для столярной работы. Особенно замѣчательно въ этомъ саду огромное грушевое дерево, подъ которымъ, въ самый сильный жаръ, нѣсколько человѣкъ могутъ отдыхать въ тѣни. — Близко отъ саду сиротскій домъ, гдѣ, на двухъ особыхъ половинахъ, воспитываются мальчики и дѣвочки; первыхъ готовятъ ко вступленію въ учебныя заведенія, а послѣднихъ содержатъ себя трудами. Кажется, вполне достигаютъ цѣли

этой, приучая дѣтей къ умѣренности и прилежанію. — Нельзя сомнѣваться и въ хорошемъ состояніи учебныхъ заведеній, видѣвъ сыновей начальника губерніи, которые учатся въ здѣшней гимназіи.

Домъ дворянскаго собранія деревянный и невеликокопный. Едва ли должно жалѣть объ этомъ. Нигдѣ, слышала я, нѣтъ такихъ веселыхъ баловъ, какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, потому что тамъ и комнаты просто убраны, и всѣ просто одѣваясь не боятся разстроить свое состояніе, часто собираясь между собою танцовать.

Здѣсь живетъ съ дочерью, супругою гражданскаго губернатора П. И. Гессе, Е. А. Дорохова, вдова извѣстнаго, храбраго генерала. Я ихъ видала обѣихъ при Дворѣ и у покойной камеръ-фрейлины графини Анны Степановны Протасовой. Мы возобновили знакомство и все время были неразлучны.

Анна Степановна была любимцею Императрицы Екатерины, которую сопровождала во всѣхъ Ея путешествіяхъ. Императоръ Александръ пожаловалъ ее графинею со всѣми ея племянницами, дочерьми роднаго ея брата, и она до кончины ея, въ 1826 году, жила въ Зимнемъ

Дворецъ подъ Эрмитажемъ, гдѣ собиралось у нее небольшое избранное общество родныхъ ея и старыхъ знакомыхъ. Лишившись въ старости зрѣнія, она продолжала иногда являться на придворныхъ собраніяхъ, не заботясь, что объ этомъ скажутъ, стремясь только насладиться присутствіемъ Августѣйшихъ своихъ благотворителей: это было потребностью для души ея, чувствомъ истинно Русскимъ, и вѣрно тѣ, кому могло, въ молодости ихъ, казаться странно присутствіе слѣпой старушки среди блестящаго, веселаго общества, сами устарѣвъ, поняли ея чувства и съ уваженіемъ вспоминаютъ о ней.

Мы съ большимъ удовольствіемъ провели время въ Черниговѣ, и охотно остались бы въ немъ долѣе, но до Кіева оставалось съ небольшимъ полтора ста верстъ, и мы, стремясь туда, на другой день нашего приѣзда отправились подъ вечеръ ночевать въ Козелецъ, за семьдесятъ пять верстъ.

По совѣту занимающагося розыскомъ всего примѣчательнаго въ Черниговской губерніи, М. С. Любарскаго, котораго познакомилъ съ нами почтенный губернаторъ, заходили мы въ Козелецкій соборъ, построенный иждивеніемъ гетманши Натальи Демьяновны Разумовской,

по плану знаменитаго графа Растрелли.—Очень благодарна за добрый совѣтъ этотъ, безъ котораго я бы вообразить не могла, какое дивное произведеніе искусства украшаетъ городокъ, имя котораго едва ли всѣмъ извѣстно въ столицахъ, хотя, до открытія Кіевского намѣстничества, Козелецъ былъ главнымъ мѣстомъ Кіевского полка, и въ немъ находились сотенное правленіе и полковая канцелярія. Печать послѣдней очень хорошо была придумана. Она изображала Кіевскія горы, на которыхъ Святый Апостолъ Андрей Первозванный ставитъ крестъ, и надъ нимъ благословляющая рука.

Кто только можетъ отличить совершенство отъ безобразія, сочтетъ наслажденіемъ побывать въ Козелецкомъ соборѣ. Онъ одинакой архитектуры съ соборомъ въ Сергіевской пустынѣ, подъ Петербургомъ, только гораздо обширнѣе. Превосходный планъ очень хорошо выполненъ. Около столбовъ, оконъ и дверей мѣльная работа, Ангельскія головки и цвѣты, все бѣлое, изящной работы. Въ главномъ храмѣ, во имя Рождества Богородицы, мѣстные образа, Спасителя и Божіей Матери, списаны съ мѣстныхъ же въ Зимнемъ дворцѣ, въ большой церкви. Иконостасъ подъ синій мраморъ съ

золотыми жилами, колонны обвиты жарко раззолоченными гирляндами. Надъ престоломъ такого же роду сѣнь. Все это огромно, величественно, богато; видно, что не жалѣли ни денегъ, ни попеченій. Полъ чугунный.—По обѣимъ сторонамъ придѣлы Петра и Павла, и Захарія и Елисаветы. Церковь эта, заложенная въ 1752 году, не знаю когда окончена. Вызолоченныя мѣдныя царскія двери сдѣланы прихожанами въ 1815 году: работа очень хороша. Внизу еще церковь Адриана и Наталии. Мы ее не видали; священникъ сказалъ, что въ ней очень сыро и нѣтъ ничего замѣчательнаго. Высокое церковное крыльцо обветшало, и едва ли скоро возобновятъ его: въ такомъ небольшомъ городкѣ трудно поддерживать и соборъ. Жаль очень, что строительница его не вздумала оставить хотя небольшую сумму денегъ, проценты которой, накапливаясь, обеспечили бы навсегда сохраненіе памятника ея набожности, щедрости и вкуса.

Ж.

КІЕВЪ, ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА, СОБОРЪ УСПЕНІЯ
БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ПЕЩЕРЫ, РИЗНИЦА.

Юля 16.

Кіевъ! Предо мною Кіевъ! — Неужели это точно лавра Печерская, куда со всѣхъ концовъ Россіи стекаются богатые и бѣдные, сильные и немощные? Лавра, надъ которою пронеслись вѣка со всѣми ихъ страстями, бѣдствіями и непостоянствомъ, и не поколебали въ ней Право-

славія? Лавра, тонувшая въ крови, опустошенная Татарами; въ которой поработившіе ее Поляки силились водворить поклоненіе Римскому Папѣ?—О многострадальная, Святая лавра, Иерусалимъ Россійскій, давно стремилась я къ тебѣ, и долго напрасно льстясь этого достигнуть, отчаялась насладиться такою радостью!—И вот ты предо мною! Не въ смутномъ снѣ ты мнѣ явилась, я слышу звонъ твоихъ колоколовъ, вижу какъ блещетъ солнце на золотыхъ твоихъ главахъ! Одинъ Днѣпръ разлучаетъ меня съ тобою! — Чувства мои сильно взволнованы! Я въ неизяснимомъ упоеніи души и тѣла; невыразимъ восторгъ, съ которымъ смотрю около себя, слушаю, какъ все толкуютъ о пріѣздѣ въ Кіевъ!—И я увижу древній Кіевъ, гдѣ княжилъ Владиміръ равноапостольный, гдѣ онъ воздвигъ первую въ Россіи церковь Христіанскую, гдѣ вѣра Евангельская сохранилась во всей ея святости, безъпримѣси мудрованій человѣческихъ!

Весь живописный берегъ Кіевскій разстилается предъ нами. Вотъ, говорятъ намъ, Спасъ! Вотъ Воскресеніе! Вотъ Андрей первозванный! Вотъ и Подоль! Смотрите, сколько и тамъ храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей!—Я смотрю на все это какъ на видѣніе райское!

славія? Лавра, тонувшая въ крови, опустошен-
ная Татарами: въ которой порабитившіе ее По-
ляки силились водворить поклоненіе Римскому
Царю? — О многострадальная, Святая лавра, Іе-
русалимъ Россійскій, давно стремилась я къ те-
бѣ, и долго напрасно льстюсь этого достигнуть,
отчаялась насладиться такою радостью! — И вотъ
ты предо мною! Не въ смутномъ снѣ ты мнѣ
явилась, я слышу звонъ твоихъ колоколовъ,
вижу какъ блещетъ солнце на золотыхъ твоихъ
главахъ! Одинъ Днѣпръ разлучаетъ меня съ
тобою! — Чувства мои сильно взволнованы!
Я въ неизъяснимомъ упоеніи души и тѣла; не-
выразимъ восторгъ, съ которымъ смотрю око-
ло себя, слушаю, какъ все толкуютъ о приѣздѣ
въ Кіевъ! — И я увижу древній Кіевъ, гдѣ кня-
жилъ Владиміръ равноапостольный, гдѣ онъ воз-
двигъ первую въ Россіи церковь Христіанскую,
гдѣ вѣра Евангельская сохранилась во всей ея свя-
тости, безъпримѣси мудрованій человѣческихъ!

Весь живописный берегъ Кіевскій разсти-
ляется предъ нами. Вотъ, говорятъ намъ,
Спасъ! Вотъ Воскресеніе! Вотъ Андрей перво-
званный! Вотъ и Подоль! Сядите, сколько и
тамъ храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей! — Я
смотрю на все это какъ на видѣніе райское!

Никогда глаза мои не бывали такъ свѣтлы; никогда слухъ мой не бывалъ такъ тонокъ; никогда мнѣ не бывало такъ легко и ходить и стоять и говорить! Я вспоминаю слова Спасителя, «что имущій вѣру гору сдвинетъ съ мѣста,» вспоминаю дивные подвиги святыхъ Кіевскихъ угодниковъ, и горько жалѣю о тѣхъ, которые о всемъ судятъ по немощамъ человѣческимъ, все мѣряя своими тусклыми взорами, тому только вѣря, что сами могутъ соорудить. Имъ непостижимъ восторгъ души, они не наслаждаются никогда святыми ея радостями!—«Мы «же проповѣдуемъ Христа распятаго,» говоритъ Апостоль Павелъ, «Иудеямъ убо соблазнъ, Еллинамъ же безуміе» (а). Сколько и нынѣ Иудеевъ и Еллиновъ. Да вразумитъ ихъ Господь Богъ! Да отверзетъ онъ имъ слухъ и очи! Да не скажетъ онъ ни о комъ на страшномъ судѣ своемъ: «Очи имѣли и не видѣли, «уши имѣли и не слышали» (б).

Такъ чувствовала я и размышляла, увидя предъ собою Кіевъ и его древнія святыни. Я не выпускала изъ рукъ карандаша, и, какъ обыкновенно, тотчасъ записывала, что видѣла, и

(а) Первое посланіе къ Коринѳяномъ.

(б) Святое Евангеліе отъ Марка.

что мнѣ внушало дивное зрѣлище: чрезъ часть, чрезъ нѣсколько минутъ было бы совсѣмъ не то. Душа моя была на небесахъ; это не могло продлиться, ее тянуло на землю бренное тѣло. Какъ молнія среди бурной ночи, блеснувъ передъ путникомъ, спасаетъ его отъ опасностей, такъ, по благодати Провидѣнія, бываютъ минуты, въ которыя мы можемъ постигать радости праведниковъ, обѣщанныя не въ здѣшнемъ, а въ будущемъ мірѣ, чтобы, постигая ихъ, мы всею душою стремились на вѣки ихъ обрѣсти!

Отъ селенія Бровары до Кіева девятнадцать верстъ. Много сосноваго лѣса, но онъ по большей части кривой и уродливый. Тутъ прежде были непроходимые пески, теперь шоссе, и ѣдучи по немъ мы отъ всей души благословляли Правительство, желая, чтобы оно имѣло возможность всюду устроить свободныя сообщенія, столь нужныя не для одного спокойствія проѣзжающихъ, но и для успѣховъ промышленности и торговли.—Версты за три до Броваръ показывается лавра; высокія ея главы манятъ къ себѣ путника, какъ легкая тѣнь рисуясь на горизонтѣ, но онѣ скоро на долго исчезаютъ, и вдругъ, являясь во всей своей красѣ, исполняютъ душу сладостнымъ умиленіемъ.

Когда мы пріѣхали на берегъ Днѣпра, онъ былъ загроможденъ возами и повозками, между которыми стояли выпряженныя лошади и во-лы. Люди разнаго званія и разнообразно одѣтые, сидѣли въ повозкахъ и на возахъ, или спокойно прохаживались, какъ будто издавна привыкнувъ такъ кочевать.—На Днѣпрѣ, широко разлившимся, еще не было моста, и перевозили на такъ называемыхъ дубахъ, или пармахъ на веслахъ. Число ихъ было недостаточно для столпившихся людей, и многіе ждали нѣсколько часовъ своей очереди. У насъ, на сѣверѣ, едва ли бы обошлось это безъ спору и крику, но здѣсь, въ виду Кіевскихъ святынь, всѣ покорялись необходимости.

Намъ предложили, пока будутъ перевозить карету, переѣхать въ лодочкѣ, увѣряя, что это будетъ гораздо пріятнѣе и спокойнѣе. Мы согласились, не понимая, что изъ этого выйдетъ. Первые минуты были сладостны. Не говоря о чувствахъ, которыя объемлютъ вѣрующихъ, представлявшаяся картина сама по себѣ исполнена прелести. Если правда, что какой-то Англичанинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ полюбоваться рѣшеткою Лѣтняго сада и тотчасъ

уѣхалъ, считая себя довольно награжденнымъ за дальній путь, посмотрѣвъ на Кіевъ изъ-за Днѣпра, многіе могли бы воротиться назадъ, унося съ собою богатые вдохновенія для поэта, живописца или историка.—Но на это могли бы рѣшиться только иновѣрцы; Православные жаждутъ скорѣе пристать къ берегу, съ котораго, за девять вѣковъ, спускался народъ Кіевскій къ водамъ Днѣпровскимъ, чтобы его свѣжими струями омыть прахъ земныхъ страстей, несомнѣваясь въ великой пользѣ того, что было исполнено ихъ храбрымъ Княземъ Владиміромъ, что лютаго разорителя Полоцка превратило въ кроткаго и великодушнаго просвѣтителя Россіи.—Мы тихо плыли, сперва по разливу Днѣпра, потомъ по самому Днѣпру, устремивъ глаза на берегъ. Горы поднимались, перерѣзывая одна другую; въ иныхъ мѣстахъ обросли онѣ кустарниками, въ другихъ песокъ или глина перемѣшивались съ зеленымъ дерномъ, какъ будто остатки древнихъ развалинъ.—Мнѣ зачерпнули Днѣпровской воды, она такъ была тепла, что я не могла ее пить, но мнѣ было пріятно ее отвѣдать, и я съ веселою, спокойною душою, помолодѣвъ, поздоровѣвъ отъ одного взгляда на достигаемую мною цѣль,

какъ беззаботный младенецъ окунула руку въ Днѣпръ, исполненный священныхъ воспоминаній.—Но мало по малу исчезали предъ нами главы и кресты храмовъ Кіевскихъ, и когда мы, въ утломъ челнокѣ нашемъ, вдоль по берегу, плыли къ пристани, намъ видны были только горы, свидѣтельницы знаменитыхъ дѣлъ великихъ Князей Владиміра и Ярослава, слышавшія потомъ бѣшеные вопли кровожадныхъ Татаръ и вѣроломныхъ Поляковъ.

Грусть пала мнѣ на душу; мнѣ стало казаться, что все мною видѣнное было мечтою, что я не увижу безцѣнныхъ святынь. Дѣйствительно, мы ихъ увидѣли не такъ скоро, какъ надѣялись. Мы пріѣхали слишкомъ часомъ ранѣе кареты, и только что вышли на берегъ, пошелъ дождь. По счастью близко была палатка, гдѣ мы пріютились у крестьянина, торговавшаго сбитнемъ, квасомъ и булками. Онъ принялъ насъ очень радушно въ тѣсномъ, опрятномъ углу своемъ. Сѣвъ на лавочку, я сравнивала бѣлое лицо хозяина, его свѣтлорусые волосы и голубые глаза, со смуглыми, черноволосыми и черноглазыми Кіевлянами, и угадывала, что онъ не землякъ имъ. Онъ былъ изъ Калуги, и гордился этимъ, увѣрялъ, что народъ Великороссійскій гораздо

проворнѣе и острѣе.—Не могу этого рѣшить, не имѣвъ дѣла съ Малороссіянами, о которыхъ я уже сказала, что мнѣ ихъ селенія очень полюбились. Но хозяинъ палатки точно казался бойчѣе и образованнѣе приходившихъ къ нему Кіевлянъ. Послѣдніе были одинаково одѣты, въ смурыхъ кафтанахъ, съ висящими назади мѣшками, въ такомъ родѣ, какъ у нашихъ разноименныхъ плащей бываютъ капишоны. Я спросила какъ зовутъ мѣшки эти, и просто ли по обычаю ихъ носятъ, или чтобы накрывать голову въ дурную погоду?—Съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня, на мои вопросы Кіевляне отвѣчали другими, короткими вопросами.—Забавляясь этимъ, хозяинъ наконецъ сказалъ, что такой мѣшокъ зовутъ кобенякъ. Это была народная сцена, которую бы не удалось мнѣ видѣть въ Петербургѣ.

Въ удовольствіе хозяину спросили мы сбитню. Онъ налилъ его, выполоскавъ хорошо стаканы. Я никогда еще его не отвѣдывала и воображала, что онъ гораздо вкуснѣе. Можетъ быть и потому онъ мнѣ не понравился, что я очень скучала дожидаясь кареты, и уже теряя надежду въ тотъ день попасть въ лавру, которой вовсе не могли мы видѣть. Вмѣсто ея

величественнаго, вдохновительнаго зрѣлища уныло разстились передъ нами широкія воды, и противоположный плоскій берегъ, на которомъ, сквозь дождь, едва было замѣтно небогатое селеніе. Наконецъ небо прояснилось и вмѣстѣ съ показавшимся вновь солнцемъ пріѣхала карета. Поднимаясь въ ней на гору я почувствовала сладкое благоуханіе отъ цвѣтущихъ деревьевъ: это было достойнымъ предверіемъ святой обители, которой главы снова засіяли надъ древнею столицею Русскихъ Государей.

Монастырская гостинница набита была людьми, и мы, долго искавъ ночлега, остановились въ гостинницѣ Зеленой. Отъ туда видна лавра, но слишкомъ отдалена, чтобы можно было ходить въ нее, какъ скоро есть свободная минута, чтобы все въ ней изучить и навсегда затвердить въ умѣ своемъ, чего я горячо желала, но не могла достигнуть.

Июня 17.

Семнадцатое Іюня навѣкъ будетъ мнѣ памятно. Въ этотъ день въ первый разъ была я въ лаврѣ. У входа въ обитель написаны на стѣ-

нахъ, съ правой стороны преподобный Θεодосій съ крестомъ въ рукѣ, а съ лѣвой преподобный Антоній, держащій икону Успеніе Божіей Матери, съ сонмами угодниковъ, какъ будто выходящихъ изъ пещеръ и затворовъ на встрѣчу стекающимся богомольцамъ, чтобы научить ихъ молитвамъ и чувствамъ, достойнымъ прославленныхъ мѣстъ этихъ.— Съ глубокимъ умиленіемъ медленно подвигались мы впередъ, видя всюду Божественные и Святые лики: кажется вступаешь въ особый міръ, гдѣ должны утихнуть всѣ земные помыслы. Дѣйствительно, войдя въ Успенскій соборъ; ставъ предъ иконою Успенія Божіей Матери, забываешь все земное; чудотворная ея сила тотчасъ обнаруживается, не какимъ нибудь дивнымъ исполненіемъ нашего желанія или прихоти, такъ часто вреднымъ для насъ самимъ, но тѣмъ, что уже ничего не желаешь, что готовъ во всемъ покориться волѣ Божіей.—И эта безотчетная, внезапная готовность тотчасъ исполняетъ душу неизъяснимою сладостью: такъ бы прожилъ остатокъ жизни! Такъ жили Антоній, Θεодосій, и ихъ сподвижники!—Но не всѣмъ дано такъ жить. Счастливы тѣ, которые, хотя изрѣдка, хотя мимолетомъ, постигаютъ всю сладость

благоговѣйной молитвы, все превосходство радости душевной надъ суетными, мірскими радостями!

Успенскій Кіевскій соборъ гораздо меньше Смоленскаго, и вообще не изъ числа обширныхъ, но онъ поражаетъ богатствомъ и высотой иконостаса, на которомъ всѣ вообще иконы въ серебряныхъ, по большей части вызолоченныхъ окладахъ, и надъ ними Спаситель, на вызолоченномъ крестѣ, весь серебряный, не исключая лика.—На стѣнахъ, близъ иконостаса, изображены Вселенскіе соборы въ ростъ человѣческой. Живопись эта, съ примѣсю золота, богато украшающаго утвари и одежды, истинно великолѣпна и достойна назначенія своего въ церкви, гдѣ всѣ роды искусства, особенно пѣніе, должны быть различны отъ того, что видимъ и слышимъ въ жилищахъ человѣческихъ. Одно уже это различіе сильно дѣйствуетъ на умъ и сердце.

Митрополитъ, какъ обыкновенно по воскресеньямъ, служилъ обѣдню. Церковь была затѣснена людьми. Насъ съ большимъ трудомъ провели стороною, и мы стали у самаго иконостаса, вокругъ котораго горѣло несмѣтное число свѣчь. Многія были тоньше карандаша; та-

кихъ свѣчь я еще не видывала, но я увѣрена, что эти-то свѣчи, въ потѣ лица выработанныя, всѣхъ угоднѣ Богу; мнѣ даже казалось, что онѣ свѣтлѣ горѣли.—Признаюсь, я почти не слышала обѣдни, глаза мои невольно разбѣгались по расписаннымъ великолѣпно стѣнамъ, по вызолоченнымъ периламъ, ограждавшимъ хоры, на которыхъ, какъ и внизу, устроено нѣсколько придѣловъ, особенно по толпамъ, меня окружающимъ. Крестьяне въ бѣдныхъ рубищахъ стояли впереди. Въ Православныхъ церквахъ нѣтъ откупленныхъ мѣстъ;—въ нихъ, какъ въ присутствіи самого Спасителя, всѣ имѣютъ равныя права, и пользуясь ими народъ нашъ, выходя изъ церкви, не мечтаетъ безумно о равенствѣ, неоспоримомъ предъ Богомъ, невозможномъ въ мірѣ. Онъ твердо знаетъ, хотя не всегда можетъ объяснить это, что, созданныя Богомъ, и безсловесныя твари, и самыя растенія, даже камни, не равно одарены понятіемъ, силою, красотою:—вотъ почему оборванные ребятишки часто въ церквахъ нашихъ толкаются впередъ, и потомъ на улицѣ почтительно уступаютъ дорогу всякому, кто лучше ихъ одѣтъ.

Между крестьянами стояли нарядныя женщины и всѣ равно стремились услышать пропо-

вѣдь Митрополита. Онъ говорить не готовясь, но его проповѣди вообще проникнуты искреннею, безусловною любовью къ Богу и ближнимъ; я видѣла мужчинъ почтенной наружности, плакавшихъ какъ дѣти, и всѣ знаютъ въ Кіевѣ, что Митрополитъ Филаретъ все то исполняетъ, о чемъ онъ проповѣдуетъ. Покои его не великолѣпны, но въ нихъ входишь съ благоговѣніемъ, видѣвъ, какъ у него отдыхаютъ на лѣстницѣ нищіе, старики, или увѣчные: другихъ нищихъ я не видала въ лаврѣ.

Приложившись послѣ обѣдни къ чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери, мы приняли благословеніе Митрополита, и по его приглашенію пошли въ его покои. Сѣвъ тамъ въ первой комнатѣ у окна, я съ любопытствомъ глядѣла, какъ, на дворѣ, около Владыки, тѣснились пестрыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Многіе изъ нихъ были въ лаптяхъ, въ лохмотьяхъ, и не побоялись дальняго пути, истратили послѣднюю копѣйку, чтобы поклониться древнимъ Святынямъ, побывать на мѣстахъ, откуда просіяла въ Россіи, и навѣкъ въ ней утвердилась, истинная вѣра. Митрополитъ благословлялъ всѣхъ и каждого. Трогательно было это зрѣлище. Вотъ гдѣ и въ чемъ залогъ спокойствія и могущест-

ва Россіи; вотъ чего понять не могъ Наполеонъ; отъ чего погибъ онъ, гордый властелинъ Европы, до пришествія его въ Россію бывшій непобѣдимымъ!

Привѣтствуя гостей своихъ, долго его ждавшихъ, кроткій Святитель улыбался, какъ будто послѣ продолжительнаго служенія, ничего еще не кушавъ, онъ сладко отдохнулъ среди тѣсниваго его народа, на солнечномъ жару. Я вспомнила опять слова графа Г*, о которыхъ упоминала, писавъ о Могилевѣ, «что ни самъ онъ, и никто въ Европѣ не воображаетъ, какъ Русскіе Архіереи, при высокомъ образованіи ума, смиренны сердцемъ и преданы Престолу и отечеству».

Отъ Митрополита мы опять зашли въ Успенскій соборъ, гдѣ уже можно было свободно все видѣть. — Особенное чувство влекло меня поклониться главѣ равноапостольнаго Князя Владиміра, перенесенной изъ Десятинной церкви Митрополитомъ Петромъ Могилою, когда сей ревностный пастырь обрѣлъ гробницу Святаго Князя среди развалинъ имъ сооруженнаго храма. Я съ благоговѣйною признательностью поверглась на колѣна предъ Святою главою того, кому обязана я сама счастьемъ исповѣдывать,

чистѣйшую вѣру, безъ чьей мудрой прозорливости отечество мое, еще долго быть можетъ, пресмыкавшись во мракѣ идолопоклонства, могло потомъ предаться Жидамъ или Магометанамъ! — Онъ умѣлъ, святой и великій мужъ, постичь истину, онъ не поработилъ народъ свой суетному и гордому Риму, и навсегда сохранилъ его отъ ужасовъ инквизиціи!

Юли 18.

Мы почти всякій день слушали обѣдню, раннюю или позднюю, въ лаврѣ, при чудотворной иконѣ. Въ соборѣ всегда было тѣсно отъ богомольцевъ пришлыхъ и городскихъ. Тѣ и другіе молились съ пламеннымъ усердіемъ. Иначе нельзя молиться въ лаврѣ; скорѣе можно совсѣмъ въ нее не входить. Посредамъ, предъ позднею обѣдней, обыкновенно читаютъ здѣсь акаѳистъ Успенію Божіей Матери. При насъ читалъ его намѣстникъ лавры архимандритъ Лаврентій, и такъ читалъ онъ, что никто не могъ пропустить ни одного слова, и каждое слово потрясало душу, исполняя ее глубокимъ умиленіемъ.

емъ. Я не слыхивала такого чтенія, не имѣла о немъ понятія; звучный голосъ намѣстника безъ малѣйшаго напряженія разносился по высокому храму, и дивно согласовался съ нимъ хоръ, повторяя: «Радуйся обрадованная, и во Успеніи твоёмъ насъ не оставляющая». — Служеніе въ Киевопечерской лаврѣ установлено въ XI вѣкѣ преподобнымъ Феодосіемъ, по уставу Студійской лавры, Святаго Саввы освященнаго, въ Палестинѣ. Также неизмѣнно осталось въ ней и пѣніе, что подтверждено на будущія времена Императоромъ Александромъ, которому оно чрезвычайно полюбилось. Но здѣсь не поютъ, а читаютъ Вѣрую, и на выходахъ носятъ, безъ подсвѣчниковъ, просто въ рукахъ, огромныя свѣчи, въ ростъ человѣческой.

Кто прочтетъ мою книгу, вѣрно читалъ уже путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ, гдѣ краснорѣчиво описанъ Кіевъ, и я о многомъ умалчиваю, избѣгая повтореній. Мнѣ уже нечего сказать о пещерахъ, въ которыхъ исчислены всѣ имена и подвиги почивающихъ въ нихъ святыхъ заступниковъ земли Русской. Мы кругомъ обошли ихъ; воздухъ въ нихъ былъ сухъ, и мнѣ не тяжело было дышать имъ, но не знаю, были бы я въ силахъ пробыть сутки такимъ обра-

зомъ заживо погребенная. Я въ этомъ сомнѣваюсь, чувствуя всю немощь мою душевную и тѣлесную, и однако я живо понимала въ этихъ подземельяхъ, гораздо живѣе, нежели въ мірѣ, среди его увеселеній, какъ должны быть сладостны надежды небесныя, какія вѣра творитъ чудеса. — Мысли мои возносились къ первымъ временамъ Христіанства. Я воображала, какъ послѣ распятія Искупителя, устрешенные ученики Его не знали, и представить не могли, что ихъ ожидаетъ, — и вдругъ Онъ имъ явился, уже не какъ учитель, котораго святая жизнь и сильныя рѣчи увлекали ихъ, не какъ могущественный человѣкъ, отъ котораго многіе ждали земныхъ отличій, но какъ обѣщанный міру Мессія, несомнѣнно доказавшій, что онъ своей смертью побѣдилъ смерть. «Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ» (а), сказалъ онъ Апостоламъ, и еще прибавилъ, что какъ его гнали, такъ и ихъ будутъ гнать. — Какимъ огнемъ небеснымъ блистали Его взоры, какъ Его голосъ былъ отличенъ отъ голоса человѣческаго! Забывая, что Онъ Самъ воскрешалъ мертвыхъ,

(а) Св. Евангеліе Матвея.

Самъ возвѣстилъ крестную смерть свою, ученики Его едва не усомнились въ Его воскресеніи, но Онъ предсталъ имъ со знаками своего распятія, и глаза ихъ внезапно прозрѣли.—Они признали въ учителѣ истиннаго Бога, и поняли, что здѣшній міръ только міръ испытаній, что только по смерти всѣ получаютъ справедливое воздаяніе. Простые рыбаки поняли это такъ живо, что уже ничто не могло заставить ихъ молчать о воскресеніи распятаго. Они не страшались мукъ, вѣря, что мучимые за истину воскреснутъ со Христомъ;—ихъ не прельщали радости мірскія; они даже не замѣчали ихъ;—они вовсе не заботились о жизни временной:—всѣ ихъ чувства и помышленія устремились къ жизни вѣчной.

Все это думала я и воображала, слѣдуя за намѣстникомъ лавры по тѣснымъ пещерамъ, слушая его короткія замѣчанія о каждомъ тутъ ночивающемъ святомъ отшельникѣ. И они были проникнуты тою же вѣрою и любовью, какъ Апостолы, и имъ вѣра эта и любовь помогли совершить дѣла, которыя намъ кажутся свыше силъ человѣческихъ. Онѣ только могли заставить не однихъ простыхъ людей, загрубѣвшихъ на работѣ, но и вѣжныхъ дѣтей кня-

жескихъ и боярскихъ (а), отречься отъ міра, отъ ближнихъ, даже отъ свѣта солнечнаго, чтобы всѣхъ убѣдить, что лишь истинная, горячая вѣра упреждаетъ намъ самимъ и роду человѣческому спокойствіе и счастье, что она ярко свѣтитъ и въ недрахъ земли, обращая душныя, мрачныя пещеры въ цвѣтушіе, благоговѣнные вертепы.—Кто дерзнетъ сомнѣваться въ этомъ, пусть прочитасть и не въ однихъ Русскихъ лѣтописяхъ, какъ страдалъ Кіевъ подъ чужимъ, жестокимъ игомъ, и потомъ взглянетъ на золотыя главы лавры, на сіяющіе кресты Кіевскихъ церквей и монастырей, и самъ разсудитъ, допустилъ ли бы Господь изъ кучи пепла и развалинъ великолѣпно возстать этимъ обителямъ и храмамъ, если бы не угодны ему были намъ непонятные подвиги Печерскихъ отшельниковъ, если бы не было нужно на вѣки продѣлать благоговѣйную память о равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ, для блага Россіи, можетъ быть, для блага цѣлаго міра.

(а) Никола Святосла, сынъ князя Черниговскаго, Григорій, родственникъ Кіевскаго князя Ростислава, Славникъ Феодоръ, князь Острожскій, Игуменъ Варлаамъ, сынъ боярина Іоанна, и прочіе.

Мнѣ было пріятно поклониться и погребинному въ Успенскомъ соборѣ, за лѣвымъ крылосомъ, знаменитому защитнику Православія, умному и ученому Митрополиту Петру Могилѣ, сыну Молдавскаго Князя Симеона. — Отличившись храбростью въ Польскомъ войскѣ, онъ вдругъ оставилъ мѣръ, и въ 1625 году постригся дватцати семи лѣтъ. Черезъ три года онъ былъ посвященъ въ Архимандриты Кіевонечерской Лавры, и тотчасъ началъ неутомимую борьбу съ Уніатами, еще болѣе Латиновъ утѣснявшими Православныхъ. Владиславъ IV утвердилъ его избраніе въ Митрополиты въ 1633 году, и онъ немедленно отобралъ у Уніатовъ Софійскій соборъ, возстановилъ нѣсколько древнихъ церквей, завелъ въ Братскомъ монастырѣ академію, и особенно заботясь о распространеніи духовныхъ книгъ, въ чемъ очень нуждалась его паства, поручилъ составить первый въ Россіи катихизисъ (а). Въ Успенскомъ соборѣ, на хорахъ, между портретами Печерскихъ архимандритовъ, видѣла я и портретъ Петра Могилы. Я долго на него смотрѣла. Живопись очень посредственная, но пріятно вообразить, что таковъ былъ великій Святитель: волосы со-

(а) Описаніе Кіево-Софійскаго собора.

вершенно черные, въ красивыхъ чертахъ видѣнъ глубокой умъ. Еще погребены въ Успенскомъ соборѣ, въ склепѣ, два фельдмаршала, графъ Румянцовъ Задунайскій, извѣстный всему міру его славными подвигами, и графъ Гудовичъ, котораго я видала въ Твери, у Великой Княгини Екатерины Павловны, въ бытность его Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Ограбленная и разоренная Батыемъ лавра Печерская бѣдствовала въ продолженіе многихъ вѣковъ; то снова опустошали ее Татары, то за Православіе тѣснили ее Поляки, то, когда уже она сладостно отдыхала подъ Русскою, отечественною державою, жестокой пожаръ все въ ней истребилъ въ 1718 году. Въ ней только цѣла отъ начала чудотворная икона Божіей Матери. Иноки спасли ее въ пещерахъ отъ Татаръ, и во время пожара она благополучно сохранилась въ залогъ небеснаго покровительства. Ризница Кіевская не можетъ сравниться съ ризницею Троицкой лавры. Тамъ не бывали свирѣпые враги, не бывало и пожаровъ. Обитель Святаго Сергія счастливо отражала цѣлые два года осаждавшихъ ее Поляковъ; къ ней не смѣли приступить опустошившіе Москву

Французы, какъ ни жадно хотѣлось имъ овладѣть ея вѣковыми сокровищами. Въ ризницѣ Кіевской всего древнѣе ризы, пожалованныя Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, изъ золотой парчи съ серебромъ, съ жемчужными крестами и оплечьями, и плащаница Черниговскаго Епископа Зосимы Прокоповича, 1655 года. Вышитый на ней шелками Спаситель, въ большомъ жемчужномъ вѣнцѣ съ дорогими камнями, и вокругъ, по золотой парчѣ, жемчужные цвѣты и надписи.—Возобновивъ своимъ иждивеніемъ сгорѣвшую соборную церковь, Петръ Великій пожаловалъ въ нее огромное Евангеліе съ серебряными вызолоченными дсками. Иные думаютъ, что имъ дано два Евангелія, одинакой величинны, но мнѣ утвердительно сказали, что другое дано Царицею Марѳою Матвѣевной, а отъ него еще получена бриліантовая панагія съ тремя сафирами; на правой сторонѣ образъ Спасителя, на лѣвой портретъ Петра. Прекрасная мысль, лестная для подданнаго, и исполненная смиренія Христіанскаго, чтобы Святители носили невидимо изображение Монарха, таящееся подъ Святымъ ликомъ Спасителя. Императрица Елисавета Петровна, устроившая въ Успенскомъ соборѣ серебряный, вы-

золоченный престолъ, еще пожаловала золотую митру, при чемъ кстати замѣтить, что въ Кіевѣ носятъ надъ митрами кресты, что очень красиво, по древнему праву, подтвержденному Царями Юлиемъ и Петромъ Митрополиту Гедеону, князю Четвертинскому. Отъ той же Государыни получены ризы вышитыя, по малиновому гродетуру, серебромъ съ особеннымъ вкусомъ: кресты и оплечья вынизаны лучшими, средними и мелкимъ жемчугомъ съ бриліантами и рубинами.—Между прочими дорогими ризами показываютъ одиѣ простыя, пунцовыя, бархатныя, вышитыя только золотомъ и коричневою синелью. Эти ризы шиты изъ порфиры Польскаго короля Станислава Августа. Я на нихъ смотрѣла, мысленно благоговѣя ко Всемогущей десницѣ, спасшей Россію отъ зогъ ее терзавшихъ, унижтожившей слишкомъ долго враждовавшее ей могущество. Дивны дѣла Твои, Господи! Православный архимандритъ Печерскій облачается въ бывшую порфиру послѣдняго короля Польскаго!—Императоръ Александръ пожаловалъ заврѣ золотые сосуды, панагію, и два креста бриліантовые. Благополучно царствующій Государь изволяетъ прислать великолѣпную дарохранительницу, и

полную ризницу, голубую бархатную, для Архидіеясаго служенія.

Благочестивому примѣру Царей слѣдовали вельможи. Нельзя оставить безъ вниманія золотые сосуды съ эмалью гетмана Самойловича, другіе золотые, съ сафирами и разными дорогими камнями князя Матвѣя Петровича Гагарина, и наконецъ еще золотые, знаменитаго фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, иждивеніемъ котораго въ Успенскомъ соборѣ сдѣланы богатые царскія двери изъ чистаго серебра. Другаго фельдмаршала, не менѣе знаменитаго, графа Румянцова Задунайскаго, хранится въ ризницѣ фельдмаршальскій жезлъ и пожалованная ему Екатериною на шляпу лавровая вѣтвь изъ зеленой эмали съ крупными брилліантами. Ихъ не передѣлали на церковныя вещи, вполне цѣня заслуги великаго мужа, и возлѣ нихъ виситъ драгоценная брилліантовая панагія, съ образомъ Успенія Божіей Матери, положенная канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, сыномъ героя Кагульскаго, въ память его побѣдоноснаго родителя.

Духовные также усердствовали умножать сокровища лавры; мы видѣли нѣсколько крестовъ, панагій и другихъ вещей отъ разныхъ

Архидіеясовъ и Архимандритовъ, особенно много оставили утвари предносѣдній Кіевопечерскій Архимандритъ Лука, и послѣдній Зосима, послѣ котораго, съ 1786 года, Митрополиты Кіевскіе вмѣстѣ съ симъ достоинствомъ назначаются, по древнему обычаю, и Архимандритами лавры. Изъ вещей, сдѣланныхъ иждивеніемъ добродѣтельныхъ дателей, особенно замѣчательно великодушнѣе и вкусомъ Евангеліе 1815 года, золотыя доски котораго украшены алмазами, рубинами и эмалью.

Еще видѣли мы въ ризницѣ превосходно выточенный изъ кости бокалъ Митрополита Платона, и пожалованную ему, въ бытность его законоучителемъ Великаго Князя Павла Петровича, трость съ золотымъ набалдашникомъ, въ которомъ маленькіе часы, осыпанные алмазами. Молитвословъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ черепаховой отдѣлкѣ съ серебряными застежками, подаренъ Ею статсъ-дамѣ графинѣ Маврѣ Егоровнѣ Шуваловой, урожденной Шенелевой, супругѣ графа Петра Ивановича, которыми пожертвованъ въ Успенскій соборъ образъ Благовѣщенія въ золотомъ окладѣ. Образъ этотъ лежитъ у Царскихъ дверей на наложъ въ богатѣйшей чиниѣтяной рамѣ съ цвѣтами; на

другой сторонѣ, въ такой же рамѣ, небольшая икона, осыпанная драгоценными камнями, пожалована Императоромъ Павломъ въ проѣздъ Его чрезъ Кіевъ въ чужіе края въ 1781 году.

Этимъ заключу я бѣглый очеркъ того, что видѣла въ Печерской ризницѣ, подробное описаніе которой заняло бы не одинъ печатный листъ. Сказанное достаточно свидѣтельствуесть неослабное, общее стремленіе Русскихъ украшать храмы Божіи, чтобы, входя въ нихъ, не могъ подумать надмѣнный богачъ, что его собственное жилище краше дому Божіаго, чтобы въ потѣ лица своего снискивающіе себѣ хлѣбъ насущный съ отрадою думали: коли такъ хорошо въ церкви, созданной руками человѣческими, какъ должно быть несравненно радостнѣе въ царствіи Божіемъ, обѣщанномъ плачущимъ, если они не ронзуютъ здѣсь на плачъ свой, чтобы, однимъ словомъ, духъ и плоть равно поражены были блескомъ, приличнымъ мѣсту, посвященному Тому, Кѣмъ движется міръ. Кто все въ немъ создалъ!—Послы Великаго Князя Владиміра, избранные изъ его мудрейшихъ совѣтниковъ, видѣвъ храмы и служеніе Римское, пораженные великолѣпіемъ служенія Греческаго, внезапно постигли превосходство вѣры

Православной, и павъ на землю исповѣдали Бога истиннаго—и мы благочестію восточныхъ Императоровъ, ревностно украшавшихъ церкви Божіи, обязаны всіми благами, протекшими для насъ отъ перваго впечатлѣнія нашихъ прямодушныхъ предковъ.

Кіевопечерская лавра какъ будто особый городокъ, и немного у насъ такихъ городковъ. Въ ней нѣсколько улицъ, тѣсныхъ, но прекрасныхъ, обсаженныхъ деревьями, по большей части плодовитыми, подъ густою тѣнью которыхъ пришедшіе издалека богомольцы, живописными кучками, отдыхаютъ послѣ службы, готовясь слушать другую. Мы заходили въ типографію. Она основана, въ первыхъ годахъ XVII вѣка, княземъ Константиномъ Острожскимъ, пожертвовавшемъ на это нѣсколькими селами въ Литвѣ. За такую великую услугу благотворительный князь погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ доселѣ всѣ съ душевнымъ уваженіемъ поклоняются гробу его. Къ сожалѣнію ревность его къ Православію не возбудила равныхъ чувствъ въ его супругѣ, и когда скончался онъ, въ глубокой старости, княгиня съ двумя сыновьями перешла въ Латинство, а подвластныхъ имъ крестьянъ обратила въ

Унію. Только одинъ сынъ ея, Александръ, до конца жизни своей пребылъ Православнымъ (а). Церковь наша въ такомъ была тогда угнетеніи, и такъ сильно старалось духовенство Римское истребить у насъ Православіе, что въ самомъ Кіевѣ, источникъ и опорѣ вѣры нашей, гдѣ, какъ извѣстно по лѣтописямъ, въ 1124 году сгорѣло до шести сотъ церквей (б), около 1646 года, не было, пишетъ Бопланъ, и десяти, не смотря на всю ревность незабвеннаго тогдашняго Митрополита Петра Могилы, снискавшаго покровительство Владислава IV.

Домъ, гдѣ помѣщается типографія, былъ прежде деревянный. Каменный выстроенъ послѣ пожара. Все, что мы въ немъ видѣли, для меня было совершенно ново, и я съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣла всѣ производства работъ, быстро передающихъ, изъ вѣка въ вѣкъ, мысли и чувства духовныхъ писателей, которые нѣкогда, какъ и свѣтскіе, съ трудомъ находили переписчиковъ ихъ сочиненій, что, обходясь чрезвычайно дорого, лишало небогатыхъ людей возможности приобрѣтать и святое Евангеліе. Вдругъ это перемѣнилось, и если малое чи-

(а) Описание Кіево-Софійскаго собора.

(б) Географическій словарь Шекстона.

сло писцевъ не могло по прежнему наживаться, миллионы людей получили средства вседневно наслаждаться чтеніемъ слова Божія. — Справедливо говорятъ, что вмѣстѣ съ полезными сочиненіями книгопечатаніе распространило и много сочиненій вредныхъ; но задолго до дивнаго изобрѣтенія Гуттенберга, въ самые отдаленные вѣка, вредныя понятія свободно сообщались; образованные Римляне утопали въ развратѣ, терзая отечество своими смутами; а дикіе Американцы, промышленныя разбоемъ, питались человѣческимъ мясомъ. — Мы очень полюбилась въ типографіи подвижная на колесахъ печь. Въ ней девять трубъ, восемь для тепла, девятая для истребленія сырости; отверстіе, куда дрова кладутъ, не болѣе четверти, дровъ идетъ очень мало, а тепло, какъ увѣрили меня тутъ живущіе, держится долго и скоро обсушаетъ комнаты.

XI.

КІЕВСКІЙ СОФІЙСКІЙ СОБОРЪ, ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ, ЦЕРКОВЬ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО, МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ФЛОРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Юля 21.

Все описанное въ лаврѣ видѣли мы въ продолженіе нѣсколькихъ дней, употребляя на это часа два послѣ обѣдни. Потомъ видѣли мы смотрѣть другіе монастыри, церкви и разныя заведенія, гуляли въ прекрасномъ общественномъ саду, любовались картинными видами древняго

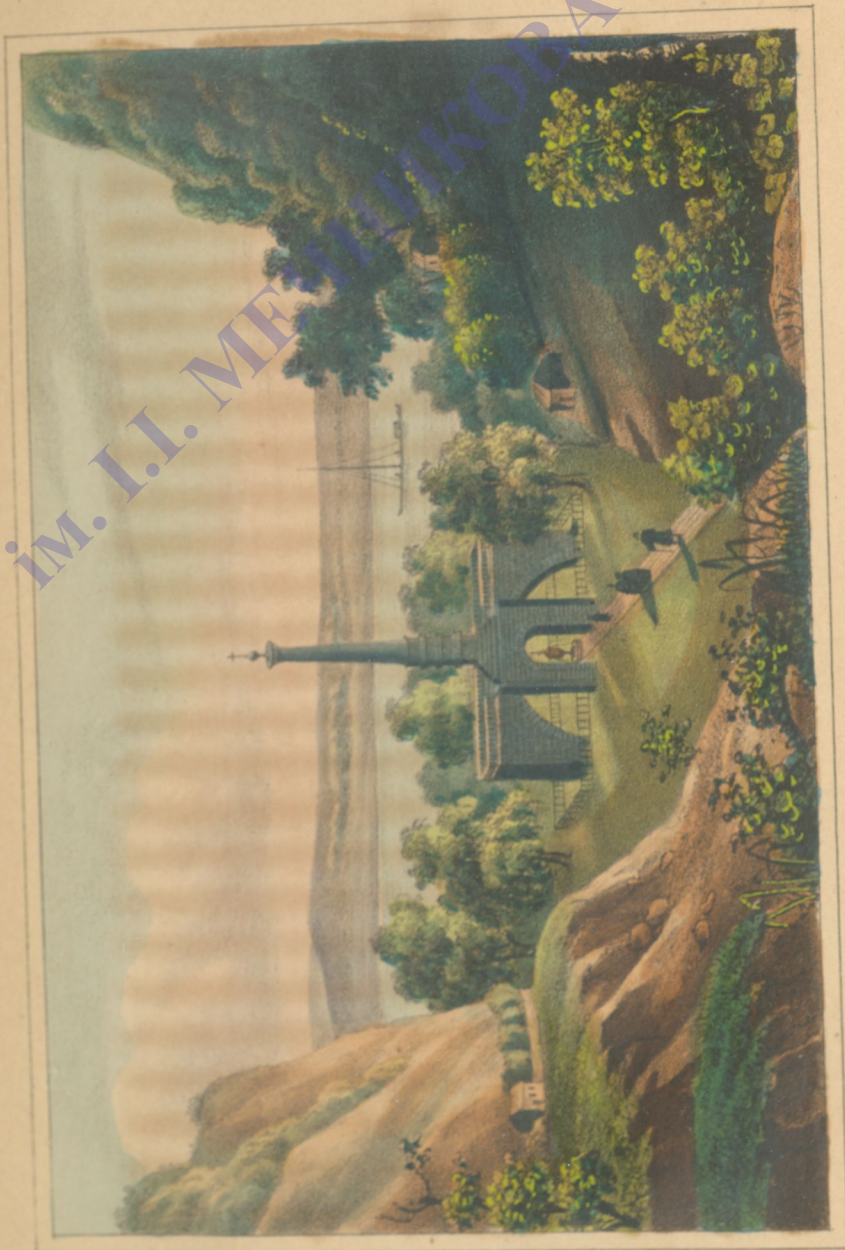

XI.

КИЕВСКИЙ СОФІЙСКИЙ СОБОРЪ. ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ. ЦЕРКОВЬ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО. МИХАЙЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ФЛОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Июль 24

Все описанное въ лаврѣ видѣли мы въ продолженіе нѣсколькихъ дней, употребляя въ это время два часа послѣ обѣды. Потомъ видѣли мы смотрѣть другіе монастыри, церкви и разныя заведенія, гуляли въ прелестномъ общественномъ саду, любовались прекрасными видами древняго

Кіева. Но я рѣшилась прежде рассказать о лаврѣ, а потомъ уже о прочихъ памятникахъ древнихъ и новѣйшихъ временъ, не заботясь о днѣ и часѣ, когда что видѣла, стараясь только, сколько возможно, соблюдать ясность и вѣрность въ моихъ слабыхъ и слишкомъ короткихъ очеркахъ.

Часто бѣдали мы мимо крещатика, гдѣ въ 1805 году воздвигнуть памятникъ, на мѣстѣ крещенія дѣтей Владиміровыхъ, но только видѣли золотый крестъ его на высокомъ столбѣ, подъ которымъ стекаются нагорные ручьи. Очень было бы трудно спуститься къ памятнику: кругомъ отдѣльвали изрытыя горы, равнина ихъ по бокамъ и устилая дерномъ. Множество народа весело зарабатывало деньги, и даже женщины носили въ мѣшкахъ землю. Обогащенный въ послѣдніе года многими обширными зданіями, по волѣ Государя Императора, древній Кіевъ вседневно украшается. Старожилы говорятъ, что его узнать нельзя. Одна отдѣлка горъ, обезображенныхъ вѣковыми бѣдствіями, изглаживая слѣды ихъ, при самомъ уже началѣ представляетъ живописную перемѣну, и тамъ, гдѣ недавно могли только бродить козы, скоро будетъ пріятнѣйшее гулянье.

И сколько древностей отыскано или обновлено. Въ Софійскомъ соборѣ также начались работы. Мы не могли хорошо осмотрѣть древній храмъ этотъ, сооруженный однимъ изъ славнѣйшихъ нашихъ Государей на мѣстѣ, гдѣ онъ, съ Новгородцами, Кіевлянами и Варягами, уничтожилъ дикія толпы Печенѣговъ, неоднократно разорявшихъ южную Россію; но радостно было слышать, что онъ снова долженъ явиться въ красѣ, его достойной, по волѣ преемника великаго Ярослава.

Прежде всего предложили намъ взойти на хоры, гдѣ, какъ и въ низу, нѣсколько придѣловъ. Опершись тамъ на порфировыя перила, остатокъ первобытнаго великолѣпія Софійскаго храма, увидѣла я на стѣнѣ, въ алтарѣ, величественную икону Богоматери. Мнѣ сказали, что эта икона, изъ мозаики, временъ Ярославовыхъ, что она была свидѣтельницею разрушенія Кіева Батыемъ, и цѣлые полтора вѣка, въ ограбленномъ имъ храмѣ, стояла безъ крыши. — Я съ изумленіемъ смотрѣла на святое изображеніе. Мнѣ казалось неимовѣрнымъ, чтобы дѣло рукъ человѣческихъ пережило нѣсколько вѣковъ, безъ всякаго вниманія, безъ маѣйшей бережи, брошенное на волю вѣтрамъ и бурямъ, и что го-

раздо разрушительнѣе самыхъ жесточайшихъ бурь, злости человѣческой, ругательству ино-вѣрцовъ. Я даже воображала, что Кіевскому Князю X вѣка невозможно было совершить такой великій, святой памятникъ. Я придумывала все, что могло оправдать мое земное умничанье, какъ и часто, отвергая рассказы современныхъ лѣтописей, по собственнымъ чувствамъ и понятіямъ судимъ мы великихъ людей и великіе подвиги. — Но предо мною былъ предметъ совершенно для меня новый; нигдѣ еще не видала я ничего подобнаго. Я только читала, что Императоръ Іустиніанъ воздвигнулъ въ Византіи великолѣпный храмъ Софіи, Премудрости Божіей, украсивъ стѣны его мозаикою, и что Великій Князь Ярославъ, въ маломъ видѣ, соорудилъ въ Кіевѣ подобіе Святой Софіи Византійской. Еще было извѣстно мнѣ, что въ древней Софіи Іустиніановой, безъ малаго чотыреста лѣтъ поработенной врагами вѣры Христіанской, конечно не безъ особливаго промысла Вышняго, въ поруганномъ Христіанскомъ алтарѣ остались невредимы, и даже не всюду забѣлены мозаики, изображающія Спасителя и Его пречистую Матерь съ разными святыми ликами. Глаза мои были прикованы къ

дивной иконѣ, какъ будто простиравшей мнѣ свои объятія. Я воображала, какъ славнѣйшій изъ сыновъ Владиміровыхъ ликовалъ со своими присными при освященіи этого древняго храма; какъ храмъ этотъ неоднократно грабили сами Русскіе Князья, растратившіе силы Россіи въ непрестанныхъ смутахъ удѣльнаго правленія; какъ чрезъ это отечество наше подпало жестокому игу Татарскому, и въ Кіевѣ, надолго оторванномъ отъ родной земли, опасно было исповѣдывать святую вѣру предковъ. Господь все это допустилъ на время, чтобы священныя развалины непрестанно твердили Русскимъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ внутреннихъ раздоровъ; чтобы обновленное величіе древнихъ храмовъ убѣждало ихъ въ святости ихъ вѣры, предназначенной быть залогомъ спасенія и могущества Россіи. Я поверглась на колѣна передъ Божественнымъ изображеніемъ и съ теплою вѣрою мысленно произнесла: «Что ты наречемъ о благодатная; небо, яко возсіяла еси «солнце правды, рай, яко прозябла еси цвѣтъ «нетлѣнія.»

Въ 1596 году, Софійскій соборъ сдѣлался добычею Уніатовъ, и они, вовсе не заботясь сберегать древнее зданіе, расхитили все, что было

въ немъ приобрѣтено послѣ продолжительнаго его запустѣнія отъ Татарскихъ грабежей, когда въ исходѣ XIV вѣка былъ онъ возстановленъ Митрополитомъ Кирианомъ. Чрезъ тридцать лѣтъ возвративъ его Православію, Митрополитъ Петръ Могила принужденъ былъ, чтобы подкрѣпить его, сдѣлать нѣсколько пристроекъ, измѣнившихъ первобытную его наружность, при чемъ прибавлено и нѣсколько куполовъ.—Мы еще видѣли слѣды Уніатскаго обладанія, въ двухъ мѣстахъ Бога Отца въ Папской тиарѣ, и орла Польскаго. Вѣроятно это сохранено въ память бѣдствій, которыя Русскіе сами навлекли на себя своими несогласіями: иначе трудно объяснить, почему ревнитель Православія, Митрополитъ Петръ Могила, особенно же его преемники, жившіе уже подъ державою Россійскою, не истребили грустнаго свидѣтельства бывшаго порабоженія южной Россіи.

Не изъ одного любопытства, но чтобы, отъ искренней души, помолиться предъ хранящимися въ немъ чудотворными иконами и святыми мощами, обошли мы весь Софійскій храмъ. Можно подивиться, что, при всѣхъ бывшихъ въ немъ опустошеніяхъ, уцѣлѣла огромная, изъ блага мрамора, гробница державнаго его строителя,

набожнаго, храбраго, и просвѣщеннаго Ярослава Владиміровича. Я поклонилась ей съ особеннымъ чувствомъ признательности и почтенія, жалѣя, что вовсе неизвѣстно, гдѣ погребенъ знаменитый внукъ его, Владиміръ Мономахъ. Только одинъ его отдаленный потомокъ, Митрополитъ Гедеонъ, князь Святополкъ Четвертинскій, покоится близъ него въ придѣлѣ равноапостольнаго его родителя.

Великій Князь Ярославъ самъ устроилъ при Софійскомъ соборѣ Митрополичій домъ, и послѣ него многіе Митрополиты погребены были въ соборѣ, но въ бѣдственныя времена владычества Татаръ и Поляковъ Митрополиты Кіевскіе жили, или при Великихъ Князяхъ Русскихъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, или при Великихъ Князяхъ Литовскихъ въ Вильнѣ, а нѣкоторые, уже позднѣе, въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ, отъ чего всѣ зданія при Софійскомъ соборѣ такъ обветшали, что самъ Митрополитъ Петръ Могила принужденъ былъ поселиться въ Печерской лаврѣ, гдѣ и погребенъ по собственному его желанію. — Послѣ него, отъ 1663 до 1685 года, хотя и были два Митрополита Кіевскіе, Іосифъ Тугайскій и Антоній Винницкій, но они оба не всѣми вообще признава-

емы были въ этомъ санѣ, и избраніе ихъ было равно несчастливо для церкви и для нихъ самихъ. Наконецъ, стараніемъ гетмана Самойловича, единодушно избранъ Митрополитомъ Гедеонъ, князь Четвертинскій. Онъ согласился на это съ условіемъ, чтобы его посвятилъ Патріархъ Московскій, а не Константинопольскій, какъ до того бывало, что по отдаленности и трудности сообщеній вовсе не могло служить защитою Православію. Всѣ это одобрили, и самъ Патріархъ Константинопольскій, Діонисій, нашелъ это справедливымъ (а). Гедеонъ возстановилъ при Софійскомъ соборѣ Митрополичью кафедру, и по древнему обычаю былъ въ немъ погребенъ.

Признавъ Кіевскую Митрополию первою въ Россіи, Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, и сестра Ихъ Царевна Софія съ особенною благоклонностью приняли въ Москвѣ Митрополита Гедеона и щедро одарили его. — Пожалованная ему тогда митра изъ чистаго золота съ драгоценными камнями, и полное облаченіе изъ Персидской золотой парчи доселѣ хранятся въ Софійской ризницѣ. — Къ сожалѣнію, принужденная всюду торопиться, я не видала ни ризницы,

(а) Описаніе Кіево-Софійскаго собора.

въ которой много вещей, достойныхъ вниманія, ни библіотеки соборной. Послѣдняя была основана Великимъ Княземъ Ярославомъ, но бывшія въ ней тогда рукописи давно утратились, и нынѣшная библіотека обязана своимъ существованіемъ Кіевскимъ Митрополитамъ; особенно пріобрѣла она много книгъ по завѣщанію Митрополита Евгенія.—Чтобы все осмотрѣть въ Кіевѣ, мало мѣсяца, а намъ невозможно было пробить въ немъ долѣе недѣли, и притомъ мы говѣли, исполняя этимъ душевное наше желаніе удостоиться пріобщенія святыхъ Христовыхъ Таинъ тамъ, гдѣ впервые народъ Русскій постигъ блаженство таинственно сообщаться съ Божественнымъ Спасителемъ рода человѣческаго.

Встрѣтивъ въ соборѣ Митрополита, мы, по его приглашенію, были у него въ его Софійскомъ домѣ, и при насъ кончилась тамъ вечерня, въ небольшой домовоі церквѣ, послѣ чего гуляли со Владыкою въ прекрасномъ саду его. Его пастырская бесѣда о всемъ, что мы уже видѣли и еще можемъ увидѣть во святомъ городѣ; неизвѣстное намъ прежде благораствореніе воздуха; красота деревьевъ, осыпанныхъ плодами; все было намъ сладостно, но каждая

минута дорога была, и мы, принявъ благословеніе Владыки, отправились отъ него еще по святымъ мѣстамъ.

Прежде всего захвали мы въ Десятинную церковь.—Не та уже эта церковь Десятинная, которую Великій Князь Владиміръ воздвигъ, въ залогъ своей признательности къ Богу, извлекшему его, со всѣмъ его народомъ, изъ тьмы идолопоклонства, заражавшаго душу его страстями и пороками; не имѣетъ она ни прежней ея обширности (а), ни прежнихъ великолѣпныхъ украшеній, которыя привезъ вновь окрестившійся Князь изъ Тавриды, взявъ въ городахъ, имъ покоренныхъ, только сокровища, нужныя для храмовъ Божіихъ и искусныхъ зодчихъ и живописцевъ. Послѣ опустошенія Кіева Батыемъ, древняя церковь Десятинная, при которой была послѣдняя, отчаянная защита несчастныхъ Кіевлянъ, четыреста лѣтъ стояла разрушенная. Сами жители разбирали по немногу стѣны ея, и въ ней оставался только одинъ уголокъ, когда набожный цѣнитель всего высокаго, Митрополитъ Петръ Могила, при-

(а) Въ длину двадцать четыре сажени, въ ширину шестнадцать.—Краткое историческое описаніе Десятинной церкви въ Кіевѣ.

строивъ къ этому углу алтарь, возобновилъ въ немъ служеніе (а).

Когда потомъ, копая рвы для вновь построенной церкви, старались отыскать и основанія древней, найдены были двѣ гробницы, какъ вообще полагаютъ, тѣ самыя, которыя прежде открыты были Петромъ Могилою съ останками Святаго Владиміра и супруги его Анны, и сверхъ того мозаика, мраморъ и разныя вещи, свидѣтельствующія, что лѣтописцы не напрасно славили великолѣпіе храма, на строеніе и содержаніе котораго Великій Князь, владѣвшій всей нынѣшней Россіей отъ Новгорода до Кіева, съ Полоцкомъ и Вольнью, опредѣлилъ десятую часть своихъ доходовъ.

Но и новая церковь Десятинная обширна и красива (б): прилично стоитъ она на мѣстѣ церкви Владиміровой. — Говорятъ, постройка эта стоила Александру Семеновичу Анненкову до трехъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями. Онъ бы могъ истратить такую сумму на роскошные пиры, или проиграть ее въ карты, и она исчезла бы совершенно, оставивъ только

(а) Описаніе Десятинной церкви.

(б) Она въ длину и въ ширину по сорока аршинъ.

сожалѣніе о скоро протекшихъ забавахъ, и можетъ быть испытанныхъ между ними обмановъ и скорбяхъ. — Теперь имя А. С. Анненкова навсегда соединилось съ великими именами равноапостольнаго Князя Владиміра и Митрополита Петра Могилы! — Теперь, поручая себя молитвамъ погребеннаго въ этой церкви Святаго Князя, дальнѣйшіе потомки помолются и о спасеніи души набожнаго Русскаго дворянина, утравившагося, что справедливо можно укорять Русскихъ въ неуваженіи къ древнимъ святынямъ и достопамяностямъ отечественнымъ! — Онъ спасъ насъ отъ этой укоризны, и я, вовсе не зная его, искренно желаю, чтобы Богъ его наградилъ за такое для всѣхъ утѣшительное и лестное дѣло!

Юня 19, 1843 года, освящена была заложная 1828 года, Августа 2, на развалинахъ древней церкви, новая, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣлами Святителя Николая и равноапостольнаго Князя Владиміра. Въ послѣднемъ надъ могилою Святаго Князя устроена богатѣйшая рака, и пожалованная сюда Государемъ Императоромъ ризница, золотая газетовая съ серебряными крестами, отличается рѣдкимъ вкусомъ: вмѣсто позументовъ

обложена она чернымъ и пунцовымъ бархатомъ, и въ крестахъ, съ пунцовыми же каемками, вытканы Государственный гербъ, мантия и корона со словами: «въ память Святаго Владимира», что все вообще чрезвычайно хорошо.

Неутомимо заботясь о сохраненіи въ Кіевѣ малыхъ остатковъ древняго величія и набожности Русскихъ Государей, не щадя для этого ни трудовъ, ни изживенія, Митрополитъ Петръ Могила отыскалъ и развалины церкви Преображенія Господня, построенной Святымъ Княземъ Владиміромъ въ любимомъ селѣ его Берестовѣ, гдѣ онъ часто жилъ и скончался. Она совсѣмъ была забыта послѣ разрушенія Татарскаго, но прочныя ея стѣны пережили вѣка, и наконецъ возстановлена въ ней служба стараніемъ незабвеннаго Святителя, одѣлившаго ее и утварью.—Я съ благоговѣніемъ смотрѣла на тѣсный храмъ этотъ, гдѣ молился равноапостольный Князь. Можетъ быть здѣсь приказывалъ онъ, по воскресеньямъ, развозить большимъ хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ и квась, приглашая прочихъ жителей, безъ различія званія, обѣдать за приготовляемыми для нихъ столами на Княжескомъ дворѣ (а).

(а) Исторія Карамзина, Томъ 1.

Я воображаю Владиміра, высокаго, стройнаго, свѣтлорусаго, съ голубыми глазами, съ пламеннымъ взоромъ. Воображаю его, когда онъ, терзаясь раскаяніемъ за убійство роднаго брата, за разореніе Полоцка, разлюбивъ Рогнеду, невольнo его полюбившую, обагренаго кровію отца ея и братьевъ, почувствовалъ глубокую пустоту въ душѣ своей, почувствовалъ, что ни роскошные пиры, ниже побѣды надъ врагами уже его не утѣшаютъ, что все это временное, скоро преходящее, что этого не унесешь въ могилу, что оно не продлитъ жизни.—Мысли эти, внезапно пробудившись въ душѣ его, сильно ее волновали, и онъ не зналъ чѣмъ ее успокоить, только день ото дня казалось ему страннѣе, что онъ поклоняется бездушнымъ истуканамъ, ждетъ отъ нихъ помощи и отрады. Онъ начиналъ стыдиться своего вѣрованія, рвался всею душею разгадать, что ждетъ насъ за предѣлами гроба, и его мучилъ страхъ умереть не узнавъ этого.—Вдругъ явились къ нему Болгарскіе Магометане, Жиды, Хозары и Христіане изъ Рима и Греціи, выхваляя каждый свою вѣру. Онъ всѣхъ выслушалъ, но его тронули только слова Грека, и онъ отправилъ надежныхъ людей развѣдать каковы всѣ эти вѣры, что

можно чрезъ нихъ приобрести?—Когда они воротились съ полнымъ отчетомъ, онъ рѣшился самъ испытать, точно ли, какъ увѣряли они, исповѣдуемая Греками вѣра Христіанская, за соблюденіе заповѣдей ея обѣщая вѣчныя, небесныя награды, и въ здѣшнемъ мірѣ исполняетъ душу сладкими радостями. — Тщетно духъ тьмы старался поколебать его на пути къ истинѣ. Святое крещеніе внезапно преобразило свирѣпаго, развратнаго завоевателя въ кроткаго, великодушнаго отца народа. Онъ достойно стяжалъ имя святаго и великаго Монарха, и чтобы совершенно омылись проступки юныхъ лѣтъ его, когда онъ, принося людей въ жертву, почитаемымъ имъ кумирамъ, велѣлъ умертвить старшаго брата своего Ярополка, старшій сынъ его Ярославъ, Князь Новгородскій, въ послѣдствіе также великій, и конечно также горько раскаявшійся, не захотѣлъ ему повиноваться. Скорбь эта, можетъ быть, сократила жизнь его. Достоверно неизвѣстно, какихъ лѣтъ онъ скончался; полагаютъ шестидесяти трехъ, царствовалъ тридцать пять лѣтъ, восемь лѣтъ язычникомъ, и двадцать семь лѣтъ Христіаниномъ.

Въ одно почти время съ Десятинною церковью, сооруженною первымъ въ Россіи Христіанскимъ Государемъ, основанъ по близости, первымъ же въ ней Митрополитомъ, монастырь Михайловскій, въ честь Архангела Михаила, котораго имя носилъ онъ. — Нынѣшняя соборная церковь построена въ 1108 году Великимъ Княземъ Святополкомъ Изяславичемъ, во святомъ крещеніи Михаиломъ. Онъ ее съ особеннымъ великолѣпіемъ украсилъ снаружи и внутри, и съ тѣхъ поръ монастырь этотъ, по золотымъ главамъ его, прозванъ златоверхимъ. — Но опустошенія Татарскія и здѣсь почти совершенно истребили древнюю въ церкви мозаику, и все ново въ ней, кромѣ святыхъ мощей великомученицы Варвары, привезенныхъ въ Кіевъ супругою строителя храма, Греческою Царевною Варварою, дочерью Императора Алексѣя Комнина. Мощи эти почиваютъ подъ раззолоченнымъ, огромнымъ балдахиномъ въ придѣлѣ великомученицы, гдѣ всѣ ея жестокія страданія, за вѣру во Христа, изображены въ иконостасѣ, также богато украшенномъ золотою рѣзбою, по зеленой краскѣ.

Мы просили отслужить намъ молебень, и снова глубоко насъ тронуло служеніе Кіевское.

Въ Кіевѣ особенно хорошо читаютъ: когда служившій намѣстникъ произносилъ Евангельскія слова «просите и дастся вамъ», казалось мнѣ, что я слышу самага Спасителя, зовущаго меня къ, себѣ обѣщая мнѣ благодатную свою помощь. Невыразимо словами, что я тогда чувствовала! Послѣ молебна приложились мы къ ручкѣ великомученицы, и къ живописному лику ея, въ золотомъ окладѣ съ крупными алмазами и жемчугами. Два солитера положены Императрицами Елисаветой Петровной и Анной Іоанновной, и около всѣхъ вообще вкладовъ вырѣзано отъ кого получены они.—Неменѣе драгоцѣнна мѣстная икона Архангела Михаила, въ 1817 году, присланная Императоромъ Александромъ въ соборную церковь. Архангелъ представленъ въ золотомъ храмѣ, котораго столбы и своды украшены алмазами и рѣдкими аквамаринами. На золотой же рамѣ, серебряныя выпуклыя изображенія Святой Троицы, Архангеловъ, Ангеловъ, Херувимовъ и прочихъ небесныхъ силъ. Работа превосходная и золота десять фунтовъ. Иконостасъ этой церкви въ особенномъ вкусѣ, какъ будто укрѣпленъ на серебряныхъ древесныхъ стволяхъ, по которымъ вьются широкіе золотые листья; кругомъ богатая золотая

рѣзьба на голубой краскѣ. Царскія двери серебряныя кованныя, и на нихъ Благовѣщеніе и Евангелисты золотые.—По правую руку при дѣлѣ великомученицы Екатерины, также очень хорошо отдѣланъ образъ, въ серебряныхъ окладахъ, прекрасно написаны, особенно образъ Святой великомученицы.

Никто не ждалъ насъ дома; удовольствіе душевное спасало насъ отъ усталости, и мы воспользовались остаткомъ дня, чтобы еще погулять въ обширномъ Царскомъ саду, гдѣ уже не однажды любовались ненаглядными видами. Въ этотъ разъ не было въ саду никого, и я свободно обѣжала его, спускаясь въ глубокіе овраги по узкимъ дорожкамъ и поднимаясь на крутыя высоты.—Воздухъ Кіевскій мнѣ цѣлебнъ: день ото дня чувствую себя крѣпче и живѣе, не выпивъ ни одного стакана минеральной воды, даже не заглянувъ гдѣ ее пьютъ: мнѣ жаль было тратить на это время, въ которое могла я наслаждаться дивными картинами древнихъ памятниковъ и вѣчной природы Царственаго Кіева.—Любимая прогулка моя въ саду была не по тѣнистымъ аллеямъ, а по узкой тропѣ на берегу Днѣпра. Тамъ вдали блеститъ впадающая въ Днѣпръ Десна, и воды

ихъ, широко разлившись, кажутся почти моремъ, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, прелестно отражаются бѣлыя облака, скользяція по синему небу. Обѣ рѣки эти выходятъ въ Смоленской губерніи, и, какъ будто братъ съ сестрою, разлученные обстоятельствами, но связанные дружбою, побѣдивъ всѣ препятствія, навсегда соединяются въ виду Кіевскихъ Святыхъ, передавая другъ другу богатства земли Русской.

Я долго сидѣла въ открытой бесѣдкѣ, откуда видѣнъ весь Подоль и возвышающаяся надъ нимъ Андреевская гора, съ дивнымъ ея храмомъ, равно прекраснымъ вдали и вблизи. — Можно порадоваться, что графъ Растрелли захотѣлъ служить Россіи! Сколько славныхъ памятниковъ создалъ онъ у насъ, по волѣ Императрицы Елисаветы Петровны: подъ его рукою все принимало изящный видъ. — Не помню, гдѣ читала я, будто онъ умеръ въ большой бѣдности. Не хочется этому вѣрить. — Кроткая Елисавета, любя строить, вѣрно не оставила безъ награды искуснаго строителя. Неужели онъ не умѣлъ сберечь того, что достойно пріобрѣталъ? или и знаменитымъ архитекторамъ, какъ знаменитымъ поэтамъ, прославляя умомъ и да-

рваніемъ цѣлыя страны, суждено страдать отъ зависти, отъ обмана, или просто отъ холоднаго, убійственнаго равнодушія?

Мы были два раза въ церкви Андрея Первозваннаго. Это было необходимо, чтобы увидѣть очаровательную панораму, и въ яркій свѣтъ полуденный, и при закатѣ солнца. Прелестны виды изъ Царскаго саду; съ Андреевской паперти они еще несравненно прелестнѣе! Съ одной стороны старый Кіевъ со всѣми воспоминаніями славы его и страданій, съ обновленными его храмами, осѣненный крестами, какъ осѣняютъ мачтами корабль въ залогъ его безопаснаго плаванія; съ другой весь Подоль, какъ будто лежащій на самомъ Днѣпровскомъ хребтѣ, съ его прямыми улицами, съ его обителями и домами, напоминающей небывавшимъ, какъ я, въ Неаполѣ, раскрашенные Неаполитанскіе виды, и ближе къ тому мѣсту, гдѣ стояли мы, крутые берега завитнаго Борисоена, и плескъ его волнъ, и раскинутыя въ разныхъ мѣстахъ, неизвѣстныя на сѣверѣ, высокія, густыя деревья, легко качавшіяся отъ южнаго вѣтра.

Въ Петербургѣ платятъ деньги, чтобы въ сырыхъ, холодныхъ сараяхъ посмотреть грубо

намалеванные отрывки какихъ нибудь извѣстныхъ по книгамъ мѣстъ, и радуются, что получили о нихъ понятіе. Здѣсь, подѣ свѣтлымъ сводомъ небеснымъ, на чистомъ, благорастворенномъ воздухѣ, разстилались предѣ нами не бездушныя картины, выставленныя для сбора денегъ въ пользу какого нибудь странствующаго маляра, но живая природа, созданная Богомъ на утѣху человѣческую, украшенная усердіемъ къ Его святому имени.—И съ насъ ничего не просили, чтобы показать намъ эту дивную картину, и мы съ утра до ночи могли удивляться ей на мѣстѣ, освященномъ преданіемъ, гдѣ нѣкогда молился Апостолъ, чтобы тутъ жившіе, дикіе тогда народы познали истиннаго Бога, гдѣ водруженный имъ деревянный крестъ преобразился въ великолѣпный Христіанскій храмъ, зодчеству котораго будутъ дивиться отдаленныя потомки, прославляя щедрую набожность Русскихъ Государей.

Мы отслужили молебенъ Первозванному у насъ вѣстнику Божественнаго Евангелія, и этотъ третій въ Кіевѣ молебенъ, подобно двумъ первымъ, исполнилъ душу мою благоговѣйною сладостью. Мы были однѣ въ обширномъ, величественномъ храмѣ; одинъ священ-

никъ съ двумя причетниками совершалъ служеніе, но, молясь о насъ по нашей просьбѣ, онъ какъ будто молился о собственномъ благополучіи въ здѣшней и будущей жизни. Должно думать, что онъ не можетъ иначе молиться; что въ молитвенной часѣ, чуждые ему пришельцы, вмѣстѣ съ нимъ исповѣдающіе Спасителя міра, становятся ему близки.—Таковы должны быть служители алтарей. Нельзя этого требовать отъ всѣхъ; не должно унывать, видя сродное человѣчеству несовершенство, но тѣмъ болѣе должно радоваться, встрѣчая духовныхъ, проникнутыхъ чувствами Евангельскими.

Церковь Святаго Андрея Первозваннаго заложена была Императрицей Елисаветой Петровной, въ бытность Ея въ Кіевѣ, въ 1744 году; фундаментъ ея чрезвычайно глубокъ, и вообще, заботясь о ея прочности, строили ее двадцать три года. Она освящена при Екатеринѣ II въ 1767 году, Августа 19, Митрополитомъ Арсеніемъ Могиланскимъ. Теперь снова начались около нее работы, чтобы высокое ея подножіе украсить достойною храма величественною лѣстницею.

Мы во второй разъ пріѣхали къ Андрею Первозванному изъ Вознесенскаго дѣвичьяго

монастыря, на Подолѣ, гдѣ слушали конецъ обѣдни. Я надѣялась тамъ увидѣть воспитанную въ Патриотическомъ институтѣ монахиню Филарету, родную сестру моей Смольновской любезной подруги; но мы разъѣхались; она сама отправилась ко мнѣ, и мы провели время съ двумя благородными игуменьями, мѣстною, и приѣхавшею къ ней на успокоеніе, бывшею Тульскою. Первая показала намъ вновь отдѣланную церковь съ двумя придѣлами, куда она выписала, чрезъ путешествовавшаго въ Италиі ея родственника, мраморный полъ изъ бѣлаго и сѣраго мрамора. Его привезли на корабль въ Одессу, а оттуда сухимъ путемъ въ Кіевъ, и онъ весь обошелся въ десять тысячъ рублей ассигнаціями. Величественно и прекрасно. Издержка эта окупится: въ Десятинной церкви отчасти употребленъ на полъ мраморъ древней церкви Владиміровой.

Вознесенскій дѣвичій монастырь основанъ былъ, въ 1566 году, монахомъ Іоанномъ Богушемъ Гулькевичемъ, противъ Печерской лавры, гдѣ теперь арсеналь. Въ 1712 году, по указу Петра Великаго; перенесенъ онъ на Подолъ, гдѣ прежде было его подворье съ домовою церковью во имя Флора и Лавра, по которой

онъ сталъ называться Вознесенскимъ Флоровскимъ, и теперь извѣстенъ подъ именемъ послѣдняго. Онъ расположенъ подъ горою Киселевкою, съ одной стороны закрывающею городъ и суетный шумъ его; но по чрезвычайной внутри тѣснотѣ, уже начинаютъ селиться на скатѣ горы въ садахъ.—Во Флоровскомъ монастырѣ, какъ почти вообще во всѣхъ женскихъ монастыряхъ, прекрасно вышивають. Мы видѣли въ лаврѣ жемчужную архіерейскую митру здѣшней работы, которая сдѣлала бы честь искусному ювелиру.

ПХ

XII.

**БРАТСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ИНСТИТУТЪ, УНИВЕРСИ-
ТЕТЪ, ЕЩЕ ЛАВРА, НИКОЛЬСКІЙ МОНАСТЫРЬ.**

На Подолѣ нѣсколько монастырей, но мы успѣли побывать только во Флоровскомъ и Богоявленскомъ Братскомъ, служившемъ образцемъ описанному мною Могилевскому Братскому монастырю. Онъ былъ у насъ разсадникомъ просвѣщенія, и приятно вспоминать, что

женщина, жена Маршалка Мозырскаго, Анна Гугулевичевна, когда сгорѣло открытое при Богоявленской церкви на Подолѣ Кіевскимъ Братствомъ училище, возстановила его собственнымъ иждивеніемъ, учредивъ при немъ еще странноприимный домъ для заграничныхъ богомольцевъ восточнаго исповѣданія.

Братское училище особенно процвѣтало при Митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, который, бывъ еще Кіевопечерскимъ архимандритомъ, принялъ званіе старшаго брата, опекуна, смотрителя и защитника этого заведенія; послѣ него оно опять упало, такъ, что ученики принуждены были кормиться подаеніемъ. Они пѣли по улицамъ духовные стихи, или по домамъ представляли комедіи и трагедіи, что продолжалось даже до исхода прошедшаго столѣтія (а).—Обращенному наконецъ въ академію Братскому училищу впервые положено было, при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, годовое содержаніе отъ казны, по пятидесяти рублей деньгами и по пятидесяти четвертей хлѣба, что потомъ постоянно увеличивалось, и въ 1786 году было отпущено уже восемь тысячъ четыреста рублей.—Когда же, въ 1811 году, во время же-

(а) Описаніе Кіево-Софійскаго собора.

стокаго въ Кіевѣ пожара, истребившаго почти весь Подоль, сгорѣлъ и Братскій монастырь съ академіей, Императоръ Александръ на восстановление его пожаловалъ болѣе полутора тысячь рублей, и теперь вовсе не осталось слѣдовъ ужаснаго бѣдствія: по всему монастырю разрослись густыя деревья, и снова можно любоваться прекраснымъ зданіемъ, гдѣ помѣщается академія.

Щедротамъ покойнаго Императора обязанъ своимъ возобновеніемъ и Флоровскій монастырь, послѣ пожара обстроенный гораздо лучше прежняго на пожалованныя ему, въ 1812 году, сто тридцать три тысящи рублей. Лавра Печерская послѣ пожара обновлена Петромъ Первымъ; сгорѣвшіе монастыри Братскій и Флоровскій обновлены Александромъ Первымъ. Какія имена! Какія воспоминанія! Побѣдитель Наполеона, побѣдившаго Европу, и побѣдитель Карла XII, также грозившаго сокрушить все на пути своемъ, оба исполненные любви къ своему народу, среди обширныхъ заботъ внутри и внѣ отечества, были и ревностными блюстителями храмовъ Божіихъ.—Богъ наградилъ ихъ набожностью, благословивъ ихъ великіе подвиги, но покаралъ предателя. Замы-

шляя измѣну Казацкій гетманъ Мазепа строилъ церкви и богато надѣлялъ ихъ, чтобы лицемѣрнымъ усердіемъ къ вѣрѣ приманить къ себѣ народъ, можетъ быть безумно льстясь заслужить этимъ и милость Провидѣнія.—Господь дѣйствительно явилъ ему свое милосердіе, продливъ жизнь его, чтобы онъ имѣлъ время раскаяться въ своихъ преступленіяхъ среди скорбнаго изгнанія, на которое самъ осудилъ себя, промѣнявъ завидную дѣйствительность на дерзкія, несбыточныя мечты.—Петръ искренно любилъ его и во всемъ ему вѣрилъ; по его доносамъ казнены Искра и Кочубей, желавшіе предупредить его измѣну. Мнѣ показали могилу ихъ въ лаврѣ у церкви святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Я низко поклонилась ей, несомнѣваясь, что самъ Петръ усердно молился тутъ, слишкомъ поздно узнавъ какъ нагло былъ онъ обманутъ вѣроломнымъ Мазепою.—И кто бы могъ вообразить это? По однѣмъ постройкамъ его, которыя видѣли мы въ Черниговѣ и въ Кіевѣ, Мазепа долженъ былъ казаться достойнымъ довѣренности Государя. Огромныя церкви во имя Святыхъ Троицы въ Черниговскомъ, и во имя Богоявленія въ Кіево-братскомъ монастыряхъ, съ обширною оградой

около Печерской лавры, и другими зданіями и вкладами, показываютъ, что, не жалѣя денегъ, Мазепа умѣлъ выбирать и искусныхъ людей для исполненія его намѣреній.

Мы были въ Братскомъ монастырѣ только въ соборной церкви. Въ ней прикладываются къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, приплывшей по Днѣпру изъ Вышгорода, за десять верстъ отъ Кіева, гдѣ, въ 1662 году, Поляки съ союзниками ихъ, Татарами, ограбили церковь. Предъ этою иконою, съ которой я имѣла счастье получить въ благословеніе списокъ, каждую субботу читаютъ акаѣистъ. Надъ царскими дверьми виситъ крестъ, данный Іерусалимскимъ Патріархомъ Теофиломъ, въ 1620 году, прожившимъ около года въ Кіевѣ, гдѣ онъ заслужилъ благодарность современниковъ и потомства, посвятивъ Михайловскаго игумна Іова Борецкаго въ Кіевскіе Митрополиты, по просьбѣ духовенства и народа, цѣлые двадцать пять лѣтъ не имѣвшихъ Митрополита, отъ чего жестоко гонимая церковь Православная совершенно гнула, не имѣя даже нужнаго числа священниковъ.

Отрадно побывать въ Кіевѣ по слѣдамъ святыхъ и великихъ мужей, подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали они! Сладокъ воз-

духъ Кіевскій! Въ немъ какъ будто витають частицы благодати, по которой предки наши познали истиннаго Бога и истинную цѣль жизни человеческой. — Цѣлительна и природа Кіевская! На берегахъ Днѣпра, въ срединѣ города, на улицахъ и въ домахъ, всюду можно любоваться прелестными, разнообразными картинами. — Новѣйшія зданія, какъ и самыя древнія, на живописныхъ мѣстахъ. Изъ Екатерининскаго института, построеннаго на горѣ, обсаженной высокими, пирамидальными тополями, видны на другихъ горахъ Царскій садъ, гдѣ теперь пользуются искусственными минеральными водами, и прекрасной архитектуры новый костелъ Латинскій, свидѣтельствующій свободное въ Россіи вѣроисповѣданіе, и древній щитъ Православія, залогъ его непоколебимости, святая Софія Ярославова съ ея пятнадцатью главами. Между горами какъ чистое зеркало свѣтится вдали Днѣпръ и видѣнъ въ оврагѣ крещатикъ.

Университетъ святаго Владиміра, обширное и великолѣпное зданіе, за старымъ Кіевомъ, также имѣетъ завидное мѣстоположеніе, на горѣ вновь населяемой. Вдали блестятъ золотыя главы лавры, а ближе видны съ разныхъ сторонъ Михайловскій монастырь, Со-

фійскій соборъ, и еще церкви, и дома, и небольшіе домики, и строящаяся громадная крѣпость, и наконецъ остатокъ золотыхъ воротъ Ярославовыхъ. Половцы содрали покрывавшіе ихъ золоченые мѣдныя листы, вообразивъ, что они золотые, и они, разрушенныя ими, долго были погребены въ крѣпостномъ валу, которымъ Кіевъ огражденъ былъ въ исходѣ XVII столѣтія.—Валъ этотъ былъ исправленъ графомъ Минихомъ, во время войны съ Крымцами, но и онъ не позаботился открыть засыпанныя древнія ворота, и они снова показались на свѣтъ уже въ 1832 году, по старанію извѣстнаго учеными его трудами покойнаго Митрополита Кіевского Евгенія.—Надъ этими воротами, отъ которыхъ остались только двѣ стѣны съ частию свода, была церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, также сооруженная Великимъ Княземъ Ярославомъ, «да всегда радость граду «тому Святымъ Благовѣщеніемъ будетъ, молитвами Пресвятыя Богородицы и Святаго Архангела Гавріила, радости благовѣстника» (а).

Церковь эта давно разрушилась, но надежда Княжеская не погибла. Много было скорбей съ

(а) Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской Іерархіи 1825.

фійскій соборъ, и еще церкви, и дома, и вышнїе домики, и строившаяся громадная крѣпость, и наконецъ остатки золотыхъ воротъ Ярославовыхъ. Половцы содрали покрывавшія золоченые медные листы, и образцы, кои они золотые, и они, раздробивши ихъ, были погребены въ крѣпостномъ валу, которымъ Кіевъ огражденъ былъ въ исходѣ XVIII столѣтія.—Валъ этотъ былъ исправленъ графомъ Минихомъ, во время войны съ Крымцами, но и онъ не позаботился открыть засыпанныя древнія ворота, и они снова показались на свѣтъ уже въ 1832 году, по старанію извѣстнаго учеными его трудами покойнаго Митрополита Кіевскаго Евгенія.—Надъ этими воротами, отъ которыхъ остался только двѣ стѣны съ частию свода, была церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, также сооруженная Великимъ Княземъ Ярославомъ, «да встѣхъ радосте гряде къ тому Святимъ Благовѣщенскѣмъ будещь, во славу святи Пресвятыя Богородицы и Святыхъ христева Гавриила, радосте блговѣщенія».

Церковь эта была разрушена въ 1832 году Княжескою не волями. Много было скорбей съ

(а) Описаніе Кіевской крѣпости и Кіевскихъ церквей 1825.

Врата восточныя въ Кіевѣ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМ. ДАНИЛА ЧЕРНИКОВА

тѣхъ поръ, какъ въ бѣдственный день, Ноября 6, 1240 года, овладѣлъ Кіевомъ Батый, и послѣ того цѣлые вѣка томился онъ подъ чуждымъ игомъ, то подъ властію Татаръ, оставившихъ Кіевскимъ Князьямъ одно только названіе, то подъ властію Литвы и Польши, отнявшими у Кіева и самое имя Княжества. Немилосердо угнетаемая, день ото дня слабѣла церковь Православная и уменьшалось число ея прихожанъ: можно было ожидать, что она совершенно исчезнетъ, увидя Митрополита Михаила Рагозу, преклонившаго колѣна предъ Папою, въ чаяніи отъ него земныхъ выгодъ, или устрашась жестокихъ гоненій.—Но какъ въ древнемъ Римѣ гоненія на Христіанъ утверждали въ нихъ благочестіе, такъ и жестокости Уніи, исполняя святою ревностью духовенство и народъ, пробуждали въ нихъ желаніе быть снова подданными преемниковъ Владиміра равноапостольнаго, подъ державою которыхъ въ обширной Россіи счастливо исцѣлились глубокія раны Татарскія и цвѣло Православіе. Горячія желанія присоединиться къ родной землѣ таились во глубинѣ сердецъ; никто не смѣлъ выговорить, чего желаетъ. Заstraщенные, робкіе, всѣ молчали: только мысленно

всѣ обращали взоры на престольную Москву, какъ въ жестокою бурю плователи простираютъ руки къ мелькающему вдаль берегу.

Не одни только Русскіе предпочитали вѣру гонимую вѣрѣ торжествующей: Молдавскій князь Петръ Могила и Инокентій Гизель, уроженецъ Прусскій, въ совершенныхъ уже лѣтахъ, по сердечному убѣжденію изъ Реформатскаго исповѣданія перешедшій въ Греческое (а), такъ же ревностно защищали Православіе, какъ Никифоръ Туръ, Архимандритъ Печерскій, Гедеонъ Болобанъ, Епископъ Львовскій, и многіе другіе. Вдругъ, — самимъ Провидѣніемъ избранный, въ бѣдственныя времена эти, на спасеніе страждущихъ знаменитый гетманъ Казацкій Зиновій-Богданъ Михайловичъ Хмельницкій, имя котораго должно быть вѣчно дорого и Русскимъ и Малороссіянамъ, не однажды разбивъ Польскія войска, потребовалъ отъ присланныхъ къ нему въ Переяславль, повѣренныхъ Короля Яна Казимира, преемника Владислава IV, совершеннаго уничтоженія Уни, и чтобы воеводы Кіевскіе всегда были Греческаго исповѣданія. Это было ему обѣщано. — Когда же не исполнили данныхъ обѣ-

(а) Исторія Россійской Іерархіи, часть II.

щаній, и послѣ урона, испытаннаго гетманомъ, возобновились жестока притѣсненія, непоколебимый Хмельницкій, убѣдясь, что одна Россія можетъ спасти вѣру и народъ отъ совершенной гибели, 8 Января 1654 года, съ бывшими при немъ казаками, торжественно провозгласилъ въ Переяславлѣ Царя Алексѣя Михайловича своимъ Государемъ. Вся Малороссія послѣдовала его примѣру, и 14 Января, въ присутствіи Хмельницкаго, добровольное подданство утверждено было присягою въ Кіевской Печерской лаврѣ. — Нетлѣнно въ ней почивающіе Святые Угодники были свидѣтелями этой присяги; вѣковая борьба рѣшилась; правое дѣло восторжествовало! И не въ тѣсной только церкви, — въ цѣломъ городѣ разнеслись радостныя вѣсти: «молитвами пресвятыя Богородицы и святаго Архангела Гавриила радости благовѣстника!»

И грустно, и весело вспоминать прошлое; но, вспоминая его, можно твердо надѣяться, что Господь особенно хранитъ Россію, что всякая ея потеря отыщется съ избыткомъ, хотя бы между тѣмъ протекли цѣлые вѣка! — Счастливы юноши, которые въ часы отдыха и забавъ, любуясь дивною природою, видятъ предъ собою древ-

ніе и новые памятники, равно свидѣтельствующіе намъ милость Провидѣнія, святость вѣры Православной и доблести Царей нашихъ и народа! Нетрудно имъ научиться добру, легко можно почувствовать, какъ славно и сладостно называться Русскимъ!

Въ университетѣ Святаго Владиміра, открытомъ по волѣ Государя Императора въ 1833 году, на полномъ казенномъ содержаніи воспитывается сто тридцать человѣкъ; кромѣ того, по милости Монаршей, небогатые студенты пользуются еще, изъ особой суммы, квартирою и прислугою, платя за свое продовольствіе ежемѣсячно бездѣлицу. Число учащихся быстро возрастаетъ; въ 1840 году было учениковъ и слушателей только сто пятьдесятъ, а въ 1844 году уже четыреста три.—Нѣсколько лѣтъ помѣщавшись въ наемныхъ домахъ, университетъ, съ 1842 года, занялъ вновь для него построенное, по плану архитектора Беретти, обширное зданіе, снаружи и внутри равно величественное. Парадная зала, украшенная портретомъ Августѣйшаго основателя университета, около двадцати сажень въ длину и болѣе пяти въ ширину, съ десятью окнами на сторонѣ. Библіотека, также очень обширная, заклю-

чаетъ около восьмидесяти тысячъ книгъ на разныхъ языкахъ, и между ними много рѣдкихъ и драгоценныхъ изданій. — Ничего не понимая въ минералогіи, я только полюбовалась изъ оконъ минералогическаго кабинета прелестными видами, но съ большимъ удовольствіемъ останавливалась въ комнатѣ, гдѣ собраніе птицъ, и кажется не соскучила бы разсматривать ихъ нѣсколько дней сряду. Особенно полюбились мнѣ царская иволга, изъ Новой Голландіи, съ черною, точно прикритою бархатомъ, головою, и съ крыльями на половину золотыми, на которыя какъ будто наброшена косынка, и разноцвѣтныя птички Бразильскія, у которыхъ синія, малиновыя, черныя, зеленыя и золотыя перышки прелестно перемѣшаны: такъ и хочется приласкать ихъ.—Собраніе животныхъ не такъ богато. Между ними замѣчательны зубры или дикіе воны, которые, какъ сказывали мнѣ, въ Россіи водятся только въ Гродненской губерніи въ Бѣловежскомъ лѣсу, и прелестная лань, сдѣланная Шустерусомъ. Чучелы его превосходны, точно живыя.—Еще видѣли мы разныя вещи, изъ разныхъ мѣстъ прибрѣтенныя; между прочими найденные въ кожаномъ мѣшечкѣ, у развалинъ Феодоровскаго монастыря, въ старомъ

Кіевѣ, построенаго, близъ монастыря Михайловскаго, Великимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, золотой образъ, величиною съ серебряный рубль, крестикъ, нѣсколько перстней, и три гривны Кіевскія изъ чистаго серебра, но совсѣмъ почернѣвшія. Это просто слитки, въ срединѣ шире, а по краямъ уже: вѣсу въ каждомъ около сорока золотниковъ.—Мнѣ показался также любопытнымъ желѣзный походный котелъ, по преданію принадлежавшій Іоанну Собіескому, съ выпуклыми фигурами и цѣпью, на которой висѣлъ онъ на возу, или на лошади. Онъ служилъ вмѣстѣ и самоваромъ и погребцомъ; въ одномъ отдѣленіи возили посуду, въ другое клали горячіе уголья, и надъ ними кипятили воду.

Не имѣя времени посмотреть окрестности Кіева, мы употребили нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы взглянуть на арсеналъ, огромное зданіе, заложенное при Императрицѣ Екатериинѣ и конченное, чрезъ двѣнадцать лѣтъ, при Императорѣ Павлѣ. Оно замѣчательно уже тѣмъ однимъ, что его постройка, подъ присмотромъ Генерала Бегичева, стоила казнѣ менѣе ста тысячъ рублей: весь кирпичъ былъ сдѣланъ солдатами. Кстати должно замѣ-

тить, что Кіевскій кирпичъ необыкновенно крѣпокъ и почти бѣлый. Построенные изъ него дома можно не штукатурить, но это некрасиво, и новое строеніе кажется ветхимъ.

Пріятно пройти по обширнымъ заламъ арсенала, изъ которыхъ двѣ слишкомъ по семидесяти сажень; ихъ поддерживаютъ каждую тридцать шесть столбовъ, которые, какъ и стѣны, кругомъ унизаны оружіемъ: однихъ ружей слишкомъ восемьдесятъ тысячъ. Намъ все показывали и объясняли самымъ обязательнымъ образомъ, не скучая моимъ любопытствомъ: ничего въ этомъ не понимая, только горячо любя отечество, я не могла смотрѣть безъ вниманія на приготовленныя средства къ его оборонѣ.

По выѣскамъ должно думать, что здѣсь по крайней мѣрѣ десять модныхъ магазиновъ, но мы не были ни въ одномъ, едва успѣвъ, на Подолѣ, купить сухаго варенья у женщины, особенно славящейся своимъ искусствомъ. Лавка у нее тѣсная и очень ненарядная, и она, побожившись, что торгъ ея только что ее кормить, изумила насъ, сказавъ, что сама платитъ за фунтъ клубники три рубля ассигнаціями. Правда, такой клубники не увидишь въ

Петербургъ; но все-таки, особенно въ Кіевѣ, цѣна неимовѣрная. Сухое варенье изъ разныхъ ягодъ и плодовъ купили мы по рублю серебромъ фунтъ, и это казалось намъ довольно дорого, пока мы не узнали его совершенство: мы имъ лакомились, путешествуя въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Крыму, и до самаго пріѣзда, въ половинѣ сентября, въ Ярославль, и оно нисколько не высохло отъ жаровъ, и не потеряло вкуса отъ сырости: этого не выдержали бы никакіе Петербургскіе конфекты. Совѣтую путешественникамъ запастись въ Кіевѣ сыропомъ; большая бутылка стоитъ два рубля съ полтиною ассигнаціями, и сыропъ, превосходный для питья съ водою въ жаркое время, также очень проченъ. Сухое здѣшнее варенье славится по всей Россіи, но немногіе знаютъ, что и въ Смоленскѣ готовятъ такое же варенье, неуступающее Кіевскому.

Жителей въ Кіевѣ пятьдесятъ тысячъ, не считая войска, постоянно находящагося, число котораго выше двѣнадцати тысячъ. Притомъ ежегодно сюда стекается отъ семидесяти до ста тысячъ богомольцевъ и работниковъ. Но по пространству города здѣсь много еще пустыхъ мѣстъ и нельзя угадать такого населенія.

Пріѣзжіе всюду за все платятъ дорого. Рѣшившись въ Кіевѣ говѣть, мы остановились въ ближайшей къ лаврѣ гостинницѣ Зеленой, гдѣ за двѣ большія, ненарядныя комнаты въ сутки платили по два рубля серебромъ. Столъ, кофе и чай, во всѣхъ вообще гостинницахъ по одной цѣнѣ, назначаемой правительствомъ, только не вездѣ одинаково хорошо. Намъ рѣдко случалось отвѣдывать гостинничное угощеніе, а экипажей мы и совсѣмъ не нанимали, всюду пользуясь самымъ любезнымъ гостепривѣтвомъ. Жить въ Кіевѣ домомъ очень дешево; фунтъ говядины теперь три копейки серебромъ, а куль ржаной муки рубль семьдесятъ семь копѣекъ. Осенью гусей продаютъ по десяти копѣекъ, а пару хорошо выкормленныхъ куръ отъ пятнадцати до двадцати копѣекъ.—Купцовъ миліонщиковъ здѣсь нѣтъ, особенно между Кіевлянами; самые богатые иногородные торгуютъ чугунными и желѣзными издѣліями, лѣсомъ и краснымъ товаромъ.—Изъ губерніи, въ хорошіе годы, отпускается хлѣба, наиболѣе пшеницы, въ Одессу, до пяти сотъ тысячъ четвертей, а въ Вольну и въ Царство Польское до трехъ сотъ тысячъ головъ рогатаго скота; также отпускаютъ въ Николаевъ, Херсонъ и

другія мѣста хлѣбное вино, бревна и дрова, сало, солонину, масло, деготь, кожи, сукна и деревянную посуду.

Въ Кіевѣ зимою особенно весело въ Крещенскую ярмарку, болѣе извѣстную подъ именемъ контрактовъ. Тогда привозятъ изъ внутреннихъ губерній и изъ-за границы много товаровъ, и съѣзжающіеся помѣщики сбываютъ оптомъ сельскія свои произведенія, продаютъ или покупаютъ имѣнія, и отдаютъ ихъ въ аренды. Такіе обороты и сдѣлки простираются иногда гораздо выше милліона рублей серебромъ.

Юля 25.

Въ пятомъ часу утра ждала уже насъ карета почтеннаго губернатора Ивана Ивановича Фундуклея, чтобы отвезти въ лавру, гдѣ мы вчера слушали вечерню и всенощную въ домово́й церкви митрополичей, во имя Святителя Митрофана, готовясь къ приобщенію Святыхъ Тайнъ, чего мы и удостоились сегодня за раннею обѣдней. Это великое счастье раздѣляли съ

нами болѣе двадцати человекъ, и между ними нищіе, о которыхъ я уже писала, что, напившись въ лаврѣ благоговѣйными мыслями, они вовсе непохожи на бродягъ, часто докучающихъ въ столицахъ своимъ притворствомъ или наглостью. Ихъ бѣдныя рубища и радостныя лица возвеличивали святость Таинства, завѣщаннаго Христомъ Спасителемъ, всѣхъ наравнѣ призывающимъ къ своей Божественной трапезѣ.

Прощаясь съ нами, Митрополитъ съ отеческою ласкою одѣлилъ насъ святыми иконами и книгами, и по просьбѣ моей приказалъ еще принести монастырскаго хлѣба, имѣющаго особенно пріятный вкусъ и питательность. Принявъ благословеніе кроткаго святителя, мы въ послѣдній разъ пошли приложиться къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, и, помолившись въ Успенскомъ соборѣ, зашли къ преосвященному Юсифу, который за нѣсколько лѣтъ оставилъ любезную ему паству Смоленскую, чтобы въ обители Печерской заняться единственно созерцаніемъ дивнаго міра Божія и дивныхъ подвиговъ Его святыхъ угодниковъ. Отрекшись земныхъ отличій, Преосвященный, съ прежнею его привѣтливостью, принимаетъ странниковъ, участвуя притомъ во всемъ, что

касается до пользы отечества и ближнихъ. Онъ зналъ покойную сестру мою игуменью, и очень тронувъ меня своимъ лестнымъ о ней отзывомъ, подарилъ мнѣ изданный за три года Паломникъ Кіевскій, или краткій путеводитель по монастырямъ и церквамъ Кіевскимъ. Жаль очень, что я прежде не знала объ этой полезной книжкѣ, по которой тотчасъ можно отыскать, гдѣ находится какая святыня, съ краткимъ объясненіемъ.

Провожавшій насъ по пещерамъ и потомъ въ ризницу, почтенный намѣстникъ лавры, архимандритъ Лаврентій, проводилъ насъ за ворота. Тутъ нѣкогда, въ нищенской одеждѣ, какъ будто изъ милости, выпросивъ себѣ должность привратника, скрывался внукъ основателя Успенскаго Печерскаго собора, Великаго Князя Святослава Ярославича, святой Черниговскій Князь Николай Давыдовичъ.— Построенныя имъ ворота съ церковью, во имя Святыя Троицы, и близъ нее богадельня, разрушены были Татарами, но въ послѣдствіе возстановлены въ память угодника, святые останки котораго почиваютъ въ пещерахъ преподобнаго Антонія. До вступленія въ монастырь, храбрый Князь отразилъ отъ Владимира

Давида, Князя Дорогобужскаго, и потомъ, будучи инокомъ, незадолго до кончины, въ 1142 году, по просьбѣ Великаго Князя Всеволода, убѣдилъ своихъ и его братьевъ, опустошавшихъ Переяславскую область, прекратить ссоры ихъ (а). У него была дочь, въ супружествѣ за Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Владиміра Мономаха, но любовь къ ней не могла удержать его въ мирѣ: онъ предпочелъ его утѣхамъ труды, постъ и нищету, твердо надѣясь въ будущемъ сугубаго вознагражденія, по словамъ Христа Спасителя, что всякъ, кто оставитъ домъ, имѣніе и семейство «имени Его ради, сторицею приметъ, и животь вѣчный наслѣдитъ (б)».

Намъ обѣимъ грустно было проститься съ лаврою, можетъ быть, на всю жизнь. Не смѣемъ льститься, что еще въ ней побываемъ, но, узнавъ ее, горячѣе прежняго желали бы въ ней долѣе погостить.—У воротъ стояли старики и увѣчные, съ которыми мы всякій день здѣсь встрѣчались: и они молили Бога даровать намъ

(а) Словарь Историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви.

(б) Святое Евангеліе отъ Матвея.

счастливымъ путь, и эта молитва еще умножила глубокое наше умиленіе.

По совѣту преосвященнаго Юсіфа, заѣхали мы въ монастырь Никольскій, основанный сыномъ Владиміра Мономаха, Княземъ Мстиславомъ. Въ немъ поправляли соборъ, и онъ такъ былъ загроможденъ, что мы только приложились къ чудотворной иконѣ святителя Николая, и чрезъ огородъ пошли на берегъ Днѣпра, гдѣ городское кладбище при церкви, принадлежащей монастырю, также во имя святителя Николая, именемъ котораго названъ былъ во святомъ крещеніи сподвижникъ Рюрика, несчастный князь Аскольдъ, убитый Олегомъ, воспитателемъ малолѣтнаго сына Рюрика, Игоря, чтобы упрочить ему Кіевъ.—Тутъ была деревянная церковь, по преданію первоначально построенная святою княгинею Ольгою, на могилѣ Аскольдовой, и потомъ неоднократно возобновляемая. Нынѣшняя каменная церковь существуетъ съ 1808 года. Она на скатѣ горы, близъ Днѣпра, и я не рѣшилась до нея дойти, начиная чувствовать большую усталость; могу только сказать объ ней, что она совершенно круглая и обведена колоннами. Отсюда видны и Подоль, и обсаженная тополями новая

дорога въ Козелецъ. Впередѣ, на противоположномъ плоскомъ берегу Днѣпра, по окаймленнымъ темнымъ лѣсомъ лугамъ, свѣтятся зеркальные остатки широкихъ разливовъ рѣки. Картина прелестная; по берегъ, откуда мы любовались ею, каждый годъ осыпается; не однажды отрывались у него глыбы земли и съ деревьями, которыя продолжаютъ расти въ ложницѣ, гдѣ разведены гряды и пасутся коровы. Я стояла на самомъ краю обрыва подъ густымъ грушевымъ деревомъ, охватя его рукою. Около него уже много разсѣлинь, и оно вѣрно опрокинется при первомъ сильномъ дождѣ съ вѣтромъ. Страшно было глядѣть въ низъ; казалось, тотчасъ упадешь туда; но какая-то особенная, таинственная воля удерживала меня на этомъ мѣстѣ:—я такъ живо тутъ чувствовала, что провидѣніе, и одно оно, всюду можетъ защитить насъ.

Мы воротились въ одиннадцатомъ часу въ гостиницу, гдѣ ждалъ насъ іеромонахъ Савватій, по просьбѣ моей принскавшій мнѣ акаѳистъ Успенія Божіей Матери. Это было наше послѣднее прощанье съ Лаврою, и намъ сладостно было получить еще въ благословеніе отъ почтеннаго старца двѣ иконы, вырѣзанныя на деревѣ. Ихъ отсюда вывозить, какъ изъ

Иерусалима рѣзня по перламутру: это особенная принадлежность двухъ святыхъ городовъ. Но работа Кіевская несравнено тщательнѣе и искуснѣе, что должно приписать не столько трудности обработать перламутръ, изъ котораго я сами имѣю прекраснѣйшій образъ, сколько бѣдственному состоянію Иерусалимскихъ Христіанъ, едва имѣющихъ средства добывать насущный хлѣбъ подъ жестокимъ ярмомъ Магометанскимъ, убивающимъ всѣ высокія стремленія ума и сердца.

Я не въ силахъ была ѣхать на экзаменъ въ гимназію, куда приглашалъ меня попечитель университета, князь Давыдовъ, знавшій меня при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ въ Твери, гдѣ онъ служилъ у Принца Георгія Ольденбургскаго. Еще нашла я въ Кіевѣ давнишнюю знакомую, бывшую фрейлиною, графиню Меллину. Она звала насъ совѣмъ у нее помѣститься, но это было бы намъ неудобно говѣя въ лаврѣ, отъ которой гостиница Зеленая вдвое ближе; мы только часто пріятно у нее отдыхали послѣ продолжительныхъ, любопытныхъ нашихъ утреннихъ прогулокъ.

Въ пять часовъ отправились мы изъ Кіева, исполненныя признательности за радушный

пріемъ, и за доставленные средства видѣть все наиболѣе достойное вниманія въ духовномъ и свѣтскомъ мірѣ. — Отѣхавъ нѣсколько верстъ, вышли мы изъ кареты, чтобы издали еще поклониться Святѣнямъ Кіевскимъ, и поручили ямщику опять остановиться, когда въ послѣдній разъ можно будетъ видѣть лавру. Это было за пятнадцать верстъ, — золотые кресты и главы Печерскія ярко блистали на солнцѣ, какъ будто спустившись съ небесъ, чтобы охранять и радовать вѣрующихъ. — Я повернулась на землю, отъ всей души благодаря Творца, что сподобилъ меня увидѣть завѣтныя Святѣни, о которыхъ съ младенчества мечтала, угадывая, какою сладостью посѣщеніе ихъ исполнитъ мою душу!

го холста съ длинными, широкими рукавами, обобранными тѣмъ же холстомъ, вышита была, около ворота и на плечахъ, синею и красною бумагою; сверхъ полной, длинной полосатой юбки былъ на ней ситцевый, пестрый передникъ; шея была обвѣшана бѣлыми, розовыми и сребристыми бусами, крупнымъ, чернымъ бисеромъ и неровными, настоящими корольками. На головѣ были у нее полевые цвѣты, и заплетенные въ двѣ косы волосы были перевиты широкими красными тесемками, отъ которыхъ сзади висѣли длинные концы.—Въ здѣшней сторонѣ любятъ носить живые цвѣты. Маленькія дѣвочки ходятъ въ вѣнкахъ, или съ пучкомъ цвѣтовъ, заткнутымъ за платокъ, которымъ нѣкоторые повязаны.—Крестьянки накрываютъ здѣсь повойникъ серпянкою, иногда и небѣленою, подвязывая ее на шеѣ, а сзади опуская неразрѣзанные концы.—У мужчинъ на смурыхъ кафтаннахъ кашпоны, по здѣшнему кобеняки, иногда отороченные чѣмъ нибудь цвѣтнымъ. Молодцовъ немного, и лошади у нихъ невзрачныя; но только что сядутъ они верхомъ, и конь и всадникъ точно переродятся: любо смотрѣть на нихъ, какъ они несутся по полю, исчезая въ пыли, которая поднимается около нихъ.

ХІІІ.

ВАСИЛЬКОВЪ, АЛЕКСАНДРІЯ, БѢЛАЯ ЦЕРКОВЬ,
ТАРАЩА, ТАЛЪНОЕ.

Юня 24.

Мы ночевали за тридцать семь верстъ отъ Кіева, въ Васильковѣ, въ пустомъ домѣ, откуда хозяева на время уѣхали въ деревню. По утру принесла намъ самоваръ и сливки молодая дѣвушка, нарядившаяся къ обѣднѣ. Мнѣ захотѣлось описать нарядъ ея, и ей было это очень пріятно. Рубашка ея изъ бѣлаго, плотна-

Васильковъ, со многими другими городами, основанъ святымъ Владиміромъ, который, построивъ въ немъ, по обѣщанію, церковь Спаса Преображенія, за чудесное спасеніе свое въ этотъ день отъ Печенѣговъ, цѣлую недѣлю праздновалъ здѣсь со своими боярами, щедро притомъ одѣвая бѣдныхъ (а). Онъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ въ 1795 году. Улицы въ немъ песчанья, но мѣстоположеніе пріятное на холмахъ. Въ немъ съ давнихъ временъ три церкви. Удивительно, какъ онѣ существуютъ въ такомъ небольшомъ городкѣ, отчасти населенномъ Жидами. Можно приписать это молитвамъ родившагося здѣсь преподобнаго Θεодосія Печерскаго, одного изъ величайшихъ угодниковъ земли Русской, славнаго не строгою только иноческою жизнью, но и дѣлами, полезными церкви и ближнимъ. Соборъ каменный о пяти главахъ. Мы не застали въ немъ обѣдни, но еще не разошелся народъ, и крестьяне съ большою набожностью служили молебны.

Уходя изъ церкви, мы встрѣтили двухъ горожанокъ. Одна, помоложе, въ бѣломъ платьѣ и большомъ шелковомъ платкѣ, повязана была шелковою косыночкою, изъ-подъ которой почти до

(а) Исторія Карамзина.

полу висѣла широкая, толстая коса. Я не видывала такихъ волосъ, и жалко, что не вздумала спросить, какъ они вырощены. Самой мнѣ уже ненужно знать объ этомъ, но я бы могла этимъ услужить молодымъ особамъ. У другой, вѣроятно, замужней, волосы были подобраны, и три конца ея шелковой косынки высоко торчали въ разныя стороны, наподобіе каски. здѣшнія Жидовки одѣваются совсѣмъ иначе, нежели въ Могилевѣ и Велижѣ; вмѣсто тяжелой, огромной чалмы изъ платка, въ родѣ Турецкаго, носятъ онѣ шелковыя шапочки, называемыя мушки, вынизанныя мелкимъ и крупнымъ жемчугомъ, со стразовыми, а у богатыхъ и съ алмазными привѣсками.—Въ этихъ дорогихъ уборахъ торгуютъ онѣ мелочами въ бѣдныхъ лавочкахъ, которыя тянутся длиннымъ рядомъ. Но не всѣмъ, видно, равно прибылеиъ торгъ ихъ; у многихъ на головахъ простыя ситцевыя косынки, покрытыя кисеей; только вообще у всѣхъ, по какому-то повѣрью, лежитъ на головѣ свернутый изъ лентъ, или шелковыхъ обрѣзковъ, родъ языка, вовсе некрасивый и никакъ чему непригодный, какъ и висящій на груди, вершка въ два шириною, нарчевый, или, обшитый узкимъ галуномъ шелковый лоскутокъ,

безъ котораго никуда не можетъ показаться замужня женщина.

Не доѣзжая до Бѣлой церкви, которая отъ Василькова сорокъ четыре версты, поворотили мы въ сторону, чтобы посмотрѣть Александрию, славящуюся садами и оранжереями, устроенными въ ней покойною статсъ-дамою графинею Александрою Васильевной Браницкой, обыкновенно проводившей здѣсь лѣто. Она, какъ многимъ извѣстно, была Русская, родная племянница князя Таврическаго, и чрезъ нее супругъ ея, графъ Ксаверій Браницкій, одинъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Польскихъ вельможъ, сдѣлался искреннимъ приверженцемъ Россіи.

Живущая въ Александріи, всюду сопутствовавшая графинѣ, баронесса Франкъ, приняла насъ съ величайшею любезностью, и сама все показала намъ въ прекраснѣйшемъ этомъ помѣстьѣ, особенно замѣчательномъ по глубокой преданности къ Царскому Дому покойной владѣтельницы, оставившей трогательные тому памятники.

Графиня жила въ небольшомъ, просто убранномъ домѣ. Вообще здѣсь нѣтъ обширныхъ зданій, но все отдѣльные домики или павильо-

ны.—Одинъ изъ нихъ, обсаженный кругомъ огромными бѣлыми акаціями, называется Императорскимъ. Въ немъ хранится кровать съ надписью: «Императоръ Александръ Павловичъ, осчастлививъ своимъ присутвіемъ, изволилъ почивать на сей кровати Сентября 12 «и 13, 1816 года». Тутъ же низенькія ширмы тополеваго дерева съ шитьемъ по канвѣ, работы Императрицы Маріи, всегда благоволившей къ покойной графинѣ.—Въ другомъ павильонѣ, подъ мраморнымъ бюстомъ Императора Александра, на бронзовомъ пьедесталѣ, вырѣзаны слова изъ Его указа 1812-года: «Долою не положу оружія моего, доколѣ не сотру съ лица земли Русской врага, дерзнувшего войти въ ея предѣлы». — Противъ него малахитовая ваза съ надписью: «Пожалована Его Величествомъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1823 году», и подъ нею врѣзана въ пьедесталѣ полученная отъ Государя одна изъ первыхъ платиновыхъ монетъ. Нѣсколько фарфоровыхъ вазъ присланы Императрицею Александрою Оеодоровной и Великою Княгиней Еленой Павловной.—Кромѣ Венеры, молодаго челоуѣка, вынимающаго изъ ноги занозу, и Амура Фалконетова изъ бронзы, пожалованныхъ Императрицею

Екатериной, мы видѣли еще прекрасныя мраморныя статуи. Спящія на черной доскѣ бѣлыя Амуры совершенно живые; но, мнѣ кажется, несправедливо почитаютъ бюстъ дитяти Нероновымъ: не вѣрится, чтобы этотъ ребенокъ, съ веселымъ, прелестнымъ личикомъ, сдѣлался потомъ ужасомъ Рима, убійцею родной матери.

Въ обширномъ саду, на возвышенномъ мѣстѣ, куда, по берегу ручья, ведетъ прелестная дорожка, такъ называемый Царскій садъ. Въ немъ одна лиственница посажена Императоромъ Александромъ Павловичемъ, а семь Американскихъ лиць Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Императрицею Александрою Ѳеодоровной и другими особами Царскаго Дома, посѣщавшими здѣсь графиню Александру Васильевну Браницкую. Каждое дерево обнесено чугуною рѣшеткою, на которой, подъ короною, мѣдная доска съ надписью, кѣмъ и когда посажено дерево; кругомъ еще рѣшетка, цвѣты, виноградъ или пятилиственный плющъ.—Близъ этихъ завѣтныхъ деревьевъ бесѣдка изъ грабины, по плану, присланному изъ Павловска Императрицею Маріей Ѳеодоровной.—Далѣе, на томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ

Александръ въ послѣдній разъ изволилъ кушать чай и потомъ смотрѣлъ фейерверкъ, по кончинѣ Его поставленъ чрезвычайно сходный бронзовый бюстъ Его, на гранитномъ пьедесталѣ, съ бронзовою доскою, и на ней, въ лавровомъ вѣнкѣ, короткая, трогательная надпись: «Воспоминаніе радости и печали».

Все это показываетъ высокія чувства покойной графини, которая, владѣя огромнымъ богатствомъ, безкорыстно предана была Царскому Дому, дорого цѣня благосклонность тѣхъ, Кому Провидѣніе вручило участь народовъ, Кто ревностно печется исполнить великое свое назначеніе. Я не могла видѣть равнодушно эти свидѣтельства благоговѣйной любви и преданности, и мнѣ лестно было, что я лично знала графиню. При вступленіи моемъ ко Двору, въ 1809 году, графиня все лѣто жила съ двумя дочерьми въ Павловскѣ, и онѣ всякій день обѣдали и ужинали у Императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ я сама имѣла счастье всегда находиться съ Великою Княгиней Екатериной Павловной. Потомъ онѣ проѣздомъ останавливались у Великой Княгини въ Твери, и дождавшись Ее въ Москвѣ, гдѣ Она изволила, того же года зимою, пробить нѣсколько

дней съ Императоромъ и Принцемъ Ольденбургскимъ, всюду тамъ при ней находились. Живо все это помня, я не забыла и того, какъ покойная графиня Александра Васильевна была ласкова и снисходительна со мною, неразвязною монастыркой, всегда умѣвшею только сильно чувствовать, но вовсе неспособною выражать мои чувства.

Александрійскій садъ обширенъ и разнообразенъ; графиня Александра Васильевна начала его разводить около 1790 года, и князь Потемкинъ прислалъ ей, по Днѣпру, въ который впадаетъ протекающая чрезъ садъ рѣка Россъ, цѣлую барку молодыхъ елей. Кромѣ дуба и березы, здѣсь все саженныя деревья. Три Американскія сосны, прозывающіяся Веймутовыми по имени лорда Веймута, выписавшаго ихъ изъ Америки и разведшаго въ Англїи, пожалованы Императрицею Екатериною. Онѣ очень пушисты и всю зиму стоятъ зеленыя; но походя на ель, только съ мягкими иглами, лиственница на зиму осыпается. Лица Американская походя на нашу, но цвѣтеть позже, и цвѣты крупнѣе и душистѣе. Прекрасный запахъ и у мелкихъ желтыхъ цвѣтковъ дикой маслины, которую мы уже видѣли въ

Черниговѣ. Изъ многихъ новыхъ для насъ растений мнѣ особенно полюбился въ Александрїи высокій, густой кустарникъ, *Rhus-cotinus*, съ длинными листьями и множествомъ большихъ, красноватыхъ кистей, какъ-будто изъ мелкихъ, пушистыхъ перышекъ: прекрасно было бы наколоть такую кисть на соломенную, даже на бархатную шляпку, но еще никто не помышлялъ объ этомъ, и прелестные, необыкновенные цвѣты эти только употребляются на сафьянныхъ заводахъ. Кромѣ упомянутыхъ деревьевъ, много и различныхъ тополей огромной высоты и толщины. Вообще все здѣсь растетъ превосходно: дивная природа!

Между прудами и водопадами прелестные виды, и всюду можно отдыхать на чугунныхъ диванахъ Императрицы Екатерины, къ которымъ Императоръ Александръ изволялъ прибавить дюжину креселъ. Последнія разставлены около Его бюста, и я тамъ впервые увидѣла дорожки, усыпанныя морскимъ пескомъ. Онъ вовсе непохожъ на обыкновенный, крупенъ и жестокъ; по моему гораздо тяжелѣе ходить по немъ.—Бронзовыя статуи: Аполлонъ, Діана и боецъ, куплен-

ныя въ Парижѣ, заказаны были тамъ Наполеономъ, съ девятью другими, для торжества мира съ Англіей. Миръ этотъ не состоялся, и художникъ принужденъ былъ продать очень дешево три готовыя статуи. Онъ сильно ропталъ тогда на Бонапарта, и если дожилъ до его паденія, счелъ это справедливымъ воздаяніемъ за бывшее ему притѣсненіе.

Мы были и въ небольшомъ саду, называемомъ дружескимъ. Прочитавъ на желѣзныхъ воротахъ Французкую надпись Тутолмина:

«Profane avant d'entrer

«Interroge ton coeur

«Peux tu de l'amitié

«Apprécier la valeur.»

Мы смѣло отворили ихъ, имѣя право считать себя способными цѣнить истинную и постоянную дружбу, за четыре года предтѣмъ, единственно изъ дружбы, пожелавъ вмѣстѣ жить. Скоро увидѣли мы полукруглое, открытое спереди зданіе, и въ немъ огромный мраморный бюстъ князя Потемкина. Мнѣ показалось, что я вижу самого великолѣпнаго князя Таврическаго. Бюстъ этотъ

(а) Прежде, чѣмъ войдешь, посоветуйся со своимъ сердцемъ умѣешь ли цѣнить дружбу.

долженъ быть совершенно на него похожъ: во всѣхъ прекрасныхъ чертахъ его рѣзко изображено торжествующее самодовольство. Надъ нимъ лѣпный потолочекъ превосходной работы.

Изъ дружескаго сада баронесса повела насъ въ послѣднюю бесѣдку, выстроенную покойною графинею ея внукамъ. Помѣщенныя въ передней стѣнѣ и на ступеняхъ бѣлыя каменные плиты, съ Турецкими надписями, присланы графомъ Воронцовымъ изъ Варны, почему и разведенный около садъ названъ Варною. Галиль-Паша, проѣздомъ въ Петербургъ бывший въ Александріи, посадилъ тутъ дерево, вовсе не воображая, что мѣсто это посвящено воспоминанію жестокаго пораженія Турковъ.

Насъ провожалъ садовникъ, Берлинскій уроженецъ Іенсъ. Онъ не за однѣ только деньги занимается садомъ, онъ страстно любитъ свое искусство, и весело слушать, съ какимъ наслажденіемъ описываетъ онъ каждое дерево и каждый цвѣтокъ. Я бы желала у него поучиться ботаникѣ: чѣмъ далѣе подвигаемся мы на югъ, тѣмъ болѣе жалѣю я, что не имѣю понятія объ этой пріятной и полезной наукѣ.

Особенно въ оранжереяхъ видны искусство и стараніе Іенса. Онъ развелъ однихъ кактусовъ

восемьдесятъ родовъ, и четырнадцать родовъ пальмъ. Китайскія розы достигли у него невѣроятной огромности; одинъ кустъ закрываетъ цѣлую стѣну въ нѣсколько аршинъ вышины и ширины. Также изумила насъ вѣтка резинковаго дерева (*Ficus Elasticus*) въ осмнадцать аршинъ длиною. Не зная, куда дѣваться съ другими, Иенсъ принужденъ былъ ихъ обрѣзать. Я искренно дѣлила восторгъ добраго Берлинца, разсматривая его дивныхъ питомцевъ, и заслуживъ этимъ особенное его расположеніе, получила отъ него при прощаньи огромный букетъ разнообразныхъ цвѣтовъ, между которыми онъ помѣстилъ и вѣтку особаго рода Итальянскаго винограда. Листъ его похожъ на петрушку, и онъ, какъ сказывалъ Иенсъ, гораздо вкуснѣе обыкновеннаго и ранѣе поспѣваетъ.

—
Июля 25.

Въ продолженіе слишкомъ сутокъ пріятнѣйшимъ образомъ занявъ насъ, добрая баронесса съ милою ея племянницею, недавно выпущенною изъ Московскаго Екатерининскаго института, проводила насъ за четыре версты, въ извѣстное мѣстечко Бѣлую церковь, издавна принадлежащее графамъ Браницкимъ. — Мы прежде

всего зашли тамъ въ соборъ Преображенія Господня, гдѣ строительница его, графиня Александра Васильевна, погребена въ придѣлѣ Александра Невскаго. Надъ покрывающею ее черною мраморною плитою, съ крестомъ изъ того же мрамора, образъ Пресвятыя Богородицы и надпись съ бронзовымъ гербомъ. — Просто, но благородно, достойно той, которая, до гроба глубоко преданная Царскому Дому, хотѣла на вѣкъ оставить тому свидѣтельство и въ сооруженномъ ею храмѣ. Посвятивъ придѣлъ Благовѣрному Князю Александру, по усердію къ памяти покойнаго Императора, графиня помѣстила въ иконостасахъ Чудотворца Николая, Царицу Александру, великомученицу Екатерину, и другіе святыя лики, по имени которыхъ названы особы Царскаго Дома. Это совершенно по Русски! — Я бы желала, чтобы иностранные, особенно Французскіе путешественники, замѣтили этотъ посмертный памятникъ Русской привязанности къ добрымъ Царямъ.

Домъ, въ которомъ графиня жила здѣсь по зимамъ, гораздо обширнѣе Александринскаго и лучше убранъ. Глаза мои прежде всего остановились на небольшомъ, необыкновенномъ об-

разъ Чудотворца Николая, написанномъ по заказу князя Потемкина, въ залогъ его благодарности за взятіе Очакова, подъ которымъ въ 1788 году стоялъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока не рѣшился взять его приступомъ, что было исполнено съ небольшимъ въ часъ, въ завѣтный для Русскихъ праздникъ, шестое Декабря. Святитель изображенъ на утесѣ, молящійся на колѣняхъ въ полномъ облаченіи, только безъ митры.—По этому образу можно судить о чувствахъ и надеждахъ князя во время продолжительной, изнурительной для Русскаго войска осады. Не знаю, имъ ли онъ отданъ любимой его племянницѣ, или достался ей по его смерти. Но онъ самъ подарилъ графинѣ Англійскіе огромные бронзовые часы съ Амурами и хрустальными каскадами, которые приходятъ въ движеніе, когда заиграетъ въ часахъ музыка. Часы эти великолѣпны, но вставленный въ нихъ портретъ Императрицы Екатерины написанъ такъ дурно, что удивительно, какъ не вздумали тотчасъ перемѣнить его.—Картинъ немного. Кромѣ списанныхъ въ Эрмитажъ, два оригинала Ангелики Кауфманъ: мать Гракховъ, и Брутъ осуждающій на смерть дѣтей своихъ, и пейзажъ Ламарія. Я въ

первый разъ увидѣла работу послѣдняго, даже имя его было мнѣ неизвѣстно; но, судя по этой картинѣ, должно почитать его отличнымъ живописцемъ.

Въ другой комнатѣ семейные портреты. Всѣхъ лучше написанъ графъ Ксаверій Браницкій съ двумя сыновьями. Портретъ самой графини Александры Васильевны представляеть пригожую, молодую женщину съ чрезвычайно густыми волосами, но сестра ея, графиня Екатерина Васильевна Литта, пятидесяти лѣтъ, когда я узнала ее, гораздо была красивѣе, нежели какъ изобразила ее, молодую, госпожа Лебрень, нѣкогда славившаяся своимъ искусствомъ.—Всего долѣе смотрѣла я на прелестное лице княгини Татьяны Васильевны Юсуповой. Я не долго пользовалась знакомствомъ ея и кромѣ ея ласки ничѣмъ ей не обязана, но мнѣ пріятно отдать справедливость высокой душѣ ея: немногіе ее знали, не многіе могли ее цѣнить.—Прочитавъ моего «Князя Скопина-Шуйскаго», покойная княгиня пригласила меня къ себѣ, и принявъ самымъ лестнымъ образомъ, убѣждала прилежнѣе писать. Она говорила мнѣ объ этомъ съ глубокимъ чувствомъ, дорожа всѣмъ, что свидѣтельствовало

любовь и уваженіе къ отечеству, которое сама искренно любила и уважала. Послѣдніе два года жизни ея, когда я стала къ ней ѣздить въ домъ, у нее были немногочисленные, но чрезвычайнао пріятные вечера, на которыхъ играли Серве, Гензельтъ, и другіе славные музыканты, пріѣзжавшіе въ Петербургъ. Наслаждаясь искусствомъ ихъ, нельзя было не замѣтить любезную внимательность княгини ко всѣмъ безъ исключенія гостямъ ея, которые не всѣ были знатны и богаты.

Нынѣшній владѣлецъ Бѣлой церкви, графъ Браницкій (а), строитъ огромную гимназію для помѣщенія четырехъ сотъ учениковъ, обязавшись притомъ, на ея поддержаніе, ежегодно давать по двѣ тысячи рублей серебромъ. Это много возвыситъ мѣстечко въ которомъ три годовыя ярмарки. — Лавки здѣсь каменные въ два яруса. Въ нихъ торгуютъ Евреи, у которыхъ много хорошихъ и недорогихъ товаровъ, только нужна большая осторожность, особенно при выборѣ полотна. Евреи умѣютъ чудно всякаго провести. Мнѣ сказывалъ на дорогѣ исправникъ, что ему донесли на од-

(а) Онъ скончался чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашего проѣзда.

ного Еврея, торговавшаго мѣховыми воротниками, будто бы они у него заколдованы: продастъ славный бобровый воротникъ, а чрезъ мѣсяць, иногда еще скорѣе, останется отъ него только мездра. Исправникъ счелъ себя обязаннымъ испытать это, и ночью тихо подошелъ къ окну купца, откуда, сквозь небольшую въ ставнѣ щель, свѣтился огонь. Въмѣсто мнимаго колдовства увидѣлъ онъ дѣйствительное плутовство, и пойманный на дѣлѣ Еврей, во всемъ признавшись, долженъ былъ показать, при свидѣтеляхъ, какъ онъ изъ ветхихъ бобровыхъ лоскутьевъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ и искусствомъ, по волоску приклеивалъ на новую, разумѣется не бобровую мездру, и потомъ еще подкрашивалъ. — Величайшему Русскому негодяю не придетъ это въ голову, и если бы онъ и вздумалъ что нибудь похожее, у него бы не достало терпѣнія это исполнить. Еще повторю жалкій народъ! Что ни говори нынѣшніе филантропы и философы, не напрасно нѣкогда кричали Иудеи, распиная Христа: «Кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ» (а).

(а) Святое Евангеліе отъ Матѳея.

Юня 26.

Мы ночевали въ Таращѣ, въ тридцати девяти верстахъ отъ Бѣлой церкви. Бѣднѣйшій городокъ, хуже всякой деревни. Отъ скуки только было намъ развлеченіе смотрѣться въ зеркало, въ которомъ лице, какъ въ волнующейся рѣкѣ, представлялось въ разныхъ странныхъ видахъ.

За Таращею сначала песокъ и сосны, далѣе дубъ и орѣшникъ, дорога очень пріятная; кругомъ, на высотахъ и въ лощинахъ, разметаны, между плодовитыми садами, чисто выбѣленные хижины; иныя покрыты соломою очень красиво съ чешуйчатыми по угламъ возвышеніями.

Мы хотѣли позавтракать на станціи Лысянкѣ, но съ трудомъ нашли тамъ четыре свѣжія яйца, и болѣе ничего; молока не было ни прѣснаго, ни кислаго, только одно промзглое. Мы надѣялись вознаграждать себя за это въ Звенигородкѣ, за двадцать три съ половиною версты, но хотя при въѣздѣ написано, что тутъ шесть сотъ пятьдесятъ три двора, городъ этотъ не лучше Таращи, та же бѣдность и нечистота, также со всѣхъ сторонъ Жиды. У Жидовскихъ дѣвокъ по плечамъ висятъ косы; это мнѣ напомнило, что за нѣсколько лѣтъ одна извѣстная тогда

щеголиха вывезла эту моду изъ Петербурга въ Новгородъ и тотчасъ всѣхъ дѣвочекъ такъ нарядили.

Здѣсь только въ пять часовъ утра можно купить что нибудь съѣстное, а мы пріѣхали въ самый полдень, и я, умирая отъ жажды, рѣшилась послать въ господскій домъ попросить молока. Мнѣ тотчасъ прислали кувшинчикъ съ дѣвочкою, которую я насилу заставила взять за трудъ пятнадцать копѣекъ серебромъ: она увѣряла, что насъ дарятъ этимъ молокомъ, и что за такія деньги можно купить его ведро.—Объ эту пору намъ былъ очень дорогъ выпрошенный гостинецъ у незнакомыхъ людей, но должно признаться, что нужно величайшее самоотверженіе, чтобы рѣшиться путешествовать по Россіи. Особенно грустно видѣть такой во всемъ недостатокъ, такое пренебреженіе всего что, доставляетъ спокойствіе и удовольствіе, въ прекрасномъ краю, гдѣ малѣйшее стараніе щедро награждается.—Едва ли это перемѣнится, пока богатые у насъ люди будутъ проживать доходы свои за границую, не заглядывая въ свои помѣстья.

За Кіевомъ почти всѣ гостиницы содержатся Евреями. Остановясь въ мѣстечкѣ Тальномъ,

я обрадовалась, увидя образъ Святителя Митрофана, тотчасъ показавшій, что хозяинъ Русскій, Православный. — Я очень люблю видѣть въ каждой комнатѣ иконы, привыкнувъ къ этому въ домѣ родительскомъ, потомъ въ Смольномъ, гдѣ я воспитывалась, и наконецъ въ чертогахъ Царскихъ. Намъ дороги изображенія родственниковъ и друзей, какъ же не дорожить изображеніемъ Господнимъ, или святыхъ Его угодниковъ, покровителей нашихъ и предстателей. Особенно въ грусти, когда что нибудь тревожитъ, отрадно видѣть святой образъ: онъ скорѣе напомнитъ о небесной защитѣ, живѣе заставитъ почувствовать надзоръ Вездѣсущаго. Роскошные обои, дорогая мебель часто лишь растрavляютъ печаль, доказывая ничтожество земнаго блеска; но кроткій ликъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ тотчасъ исполняетъ душу надеждою.

Левъ Александровичъ Нарышкинъ, помѣщикъ Тальнаго, строитъ здѣсь на горѣ каменную церковь; она готова въ чернѣ и уже очень украшаетъ мѣсто. Теперь служатъ въ старинной деревянной церкви, очень маленькой, но въ ней все въ большомъ порядкѣ, и, по неизмѣнно серебряныхъ окладовъ, усердіемъ крестьянъ нѣ-

сколько образовъ обложены фольгою. Священникъ сказывалъ, что недѣли за три проѣзжалъ здѣсь Митрополитъ, и сопровождавшій его прежде бывшій раввинъ обратилъ въ Христіанство двухъ Евреевъ, которые и отправились съ Митрополитомъ для совершеннаго наставленія въ вѣрѣ.

Намъ подали здѣсь уху и жареное изъ одной и той же рыбы, корось. Мы ѣли ее въ первый разъ; она очень вкусна, и эти два блюда въ здѣшнемъ краю можно назвать великолѣпнымъ обѣдомъ.

ХІV.

УМАНЬ, ЦАРИЦЫНЪ САДЪ, ВОЗНЕСЕНСКЪ, ПОКРОВСКОЕ, БУЯЛИКСКОЕ.

Юня 27.

Мы взяли въ Кіевѣ подорожную въ Одессу не прямою дорогою, а на Умань, чтобы тамъ увидѣть знаменитые сады, разведенные графомъ Потоцкимъ для страстно любимой имъ супруги его, графини Софьи.—Отъ Таращи, гдѣ мы ночевали, до Умани сто сорокъ верстъ, и

когда мы приѣхали туда въ десять часовъ вечера, было совсѣмъ темно, не по Петербургски, гдѣ въ нынѣшнее время почти не смеркается. Во всѣхъ домахъ уже былъ огонь, и издали видно было освѣщеніе по горѣ, на которой амфитеатромъ построенъ городъ. Это заставило меня жалѣть, что мы его не увидимъ. Лучше было бы остановиться за двадцать пять верстъ въ Лагезинѣ, гдѣ прекрасное мѣстоположеніе, сады и прудъ обѣщали, что тамъ можно найти и спокойный ночлеги.—Но, признаюсь, желая увидѣть въ стихахъ и прозѣ прославленные сады, я вовсе не помышляла о достопамятности Умани въ историческомъ отношеніи. Нерадостно вспоминать объ этомъ; гораздо лучше любоваться дивными садами и новымъ устройствомъ города, гдѣ теперь квартира бригаднаго генерала военныхъ поселеній. Но представившаяся въ темный вечеръ, какъ будто для какого торжества, освѣщенная Уманская гора, и раздававшіяся по домамъ стройныя пѣсни и музыка заставили невольно вообразить, какъ, около осмидесяти лѣтъ назадъ, бѣжали съ ужасомъ и воплями въ принадлежавшую тогда Польшѣ Умань окрестные жители, надѣясь въ ея крѣпкомъ замкѣ спастись отъ

скопища Гайдамаковъ.—Нельзя назвать эти скопища иначе, какъ разбойниками, но должно прибавить, что это были не обыкновенные разбойники, жаждущіе единственно грабежа и крови. Это были люди, въ которыхъ, въ продолженіе почти цѣлыхъ двухъ вѣковъ, старались истребить всѣ чувства человѣческія. Неслыханныя, лютыя казни за преданность святой вѣрѣ предковъ, зажгли въ сердцахъ гонимыхъ ненависть, равную злобѣ гонителей, и эта ненависть такъ укоренилась, владычество Польши такъ сдѣлалось страшно казакамъ, что и подъ благимъ покровомъ престола Россійскаго, избавившаго ихъ отъ всеневныхъ мукъ и ругательствъ, они убѣждены были, что только совершенное уничтоженіе силы и богатства Польскаго можетъ имъ самимъ, и дѣтямъ ихъ, упрочить безопасность.—Чтобы пощеголять удалствомъ своимъ, Польскіе дворяне грабили, по степямъ ихъ, Запорожцевъ, и увозя ихъ въ плѣнъ, для забавы казними (а). Точно также Гайдамаки, то есть бѣлые и бродяги, по большей части изъ Запорожья, веселились, отмщая Полякамъ ихъ насилія и жестоко-

(а.) Наѣзды Гайдамакъ на западную Украину въ XVIII столѣтіи, Скальковскаго. 1845.

сти. Съ обѣихъ сторонъ на это жаловались, судились, и не могли прекратить безпорядковъ до самого возвращенія Россіи прежде бывшихъ областей ея.—Иначе и быть не могло по изувѣрству Польскихъ папистовъ, заглушавшему въ нихъ разумъ и совѣсть. Въ 1764 году всѣ Польскіе подданные, непринадлежавшіе къ Римской церкви, подъ именемъ диссидентовъ, снова лишены были на сеймѣ свободы богослуженія и всѣхъ гражданскихъ правъ (а). Между тѣмъ, жестоко преслѣдуя Христіанъ разнаго съ ними исповѣданія, Поляки искали союза съ Турками и Татарами, не стыдясь унижаться предъ ними (б).—Все это, распалая вражду, внушило дерзкому Запорожцу, Максиму Желѣзняку, надежду сдѣлаться столь же славнымъ, какъ и Богданъ Хмельницкій. Но онъ желалъ только самъ возвыситься и обогатиться, и чтобы убѣдить легковѣрный народъ, что онъ ревностный защитникъ Православія, свирѣпо истреблялъ Поляковъ и Жидовъ. Всего болѣе пострадала отъ него Умань, подаренная, Королемъ Сигизмундомъ III, старостѣ Винницкому и Брацлавскому Валентину Калиновскому,

(а) Исторія объ Уніи. 1805.

(б) Наѣзды Гайдамакъ.

и въ 1726 году, единственною его наслѣдницею, Еленою, переданная «другу ея и родственнику Станиславу Потоцкому». — Сынъ послѣдняго укрѣпилъ Умань, какъ она никогда еще не бывала укрѣплена, но это не спасло ее отъ ярости Гайдамакъ, особенно злившихся на Потоцкаго за разныя обиды отъ его управителей, и въ облитой кровью Умани долго съ ужасомъ вспоминали Юнь мѣсяць 1768 года. Теперь не осталось слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій и нѣтъ слуху ни о какихъ опасностяхъ. Все такъ же спокойно здѣсь, какъ и во всей обширной Россіи, и мы, проѣхавъ уже полторы тысячи верстъ, потеряли только гдѣ-то забытую стеклянку съ остаткомъ о-де-Колонской воды.

Въ ярко освѣщенной Уманьской гостинницѣ гремѣла музыка, и всѣ комнаты были заняты съѣхавшимися изъ деревень помѣщиками. Слишкомъ часъ ѣздивъ по городу, мы уже отчаявались найти спокойный ночлегъ, какъ вдругъ пригласили насъ остановиться въ квартирѣ бригаднаго генерала Изюмова, и мы, въ отведенной намъ прекрасной комнатѣ, пріятно отдохнули отъ тяжелаго на жару длиннаго переѣзда. На слѣдующее утро, познакомившись съ нами, почтенный хозяинъ самъ показалъ намъ знаме-

нитые сады, для которыхъ проѣхали мы лишнихъ тридцать верстъ. — Увидя ихъ, нельзя объ этомъ пожалѣть. Нельзя и подивиться, что они стоили слишкомъ двадцать милліоновъ золотыхъ. Это, что называется, диво дивное; ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ написать. — Но не всѣ бы рѣшились истратить на это такую сумму: на нее можно сдѣлать несравненно болѣе и для пользы общей, и для собственнаго удовольствія. Удивительно, что при такомъ садѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, нѣтъ и никогда не бывало дома, достойнаго сада. Впрочемъ и садъ невеликъ, гораздо меньше разведеннаго графиней Браницкой, но онъ расположенъ съ удивительнымъ вкусомъ, и въ немъ много такого, чего нигдѣ не увидишь. Не останавливаясь у входа, мы пошли по берегу обширнаго пруда, по срединѣ котораго фонтанъ, слишкомъ въ девять саженъ вышиною. — Это прелесть; но еще прелестнѣе водопадъ, съ ревомъ и пѣною стремящійся по огромной скалѣ; на ней нѣтъ ни храма, ни статуи, только одни деревья, на темной зелени которыхъ, какъ будто въ рѣзко отдѣляющейся рамѣ, блеститъ, бѣлѣетъ, переливается изъ цвѣта въ цвѣтъ широкая

полоса воды. Нагроможденные вокруг граниты связываютъ ея ярость, и встревоженный путникъ скоро удостовѣряется, что онъ можетъ спокойно восхищаться этимъ бурнымъ потокомъ. Тогда, по невольному, непреодолимому чувству, захочется близко осмотрѣть эти громады, и лазя по нимъ, или между ними пробираясь тѣсными переходами, или въ прохладѣ подъ ними отдыхая, невѣришь, что все это дѣло рукъ человѣческихъ. Особенно невѣроятно, что это сдѣлано не въ отдаленной древности, а въ близкія намъ времена, не Циклопами, а обыкновенными работниками. Глядишь и безмолвно изумляешься!

Если бы не располагались мы еще объѣхать четыре тысячи верстъ; если бы не дорожили каждымъ днемъ и часомъ, чтобы скорѣе увидѣть Одессу и Крымъ, а оттуда поспѣть на Нижегородскую ярмарку, мы бы остались здѣсь до перваго Іюля, посмотрѣть освѣщеніе сада разноцвѣтными огнями. Это должно быть совершеннымъ волшебствомъ при звукахъ разставленной въ саду музыки и стеченіи людей разнаго званія. Но ждать этого слишкомъ четыре дня было намъ невозможно. — Прежде, здѣсь праздновали Пе-

тровъ день, теперь будутъ праздновать, какъ оно по всему приличію, день рожденія Государыни Императрицы, но посѣтители по прежнему съѣзжаются къ Петрову дню, чтобы долѣе насладиться прогулкою по очаровательному саду, и купить все нужное у Евреевъ, торгующихъ хорошими товарами.

Конечно, въ праздникъ не забудутъ освѣтить и каменный гротъ, гдѣ, въ гранитномъ колодезѣ, проведена, изъ самороднаго ключа, вода удивительной свѣжести и вкуса. У этого ключа, прекрасная графиня Софья, супруга графа Витта, призналась въ первый разъ въ любви своей страстно въ нее влюбленному графу Потоцкому, и онъ, рѣшившись ничего не шадить, чтобы, уничтоживъ первый бракъ Софьи, самому на ней жениться, тогда же задумалъ, въ залогъ любви своей, создать дивный садъ, и, назвавъ его Софьевкой, всюду прославить обожаемое имя.

Но и эта знаменитая, страстно любимая красавица, среди роскоши и нѣги, горько плакала, лишившись старшаго сына, въ память которому посаженъ ею, у разбитой колонны, чинаръ, и тутъ льются по камнямъ маленькіе каскады, «три слезы»: то

есть, слезы отца, матери и единственной еще тогда сестры. — Въ такъ называемомъ лабиринтѣ никто не заблудится; онъ слишкомъ тѣсенъ и деревья слишкомъ малы и рѣдки. — Мы видѣли и статую Гомера противъ большаго водопада, и поставленнаго на утесѣ, вѣроятно въ честь графини, ломающаго лукъ свой Амура изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора, и бронзовый бюстъ поэта Трембицкаго. Жаль, что я не читала его Софiевки; тогда бы можетъ быть еще было прiятнѣе гулять мнѣ, какъ будто по знакомому саду.

Починка водопада, особенно славнаго, внутри котораго Венеринъ храмъ, не позволила намъ полюбоваться имъ, но мы за это вознаграждены были прогулкою по подземному каналу. Когда мы на прудѣ сѣли въ лодку, мало по малу стала спускаться подъ нами вода, солнечный свѣтъ исчезъ, и мы поплыли въ темнотѣ; только, будто звѣзды, мелькали надъ нами лампы, и слышно было, какъ гребцы плескали веслами воду, въ которой отражался свѣтъ лампъ. — Это совершенное очарованiе: невольно вспомнишь Стиксъ, и почти ждешь Харона и Цербера. Даже малютка Кашташа,

какъ будто вообразилъ, что мы плывемъ въ царство мертвыхъ, и жалобно застоналъ, но успокоился, снова увидѣвъ солнце. Лодка наша стала подниматься по быстро прибывающей водѣ, и намъ скоро осталось одно воспоминанiе о чудной прогулкѣ. Мы прошли пѣшкомъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ плыли, и только четыре большiя отдушины, каждая съ осмью висѣвшими въ нихъ лампами, показывали, что тутъ что нибудь таится.

Изъ саду проѣхали мы въ оранжереи. Въ нихъ много прекрасныхъ растений, но всего замѣчательнѣе сдѣланная уже генераломъ Изюмовымъ и въ самое короткое время одѣтая камнемъ огромная терраса, откуда видно на высотѣ городское предмѣстiе, и сквозь лѣсъ блеститъ въ саду фонтанъ и показывается новый павильонъ. Мѣсто это было совсѣмъ запущено. Теперь все оживаетъ, и скоро съ террасы будутъ спускаться подъ гору по широкой, гранитной лѣстницѣ.

День былъ чудесный. Вполнѣ насладившись имъ, мы съ искреннею признательностью за Русское гостепрiимство тотчасъ послѣ обѣда отправились въ Вознесенскъ. — Только что выѣхали мы изъ Кiевской губернии въ Херсонскую,

начались степи. Красивыя деревеньки исчезли вмѣстѣ съ лѣсами и кустарниками; все кругомъ опустѣло между небомъ и землею, какъ бываетъ между моремъ и небомъ. Только изрѣдка попадались обозы; то тянулись они медленно по пути своемъ, то возлѣ выпряженныхъ телегъ чумаки варили себѣ пищу въ котлахъ, висѣвшихъ надъ огнемъ; около нихъ бродили волю, а иногда, когда они были далеко на водопоѣ, однѣ телеги стояли въ кучѣ, какъ будто и онѣ, какъ паровозы, двигаются собственною силою, или брошены тутъ грабителями, угнавшими воловъ.—Дорога гладкая, кругомъ множество цвѣтовъ, и такихъ, которые мы бы съ радостью перенесли въ садъ, и они гораздо выше, крупнѣе, ярче цвѣтомъ, нежели на сѣверѣ. Но мнѣ, родившейся среди дремучихъ лѣсовъ Новгородскихъ, скоро соскучилось въ степи. Въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, когда слишкомъ укачаетъ въ каретѣ, приятно пройти пѣшкомъ, но здѣсь, на палящемъ солнцѣ, это невозможно. Я только приказывала часто останавливаться, чтобы мнѣ сорвали какое нибудь растеніе, и нѣсколько отдыхала, его разсматривая. Здѣсь въ первый разъ увидѣла я просо. Оно еще не поспѣло; долгій, широкій

листь его жестокъ какъ осока; вмѣсто колосьевъ большія кисти, составленныя изъ многихъ маленькихъ. Я его описываю для тѣхъ, которые не имѣютъ случая его увидѣть, и такъ же какъ и я, любятъ обо всемъ имѣть понятіе.

Зимою выюги такъ заметаютъ здѣсь дорогу, что потерявъ ее, проѣзжающіе, особенно пѣшеходы, легко могутъ погибнуть. Въ предостереженіе отъ этого, въ военныхъ поселеніяхъ разставлены каменные столбы, по цвѣту которыхъ тотчасъ узнать можно, въ какомъ округѣ находишься.—Въ 1839 году столько здѣсь было снѣгу, что въ Умань ѣздили на двѣнадцати лошадяхъ, и еще посылали людей верхами протаптывать дорогу. Въ 1835 году, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ, было семнадцать и осмнадцать градусовъ мороза. Но это бываетъ очень рѣдко; по большей части всю зиму ходятъ здѣсь безъ шубъ.

==
Юня 28.

Вознесенскъ отъ Умани сто семьдесятъ семь верстъ. Мы пріѣхали туда на другой день, подвечеръ, ночевавъ и обѣдавъ на дорогѣ. Только

военныя поселенія, которыя всѣ на прекрасныхъ мѣстахъ, прерывали грустное однообразіе степей. Очень жаль, что здѣшнія дороги не обсажены деревьями, какъ во многихъ губерніяхъ, которыми проѣзжали мы; кромѣ прохлады и тѣни, это оживило бы пустынный край и всего надежнѣе не допускало бы заблудиться въ немъ. На всѣ мои объ этомъ рѣчи обыватели отвѣчали мнѣ, что здѣсь это невозможно, что степь вѣчно останется степью, и всякое стараніе развести на ней лѣсъ будетъ бесполезно.—Тѣмъ пріятнѣе поразила меня, при вѣздѣ въ Вознесенскъ, густая зелень посаженныхъ деревьевъ. И такъ можно богатый край этотъ сдѣлать еще богатѣе, можно его украсить, освѣжить въ немъ палящій воздухъ, спасти живущихъ въ немъ людей отъ разныхъ недуговъ, такъ же зараждающихся на солнечномъ, безпріютномъ жару, какъ и среди густыхъ, сырыхъ лѣсовъ!

Вознесенскъ, главный городъ Новороссійскихъ военныхъ поселеній, назначень былъ Императрицею Екатериною губернскимъ городомъ Вознесенской губерніи, составленной изъ части присоединенной отъ Польши Брацлавской области, земель Турецкихъ, и трехъ

уѣздовъ: Херсонскаго, Новомиргородскаго и Елисаветградскаго (а). Но до обстройки и населенія слишкомъ бѣднаго Вознесенска, присутственныя мѣста помѣщены были въ Новомиргородѣ. Вѣроятно это побудило чрезъ годъ уничтожить Вознесенскую губернію; городъ остался безъ уѣзда, и живущіе далеко отселъ едва ли знали о его существованіи. Вдругъ, въ 1837 году, прогремѣло имя Вознесенска, и навсегда останется замѣчательнымъ въ нашей исторіи маневрами, равно изумившими и царственныхъ гостей, и простыхъ путешественниковъ, собравшихся на дивное празднество.—Къ этому времени построень былъ дворецъ Императорскій, небольшой, но прекрасный, изъ желтоватаго камня, который рѣжутъ и пилятъ здѣсь какъ дерево, добывая его за шестьдесятъ верстъ. Для всѣхъ приглашенныхъ были также приготовлены временныя жилища, вмѣсто которыхъ теперь строятся прекрасные, прочныя домики, съ лѣпною работою около оконъ, и это обходится очень дешево, потому что все работаютъ свои мастера. Вообще Вознесенскъ быстро процвѣтаетъ стараніемъ живущаго здѣсь командира

(а) Географическій словарь Щекатова.

своднаго кавалерійскаго полка, генерала Герштенцвейга. — Дочь его Фрейлина; мы скоро познакомились, и въ Нѣмецкомъ домѣ этомъ были обласканы по Русски.

Въ Вознесенскѣ, при двухъ судоходныхъ рѣкахъ Бугѣ и Мертвоводѣ, очень выгодно имѣть складъ пшеницы и шерсти для отправления ихъ въ Одессу. Нынче продавалась шерсть по двадцати семи рублей ассигнаціями пудъ; бывало, что ее отдавали по семнадцати рублей и дешевле. — Прежде здѣсь все не было хорошей воды, и за нею ѣздили за четыре версты на Бугъ, потому что вода Мертвовода, на которомъ стоитъ Вознесенскъ, по имени своему, очень дурнаго качества, и ее можно употреблять только съ большою осторожностью. Въ 1835 году открытъ здѣсь ключъ; вода изъ него проведена въ колодцы, и въ саду изъ нее фонтанъ и даже маленькій прудъ. Этотъ крошечный прудъ здѣсь драгоценное приобрѣтеніе. Нельзя не любоваться имъ, сидя подъ густою, небывалою здѣсь прежде тѣнью прекраснѣйшихъ деревьевъ, видя бездну рѣдкихъ цвѣтовъ, слыша журчащую по камнямъ воду. Мнѣ было здѣсь сладостнѣе, нежели въ знаменитомъ саду Уманьскомъ: тамъ

страстная любовь и миллионы, здѣсь важная услуга человѣчеству и полезный трудъ. Садъ довольно обширенъ; въ немъ цвѣтутъ, иногда и созрѣваютъ гранаты; на холму близъ пруда посаженъ виноградъ, и есть надежда, что изобильный будетъ урожай.

Всего замѣчательнѣе, въ четырехъ верстахъ отъ города, посадка деревьевъ. Ихъ уже слишкомъ шестьдесятъ тысячъ; кромѣ обыкновенныхъ на югѣ плодовыхъ деревьевъ, есть и строевые лѣсъ, дубъ, кленъ, тополи, берестъ, ясень и другія, посаженныя въ городскомъ саду и сюда пересаженныя. Особенно хорошо растутъ бѣлая акація; раины или пирамидальные тополи часто погибаютъ отъ червей. При огромной посадкѣ прекрасный готическій домикъ, въ которомъ стѣны выкрашены красками, найденными въ своихъ земляхъ. Почтенный генералъ, самъ все это показывая намъ, сказалъ, что онъ располагаетя и въ другихъ мѣстахъ завести такіе разсадники. — Помоги ему Богъ! Онъ будетъ истиннымъ благодѣтелемъ здѣшняго края! — чтобы вполне оцѣнить труды его и заботливость, надо нѣсколько дней ѣхать степенями въ лѣтній зной.

Юня 29.

Пробывъ сутки въ Вознесенскѣ мы отпра-
вились въ Одессу, отъ которой оставалось сто
тридцать три версты. Между двумя первыми
станціями много кургановъ. Можетъ быть, они
пасыпаны надъ могилами убитыхъ; можетъ
быть указывали въ степяхъ путь. И эти ма-
ленькія неровности пріятно видѣть въ безгра-
ничныхъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни
воды, ни жила, кромѣ станцій, гдѣ и люди и
скотъ ходятъ какъ разслабленные.—Испытавъ
невозможность найти здѣсь обѣдъ, мы везли съ
собою круто сваренныя яйца, которыя не такъ
скоро портятся, какъ мясо, и однажды, между
Уманью и Вознесенскомъ, расположились, пока
будутъ мѣнять лошадей, съѣсть, въ каретѣ, по
куску черстватаго хлѣба съ яйцомъ, и запить во-
дою съ Кіевскимъ сыропомъ. Но прежде, чѣмъ
успѣли мы развязать коробку съ кушаньемъ,
подошелъ офицеръ и вѣжливо сказалъ, что
намъ прійдется съ часъ подождать лошадей, и
гораздо лучше войти въ комнату, въ которой
опрятно и свѣжо. Мы послушались его совѣта,
и въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, только од-
нажды напившись чаю, очень были довольны,
когда встрѣтившій насъ на крыльцѣ человекъ

спросилъ, не угодно ли намъ обѣдать.—Несом-
нѣваясь по этому вопросу, что онъ содержитъ
гостинницу, я отвѣчала, чтобы намъ подали
полный обѣдъ, что обыкновенно означаетъ
пять блюдъ. Мнимый хозяинъ, поклонясь, ска-
залъ, что тотчасъ будетъ все готово, и отво-
рилъ намъ дверь въ комнату, гдѣ дѣйстви-
тельно была рѣдкая, въ здѣшнихъ мѣстахъ, свѣ-
жесть, и не было мухъ, отъ безчисленнаго
множества которыхъ мы также не однажды
страдали.—Мы нашли тутъ нѣсколько офице-
ровъ и полковника. Первые скоро ушли; ост-
ался только послѣдній, человекъ образован-
ный, котораго мы сочли также проѣзжимъ. Мо-
жно представить, какъ изумились мы, узнавъ,
что мы совсѣмъ не въ гостинницѣ, а на стан-
ціи, гдѣ ждутъ бригаднаго генерала, и полков-
никъ Будбергъ, зная, что по всей дорогѣ не
найдешь порядочной пищи, послалъ своего че-
ловѣка предложить намъ обѣдъ. Намъ очень
было совѣстно, что такъ ошиблись. Радужный
полковникъ успокоилъ насъ, и я, посмѣявшись
надъ собою, прибавила, что нѣтъ худа безъ
добра, что этотъ случай еще болѣе убѣдилъ
меня, что если въ Россіи нѣтъ такого во всемъ
устройства какъ за границею, за то вѣрно

тамъ не найдешь такого, какъ у насъ, гостепріимства, и стремленія одолжать даже людей совсѣмъ незнакомыхъ.

Долго ѣхавъ голыми степями, очень пріятно увидѣть на станціи Покровской, въ имѣніи госпожи Курисъ, прекрасную церковь и домъ, около которыхъ разводятъ садъ съ прудами. Всякое подобное предпріятіе полезно и мало по малу можетъ оживить грустныя эти пустыни. Только нужны постоянныя труды и большое терпѣніе, чтобы дожидаться успѣха; солнце кажется здѣсь еще пламеннѣе, нежели въ Вознесенскѣ: все кругомъ отъ него выгорѣло.

Мнѣ очень понравилась здѣсь мельница: не умѣю описать ее какъ должно, но, можетъ быть, знатоки въ этомъ поймутъ и безтолковое мое описаніе, и кто нибудь имъ воспользуется. Посреди круглаго шатра, съ небольшими окнами, деревянный столбъ, и въ него укрѣплено бревно, къ которому запрягаютъ пару воловъ. Они вертятъ столбъ, пропущенный въ подземный, нижній ярусъ, гдѣ на немъ надѣто огромное колесо (четверня), подпертое толстыми зубчатыми бревешками, и оно, также вертясь, вертитъ другое маленькое колесо, которое приводитъ въ движеніе жерновъ, ме-

люцій въ сутки, и очень мелко, три четверти хлѣба. Мельница эта показалась мнѣ очень проста и удобна: она не зависитъ ни отъ воды, ни отъ вѣтра, и въ небогатомъ мѣстѣ должна быть выгоднѣе всякой другой.

На станціи Буяликской, послѣдней къ Одессѣ, были мы пріятно удивлены хорошею постройкою деревни и нарядомъ крестьянъ. Поселившіеся здѣсь Греки и Болгары живутъ и одѣваются очень чисто. Трудолюбивыя женщины сами ткуть бумажный холстъ, нетонкій, но чрезвычайно плотный, и вообще изготовляютъ все нужное для домашняго употребленія. Онѣ носятъ длинныя шерстяныя, черныя сарафаны, по подолу вышитыя бѣлою или разноцвѣтною бумагою; которыя помоложе, особенно дѣвушки, отдѣлываютъ ихъ очень красиво; у одной была, въ аршинъ шириною, кайма изъ красныхъ и зеленыхъ полосъ, съ узкими по швамъ галунами. Передники на всѣхъ шерстяныя клѣтчатыя, не шире двѣнадцати вершковъ, пояса также шерстяныя съ огромными серебряными, или мѣдными застежками, какъ дѣтское блюдечко. Толстыя браслеты, смотря по состоянію, мѣдныя, серебряныя, и у нѣкоторыхъ золотыя. У дѣвушекъ, какъ у женщинъ, на головахъ

платки, только спущена коса; платокъ сложенъ въ родѣ повойника и подвязанъ бисерною сѣткою; къ нему прикальваютъ живые, или дѣланные цвѣты, и вѣшаютъ золотыя Турецкія деньги, которыя также носятъ и на шеѣ. Мужчины въ широкихъ шараварахъ и курткахъ, или жилетахъ съ длинными бѣлыми рукавами. У всѣхъ вообще здоровый и веселый видъ, и они очень привѣтливо подчивали насъ вкуснымъ молокомъ, которое надоивъ тотчасъ варятъ, чтобы долѣе не скисалось.—У нихъ по двѣ и по три горницы; полъ земляной, но вездѣ очень чисто; около стѣнъ, лавки, покрытыя домашней шерстяной полосухой. Можно пожелать, чтобы наши крестьянки такъ одѣвались въ праздники, какъ здѣшнія въ будни, и особенно, чтобы онѣ были такъ опрятны и рачительны.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	стр.
Введеніе	1.
I.—С. Петербургъ	7.
II.—Гатчина.—Луга.—Городецъ	14.
III.—Порховъ.—Великіе Луки.—Усвяты.—Велижъ.—Поречье	33.
IV.—Смоленскъ. Монастырь Троицкій. Успенскій соборъ. Церковь Благовѣщенія. Монастырь Вознесенскій. Церкви. Памятники. Домъ дворянскаго собранія. Башня Веселуха	52.
V.—Село Александровское.—Орша. Монастырь Іезуитскій. Монастыри Православные. Рѣчь Литовскаго архіепископа Іосифа.—Шкловъ.	76.
VI.—Могилевъ. Архіерейскій домъ. Рѣчь архіепископа Георгія Конисскаго. Соборъ Святаго Іосифа. Церковь Рождества Богородицы. Братскій монастырь. Пиппенбергъ.	112.
VII.—Пропойскъ.—Чечерскъ.—Гомель.—Бѣлица	128.
VIII.—Добрянка.—Городня.—Низменная	147.
IX.—Черниговъ. Соборы. Монастыри. Садъ.—Козелецъ	154.
X.—Кіевъ. Печерская Лавра. Соборъ Успенія Божіей Матери. Пещеры. Ризница	199.

страни.

- XI.—Кіевскій Софійскій соборъ. Десятинная церковь. Церковь Андрея Первозваннаго. Михайловскій монастырь. Флоровскій монастырь 198.
- XII.—Братскій монастырь. Институтъ. Университетъ. Еще Лавра. Никольскій монастырь. 222.
- XIII.—Васильковъ.—Александрія.—Бѣлая церковь.—Тараща.—Тальное 246.
- XIV.—Умань. Царпцынъ садъ.—Вознесенскъ.—Покровское.—Буялицкое. 268.

Къ этой части приложены:—Планъ Печерской Лавры.—Своеручная подпись Кіевскаго Митрополита Петра Могилы, и виды:—Дворецъ Гатчинскій. — Кіевъ. — Крестикъ.—Золотыя ворота въ Кіевѣ.—Институтъ Кіевскій.

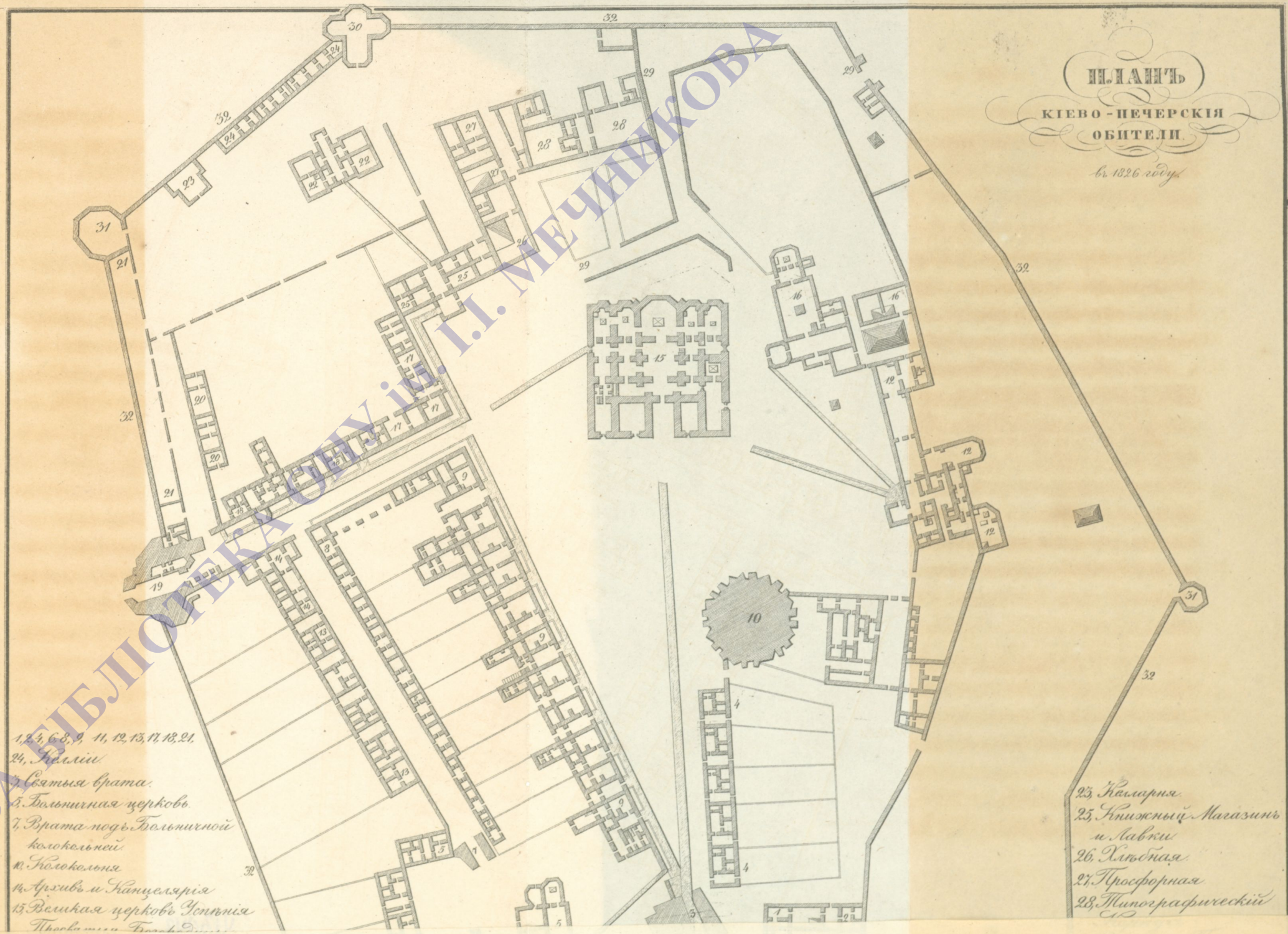
ОПЕЧАТКИ
ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно читать
38.	9.	Калисеенія	Калисеенія
42.	1.	она	они
50.	14.	дощечка	дощечка
139.	25.	Reçois	Reçois
188.	1.	погребинному	погребенному
208.	24.	цекрви	церкви.
214.	5.	къ, себѣ	къ себѣ,

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. Мечникова

ПЛАНЪ
КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЯ
ОБИТЕЛИ.
въ 1826 году.

1, 2, 3, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 17, 18, 21,
24, Келліи.
3, Святыя врата.
5, Большая церковь.
7, Врата подъ Голубиной
колокольней.
10, Колокольня.
14, Архивъ и Канцелярія.
15, Великая церковь Троица
Почаевская Троица.

23, Каларня.
25, Книжный Магазинъ
и Лавки.
26, Кухонная.
27, Просфорная.
28, Типографическій

ОПИСАНІЕ
ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Число	Наименованіе	Служба	Служба
1	Келліи	1	13
2	Келліи	2	23
3	Келліи	3	33
4	Келліи	4	43
5	Келліи	5	53
6	Келліи	6	63
7	Келліи	7	73
8	Келліи	8	83
9	Келліи	9	93
10	Колокольня	10	103
11	Келліи	11	113
12	Келліи	12	123
13	Келліи	13	133
14	Келліи	14	143
15	Церковь Троица	15	153
16	Келліи	16	163
17	Келліи	17	173
18	Келліи	18	183
19	Келліи	19	193
20	Келліи	20	203
21	Келліи	21	213
22	Келліи	22	223
23	Келліи	23	233
24	Келліи	24	243
25	Книжный Магазинъ	25	253
26	Кухонная	26	263
27	Просфорная	27	273
28	Типографическій	28	283
29	Келліи	29	293
30	Келліи	30	303
31	Келліи	31	313

413043

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

413043

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА